

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

С

№ 7

1 9 3 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Г О Д
ИЗДАНИЯ
ВТОРОЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Ж У Р Н А Л
Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 7

1 9 3 0
М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ИКА

*

В. МИАЮТИН

ИТОГИ XVI ПАРТСЪЕЗДА

XVI партийный съезд не только выдвинул лозунг наступления на фронте социалистического строительства, но сам по существу шел во всей своей работе под этим лозунгом. Доклады и прения не только подводили итоги проделанной работы, но определяли перспективы решительного развертывания социалистического строительства, устанавливали формы организации сил и средств для выполнения тех величайших задач, какие выдвигает это строительство.

„Основная установка партии в данный момент состоит в переходе от наступления социализма на отдельных участках хозяйственного фронта к наступлению по всему фронту, и в области промышленности, и в области сельского хозяйства“ (Сталин).

„XVI съезд есть съезд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации“ (Сталин).

Правые оппортунисты почувствовали единодушную волю двухмиллионной партии, решительно осудившей какие-либо отклонения от проведения генеральной линии. Съезд единодушно заявил, что не только на словах, но и на деле в своей работе правые уклонисты, сложившие свое оружие и признавшие свои ошибки, должны доказать свой отказ от своих старых позиций и свою готовность действительно проводить линию партии. Поэтому всякие недомолвки, всякие уклончивые заявления со стороны бывших лидеров правых встречали решительное осуждение съезда. „Вы должны еще решительнее бороться с правыми, чем мы боремся, если хотите доказать свой отказ от старых ошибок“, таковы были многочисленные заявления.

Съезд был единодушен.

На съезде во всех докладах проходило сравнение положения в капиталистических странах и положения у нас: „мы и они“. И в настоящий момент крайне интересно сопоставить единодушие, сплоченность, организованность рядов ВКП(б) с тем развалом, борьбой, интригами, какие господствуют в лагере наших врагов. Нет сейчас ни одной капиталистической страны, где бы не было обострения, шатания, распада среди правящих партий. Поэтому языком разбитых надежд говорит буржуазная пресса о нашем съезде; с прискорбием

должна она констатировать полную капитуляцию лидеров правой оппозиции, на которых она возлагала упования в деле внесения дезорганизации в партию большевиков.

Вся предыдущая практика социалистического строительства полностью доказала возможность достигнуть таких темпов развития нашей экономики, которые делают вполне реальной возможность в кратчайший исторический срок не только догнать, но и перегнать капиталистические страны. В то время как мы имеем все возрастающий темп развития нашей промышленности и валовая продукция промышленности по обобществленному сектору за три последних года выросла более чем вдвое, промышленность в капиталистических странах возросла всего лишь на 3—4%, а в настоящее время она переживает глубокий экономический кризис. Именно развитие индустрии явилось основой всей реконструкции нашего народного хозяйства, и в этом отношении наши успехи в области индустриализации являются наиболее показательными для всего нашего социалистического строительства. Поэтому вполне естественной является возможность осуществления пятилетки в четыре года.

В области индустриализации XVI партсъезд поставил ряд конкретных проблем, подлежащих неотложному разрешению.

Съезд признал необходимым в ближайшее же время добиться полной ликвидации топливного дефицита в стране. Поэтому перед нашей каменноугольной промышленностью встают важнейшие задачи всемерного форсирования капитального строительства в области каменноугольной промышленности основных и второстепенных угольных бассейнов и максимального увеличения использования других топливных ресурсов (торф, сланцы и т. п.).

Особое внимание съезд вполне естественно обращает на развитие машиностроения, так как дальнейшая техническая реконструкция страны возможна только на основе решающих успехов в области машиностроения, в особенности тяжелого машиностроения, электротехнического машиностроения, котло- и турбиностроения, станкостроения, инструментального дела и производства бурового оборудования. Решение съезда обязывает все отрасли промышленности, связанные с этими видами машиностроения, т. е. в первую очередь черную и цветную металлургию, к значительному увеличению размеров своего производства и в особенности повышению качества производимой ими продукции; улучшение качества продукции этих отраслей является одним из основных условий успешного разрешения проблемы машиностроения. Особое значение приобретает рационализация промышленности.

Съезд указал и пути, при помощи которых мы должны добиваться увеличения размеров продукции основных отраслей промышленности, прежде всего черной и цветной металлургии. В первую очередь это путь постройки новых металлургических заводов. В резолюции съезда указан ряд основ-

ных металлургических заводов, начатых или начинаемых постройкой на которых необходимо сосредоточить сейчас особое внимание. Это заводы: Магнитогорский, Кузнецкий, Запорожский (ныне строящиеся), Нижнетагильский и Бакальский на Урале (подлежат постройке в ближайшее время) и заводы цветной металлургии на Урале, в Казакстане и Сибири.

XVI съезд подтвердил важнейшее решение ЦК о сдвиге на Восток в географическом размещении основных отраслей промышленности. В постановлении ЦК от 15 мая 1930 г. сказано: „Индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири“. Съезд добавил к этому следующее: „Вместе с тем съезд признает необходимым форсированное развитие в восточных районах (Урал, Сибирь, Казакстан, Средняя Азия) и других отраслей промышленности, опирающихся на местные сырьевые ресурсы (цветная металлургия, текстильная промышленность и др.)“.

Это решение съезда указывает нашим партийным и хозяйственным органам на огромное значение дела правильного географического размещения промышленности, в особенности нового капитального строительства, что является весьма сложной задачей, тем более что она должна быть разрешаема как комплексная задача в связи с развертыванием сельского хозяйства.

Разрешение задач дальнейшей индустриализации страны требует укрепления и расширения энергетической базы Союза до таких размеров, которые обеспечивали бы бесперебойное развертывание народного хозяйства во всех районах страны. Электрификация всегда стояла и стоит в центре нашего внимания. Здесь достигнуты значительные успехи, но тем не менее рост энергетической базы значительно отстает от роста потребности в энергии. Этот разрыв может быть ликвидирован лишь усилением строительства районных станций, что становится особенно необходимым и приобретает особо важное значение в связи с созданием новых индустриальных районов.

Если электрификации в общем и целом уделялось большое внимание, то этого никак нельзя сказать относительно химической промышленности и вообще проблемы химизации народного хозяйства. В то время как химия получает сейчас несомненно величайшее значение, становясь основой для крупнейших изменений в области современной техники, у нас химия являлась одним из самых отсталых участков. Съезд считает необходимым обеспечить неуклонное, последовательное проведение химизации всего народного хозяйства путем обобществления форсированных темпов развертывания производства искусственных удобрений, средств борьбы с вредителями сельского

хозяйства, калийного дела, производства азота, искусственного волокна, лесохимической промышленности, переработки сланцев, торфа, химически ценных углей, производства красок и т. п.

Наряду с указанием направлений форсированного развития производства средств производства съезд выдвинул проблему усиления темпа развертывания легкой индустрии. Мы уже достигли того положения, когда необходимо особое внимание обратить на развитие легкой индустрии, так как рост потребностей рабочих и крестьянских масс, задачи повышения материального и культурного уровня их жизни требуют обеспечения соответствующего развития производства средств потребления.

Форсированное развертывание промышленности упирается в проблемы, связанные с рациональной организацией производственных процессов и управления промышленностью, а это в свою очередь связано с созданием пролетарских руководящих кадров промышленности. Исходя из этого, съезд наметил целый ряд организационных мероприятий в области подготовки новых кадров, усиления социалистической рационализации и улучшения управления промышленностью, которые должны быть положены в основу дальнейшей работы и развертывания нашей индустрии.

Социалистическое наступление в сфере сельского хозяйства заключается в дальнейшем развертывании коллективизации, в дальнейшем осуществлении перехода к сплошной коллективизации и ликвидации остатков капиталистических элементов в деревне.

В этом отношении решения XVI партсъезда по колхозному движению и подъему сельского хозяйства дают, во-первых, принципиальную линию развертывания социалистического строительства в деревне; во-вторых, директивы по конкретным задачам развития сельского хозяйства и его основных отраслей; в-третьих, директивы по организации сил для выполнения вышеуказанных задач.

Социалистические отношения в СССР, опирающиеся главным образом на социалистическую промышленность, начинают опираться также и на быстро растущий социалистический сектор колхозов и совхозов в сельском хозяйстве.

Таким образом все дальнейшее развитие сельского хозяйства и разрешение его основных проблем теперь определяются социалистическим сектором сельского хозяйства — колхозами и совхозами. Индивидуальный сектор сельского хозяйства начинает играть второстепенную роль. Но отсюда отнюдь не следует, что мы в какой бы то ни было мере должны ослабить наше внимание к индивидуальному сектору или изменить нашу политику к нему. Наоборот, середняцкая и бедняцкая масса в индивидуальном секторе сельского хозяйства является тем резервом, из которого будут черпаться дальнейшие силы для поступательного движения колхозов.

Но уже в нынешнем году более половины товарной продукции зерна даст социалистический сектор сельского хозяйства, а с каждым годом и его удельный вес будет быстро возрастать. Проблема животноводства—важнейшая проблема после зерновой—так же как и эта последняя разрешима только на путях развития крупного обобщественного сельского хозяйства. Поэтому партсъезд дал твердые задания нашим хозорганам относительно и зерновой и животноводческой продукции. По линии Зернотреста в будущем году необходимо обеспечить посев не менее 4,5 млн. га и подготовку к посеву в 1932 г. не менее 9 млн. га. По линии животноводства — обеспечить товарный выход свиней у одного Свиноводтреста в 1930/1931 г. не менее 400 тыс., в 1931/1932 г.— не менее 3 млн. и в 1932/1933 г.—не менее 7 млн. штук и довести число голов стада „Скотовода“ в 1930/1931 г. до 3,2 млн. голов, в 1931/1932 г.— до 5,5 млн. голов и в 1932/1933 г.—до 9—10 млн. голов.

Изменение соотношения укладов в деревне приводит к тому, что изменяется вопрос о классовой опоре советской власти в деревне. Уже в настоящее время в важнейших зерновых районах СССР прочной опорой советской власти является колхозный сектор. „Метод сплошной коллективизации, — как указал т. Сталин, — является тем необходимым методом, без которого невозможно выполнение пятилетнего плана коллективизации всех областей СССР“. В связи с этим стоит вопрос о ликвидации кулачества как класса. Ликвидация кулачества как класса произойдет в результате длительной упорной борьбы с ним и не менее упорной работы в деле осуществления сплошной коллективизации, на основе которой мы только и можем провести ликвидацию кулачества как класса.

Из директив по конкретным задачам развития сельского хозяйства мы особое внимание должны обратить на коренную переработку пятилетнего плана развития сельского хозяйства.

„Коренным образом пересмотреть пятилетний план развития сельского хозяйства, исходя из темпов коллективизации, предусмотренных решением Центрального комитета от 5 января и полностью подтвержденных на опыте, с тем чтобы на этой основе обеспечить наряду с ускоренным развитием зерновых и технических культур подвятие и усиленное развитие животноводства путем прежде всего организации специальных животноводческих совхозов аналогично зерносовхозам, массового создания высокотоварных колхозных ферм и быстрого расширения кормовой базы“.

В настоящее время пятилетка по сельскому хозяйству должна быть пересмотрена не только механически путем добавления тех или иных процентов и изменения цифровых показателей, но должна подвергнуться коренной переработке.

Прежде всего выдвигается та проблема, на которую особенно указывал в своем докладе т. Сталин и которую развил т. Яковлев—

проблема специализации районов. Эта проблема имеет чрезвычайно важное значение, и новая пятилетка должна быть построена на основе совершенно определенного разрешения этой проблемы. Последняя связывается не только с географическим размещением тех или иных сельскохозяйственных культур, но и с проблемой индустриализации страны, с проблемой нового строительства промышленности, с проблемой новых транспортных путей. В области сельского хозяйства проблема специализации районов имеет не менее важное значение, чем в свое время имел план ГОЭЛРО, определивший карту районных электростанций. Первые шаги в этом направлении сделаны, но они несомненно явно недостаточны. Проблему специализации районов надлежит поставить на самое широкое обсуждение. На разработке этой проблемы необходимо будет сосредоточить лучшие силы наших экономистов и специалистов с обязательным привлечением работников с мест.

Новой пятилеткой особенно должна быть предусмотрена проблема механизации и машинизации сельского хозяйства. В этом отношении несомненно новая пятилетка выйдет за пределы 1932/1933 г., и нам ее необходимо увязать с проблемой строительства в генеральном плане нашего народного хозяйства. Не следует забывать, что введением трактора и комбайна в сельское хозяйство мы сделали лишь только самые начальные шаги в деле машинизации сельского хозяйства. Не только задача подъема зернового хозяйства, но и задача решительного подъема животноводства и технических культур ставит целый ряд кардинальных, совершенно новых задач в области машинизации, механизации сельского хозяйства. При этом особое внимание должно быть обращено на качественную сторону процесса механизации: введение машин, созданных по последнему слову техники, и создание условий для дальнейшего быстрого усовершенствования их силами нашей советской технической мысли. В области технической реконструкции мы не только должны догнать передовые капиталистические страны, но и, как правильно выразился в своей статье академик Иоффе, мы должны „догоняя, их перегнать“. Он совершенно справедливо говорит: „Техника растет и развивается непрерывно и притом тем более энергично и быстро, чем шире и лучше ее научно-исследовательская база. А значит задачу „догнать и перегнать“ нельзя разбить на две части, нельзя сначала перенести к нам технику капиталистических стран сегодняшнего дня, а затем уже приниматься за то, чтобы перегнать ее. Идя по этому пути и догнавши сегодня, мы отстали бы завтра. Задача заключается в том, чтобы, ассимилируя иностранную технику, одновременно создавать источники ее дальнейшего самостоятельного развития на нашей почве и притом значительно более быстрого развития, чем это возможно в условиях капитализма. В области техники нам следовательно необходимо „догнать, перегоняя“.

В пятилетке необходимо предусмотреть проведение социалистической рационализации в области сельского хозяйства. В этом направлении у нас совершенно непочатый угол работы. Если в промышленности мы все же добились известных результатов, то в области сельского хозяйства мы еще почти не применили принципов рационализации.

Съезд выдвинул проблему оптимального комбинирования сельскохозяйственного и промышленного производства. В пятилетке мы должны предусмотреть план как аграрно-индустриальных, так и индустриально-аграрных комбинатов. Развитие крупных обобщественных сельских хозяйств раскрывает в этом отношении огромные перспективы. В значительной части стихийным образом этот процесс происходит уже в настоящее время, но он требует планового вмешательства. Переработанный коренным образом пятилетка даст ту необходимую плановую основу, на которой мы сможем разрешить основные проблемы сельского хозяйства и в огромной степени повысить темпы развития всех отраслей сельского хозяйства, связанных с промышленностью. Эта пятилетка должна быть теснейшим образом увязана с задачами генерального плана народного хозяйства.

Важнейшей задачей настоящего момента является немедленное проведение в жизнь решений XVI партсъезда. На этом должны быть сосредоточены силы наших партийных, советских, профессиональных и кооперативных организаций. Эти решения являются программой для социалистической стройки, дают ее план. Необходимо полное осуществление в жизни этого плана. Суть нашего наступления в области сельского хозяйства именно и будет заключаться в том, что наши организации всю свою работу сумеют построить в соответствии с указанными задачами, учитывая при этом опыт и уроки прошлого. Закрепляя наши успехи в области коллективизации, мы должны дальше продвинуть количественный охват индустриальных хозяйств колхозами. Уже осенняя посевная кампания в этом отношении должна дать определенные результаты роста колхозов. Но при проведении организационной работы по развитию коллективизации мы должны учитывать уроки прошлого.

„Колхозы могут быть построены только на основе добровольности. Всякая попытка применения насилия или административного принуждения в отношении бедняцко-средняцких масс в целях их присоединения к коллективам является грубым нарушением линии партии и злоупотреблением властью“. Но принцип добровольности отнюдь нельзя понимать так, как уже начинают в некоторых местах трактовать его правые элементы, выражая в этом отношении чаяния кулачества: раз добровольность, то не нужно никакого вмешательства.

Подобного рода пассивная точка зрения, целиком ориентирующаяся на стихийность, является в корне неверной. Проведение принципа добровольности не только не отвергает, но предполагает организационный подход к делу коллективизации. В этом отношении должны быть учтены желания крестьян, поступающих в колхозы, раскрыты преимущества коллективизации, должна быть проведена тщательная подготовка в области хозяйственной деятельности колхозов.

Основной формой колхоза, как известно, являются сельскохозяйственные артели, предполагающие обобществление средств производства. Не требуется, говорит резолюция съезда, чтобы крестьяне, вступая в артель, отказывались от всяких своих личных интересов, от возможности вести в качестве добавочного к общему хозяйству свое личное хозяйство в виде усадебного огорода, птицеводства и т. п. Это значило бы искривлять нашу линию в области строительства колхозов. При проведении коллективизации необходимо считаться с районными особенностями. В ряде районов незернового характера, а также в национальных районах Востока, на первое время как переходная форма к артели может получить массовое распространение товарищество по общественной обработке земли. Коммуна остается высшей формой в колхозах. Но переход к этой высшей форме, которая между прочим в отличие от артели заключается в обобществлении всех средств производства, происходит лишь в связи с повышением технических основ производства колхозов, поднятием культурного уровня колхозников и признанием самими крестьянами необходимости перейти к этой высшей форме колхозной организации. Особое значение имеет при проведении решений партсъезда привлечение к этому делу всей массы колхозников и массы сельскохозяйственных рабочих совхозов. Вместе с тем особенно важной является задача организации руководства колхозами. Переход от хозяйства единоличного к хозяйству коллективному может осуществиться только на основе союза рабочего класса и бедноты с середняком, что обязывает к систематическому привлечению середняков к колхозному руководству. Это отнюдь не означает, что мы должны свалить все руководство колхозами на середняка. Это было бы неправильно. Но с другой стороны, ошибкой является, как это указывалось в выступлениях на XVI партсъезде, когда некоторые организации чисто фиктивным образом привлекали середняков к колхозному руководству, поручая им выполнение самых третьестепенных задач.

Вопрос о колхозных кадрах является одним из важнейших условий укрепления коллективизации, подъема сельского хозяйства и тем самым осуществления задач, поставленных XVI партсъездом. Мы являемся свидетелями того, как колхозные массы выделяют ряд талантливейших организаторов и строителей новых форм сельского хозяйства. Поэтому организовать систему выдвижения на руководящую работу кадров из среды самих колхозников является чрезвычайно

важным, однако необходимо не просто механически выдвигать, а подготовить соответствующие кадры: необходимо самое широкое развитие сельскохозяйственных школ, техникумов, вузов, куда бы привлекались колхозники. Нужно прямо признать, что со специалистами для сельского хозяйства дело обстоит пожалуй хуже, чем со специалистами в области промышленности. Крупные обобщественные сельскохозяйственные предприятия в области техники и в области организационного строительства предъявляют такие требования к знаниям и взглядам специалистов, к которым последние сплошь и рядом являются совершенно неподготовленными. Поэтому наиболее быстрое выдвижение собственных кадров для сельского хозяйства является единственным возможным способом удовлетворения потребности обобщественного сектора сельского хозяйства в кадрах технических и хозяйственных руководителей.

Вся бывшая и имевшаяся у нас практика в области сельского хозяйства говорит, что при должной организации, при необходимой энергии, при неуклонном проведении в жизнь принятых решений мы не только справимся с существующими трудностями (ряд крупнейших трудностей уже является преодоленным), но произведем огромный сдвиг вперед—по пути подъема и преобразования всей нашей общественной жизни.

Одним из важнейших условий осуществления задач, поставленных XVI партсъездом, является борьба против правых и „левых“ извращений генеральной линии партии.

„Партия добилась величайших успехов социалистического строительства благодаря твердому проведению генеральной линии партии, благодаря беспощадной и решительной борьбе на два фронта—против троцкизма и примиренчества к нему, против правого уклона как главной опасности на данном этапе и примиренчества к правому уклону.

Только борьба на два фронта привела к полному разоблачению троцкизма, целиком скатившегося на контрреволюционные, меньшевистские позиции. В партии однако продолжают существовать примиренческие настроения к троцкизму, что прежде всего выражается в недооценке союза рабочего класса с середняцким крестьянством. Партия будет и в дальнейшем вести решительную борьбу с этими настроениями“.

На борьбу с извращениями партлинии и примиренческим к ним отношением необходимо мобилизовать силы и внимание, так как в настоящий период оппортунисты всякого рода применяют новые маневры, выражающиеся в формальном признании своих ошибок, в формальном согласии с генеральной линией партии, но на деле ведут в скрытой форме все те же атаки на партию и на партийную линию. Разоблачение оппортунистических уклонов от генеральной линии партии имеет в настоящее время особенно важное значение, так как период развернутого наступления будет связан с огромными

трудностями, трудностями роста, неизбежно вызывающими определенный рост колебаний среди неустойчивых элементов нашей партии и выражающимся в стремлении отойти от генеральной линии партии или ослабить социалистическое наступление. Этим попыткам нужно будет дать решительный отпор.

Проведение в жизнь решений XVI партийного съезда, конкретное воплощение их в действительность предъявляет повышенные требования и к работе в области теории и в особенности в области экономической теории. Задачи, поставленные партийным съездом, настолько велики и значительны, что необходима тщательнейшая научная проработка проблем, возникающих на основе коренной перестройки окружающей нас действительности. Методология марксизма и ленинизма давала нам возможность разбираться в сложнейших отношениях современной действительности и определять перспективы будущего. Решения партийного съезда имеют не только огромное практическое, но и теоретическое значение. Они должны определить дальнейшее развертывание нашей теоретической работы.

На пути выполнения решений XVI съезда мы сделаем огромные шаги в направлении создания социалистического общества.

„Съезд выражает непоколебимую уверенность в том, что спланированная под знаменем ленинизма миллионы рабочих и колхозников, сокрушая сопротивление классовых врагов, ВКП(б) поведет массы в развернутое социалистическое наступление и обеспечит полную победу социализма в СССР“.

И. БЯЛЫЙ

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОБЛЕМЫ „КТО КОГО?“

„... в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст нэпманам, т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочим, расколоть себя с ним. Чем яснее мы будем видеть перед собой этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избежать раскола, который был бы губителен для Советской республики“¹.

Социалистический сектор и капиталистический сектор ведут между собой борьбу за втягивание крестьянства в свою систему воспроизводства. Победа второго над первым была бы губительна для Советской республики и, наоборот: окончательная победа первого над вторым означает победу социализма. Поэтому, когда мы ввели нэп и началось соревнование между социалистическим и капиталистическим секторами за характер социально-экономической перестройки крестьянского хозяйства, Ленин значение этой борьбы сформулировал следующим образом:

„Весь вопрос, за кем пойдет крестьянство—за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за капиталистом... Весь вопрос—кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше организоваться,—и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на вещи трезво: кто кого?“².

Формула „кто кого“ с классической ясностью выражает всю специфичность нашей экономической структуры. Она дает исчерпывающую характеристику основного противоречия нашего строя, а вместе с тем и форму разрешения и преодоления этого противоречия. Поэтому вся история нэпа есть история разрешения ленинской проблемы „кто кого“. Смена одного этапа советской экономики другим есть смена одного положения проблемы „кто кого“ другим. И полное разрешение в благоприятном для нас смысле проблемы „кто кого“ совпадает с победой социализма.

В каком состоянии находилась проблема „кто кого“ в первый период нэпа? На это дает ответ характер связи социалистического сектора с крестьянским хозяйством, а также возможность и степень противодействия со стороны капиталистического сектора. В первый

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 2, с. 115—116.

² Там же, с. 344—345.

период нэпа промышленность находилась в столь разрушенном состоянии, что без перекачки в нее средств из сельского хозяйства она не смогла бы обеспечить социалистического влияния на развитие сектора простого товарного производства. Слабость социалистических командных высот наряду с этим обусловила также довольно быстрый рост капиталистических элементов. Перед нами стояла тогда задача приспособить нашу промышленность для рыночной смычки с крестьянством, и эту, по сравнению с теперешними масштабами более чем скромную, задачу мы не могли разрешать без сохранения противоречащих интересам крестьянства „ножниц“ и допущения широкого участия частного капитала. Мы были вынуждены бороться за социалистическую смычку с крестьянством таким путем, который одновременно создавал силы, направленные на разрыв этой смычки. Предпринимая меры, направленные на создание предпосылок, необходимых для полного преодоления противоречий нашей экономики, мы вместе с тем не могли избежать временного обострения этих противоречий. Кризис 1923 г. связан с обострением проблемы „кто кого“, которое было обусловлено исключительно слабым состоянием социалистических командных высот и огромным удельным весом мелкобуржуазной стихии.

Для разрешения проблемы „кто кого“ в том виде, как она встала в первые годы нэпа, предлагался ряд рецептов, отличных от линии, проводимой партией. Характерно, что все эти рецепты основывались на неправильном понимании соотношения в тот период двух борющихся тенденций воспроизводства производственных отношений, т. е. состояния проблемы „кто кого“.

Правые (Красин и Сокольников) основной путь преодоления трудностей видели в помощи со стороны иностранного капитала. Сокольников предлагал идти на уступки вплоть до допущения иностранного капитала на акционерных основаниях в нашу государственную промышленность. Красин на XII партсъезде доказывал, что иностранные займы нам легко компенсируют не только проценты по ним, но и возмещение аннулированных займов. В свете линии наступления на капиталистические элементы, взятой партией в целях разрешения противоречий первого периода нэпа и позволившей нам, в совокупности с рядом других мероприятий, поднять всю нашу хозяйственную систему на более высокую ступень, капитулянтский характер линии Красина и Сокольникова выступает особенно наглядно.

В условиях столь непрочного состояния экономической смычки пролетариата с крестьянством, которой характеризуется первый этап нэпа, капиталистические элементы представляли особенно серьезную опасность; слабость процесса воспроизводства социалистических отношений давала возможность капиталистическому сектору даже при совершенно незначительных средствах сравнительно легко развивать капиталистические тенденции воспроизводства. В этих условиях серьезные уступки иностранному капиталу, на которые предлагали пойти Красин и Сокольников, окончились бы срывом процесса воспроизводства социалистических отношений. Линия Красина и Сокольникова совершенно игнорировала соотношение классовых сил в стране, состояние проблемы „кто кого“ в первый период нэпа. Подойдя к задаче разрешения хозяйственных трудностей без учета конкретных условий классовой борьбы, Красин и Сокольников, независимо от их воли, заняли капитулянтскую позицию.

Противоположного характера ошибку совершили троцкисты. Но так же как и линия правых, линия троцкистов упирается в неправиль-

ное понимание проблемы „кто кого“. Троцкисты выступили с законченной экономической платформой во время дискуссии перед XIII партконференцией, т. е. как раз во время кризиса 1923 г. Поэтому их платформа должна была наметить пути выхода из кризиса. Как известно, характерной особенностью экономической платформы троцкистов была борьба против политики снижения цен, которую тогда наметил ЦК партии, а также отрицание необходимости немедленного проведения денежной реформы. Если платформа правых основана на недооценке отрицательной роли капиталистических элементов, то экономическая линия троцкистов истоком своим имеет неправильное понимание проблемы „кто кого“ в смысле непонимания характера экономической смычки рабочего класса с крестьянством. Согласно троцкистской оценке классовой структуры нашей экономики, воспроизводство социалистических отношений имеет место только в социалистическом секторе, а в сферу воспроизводства капиталистических отношений вместе с капиталистическим сектором входит и весь сектор простого товарного производства. Неудивительно, что в момент сильных перебоев в процессе воспроизводства социалистических отношений троцкисты основной выход из положения видели в усилении „первоначального социалистического накопления“ путем перекачки средств из крестьянского хозяйства в промышленность. Если бы восторжествовала линия троцкистов,—результат получился бы примерно тот же, что и при проведении линии правых. Вместо изжития кризиса сбыта 1923 г. наступило бы, наоборот, его обострение, которое развернулось бы в народнохозяйственный кризис. Кризис в хозяйстве переходной экономики возможен лишь как результат отрыва крестьянского хозяйства от социалистической промышленности. Осуществление на практике линии правых и линии троцкистов потому привело бы к кризису, что обе они,—правда различными путями,—создали бы условия, при которых экономическая смычка рабочего класса с крестьянством оказалась бы сорванной. Линия правых привела бы к размычке с крестьянством путем уступок иностранному капиталу. Она усилила бы позиции капиталистических элементов до такой степени, которая обеспечила бы им победу над социалистической линией. Линия троцкистов привела бы к размычке тем, что в результате их политики для крестьянства связь с социалистической промышленностью оказалась бы невозможной. Крайности сходятся. Ошибочный метод разрешения проблемы „кто кого“ приводит к размычке рабочего класса с крестьянством, к победе капиталистической тенденции развития.

Генеральная линия, при помощи которой партия разрешала проблему „кто кого“, в первой стадии нэпа и позволила, преодолев кризис сбыта 1923 г., поднять наше хозяйство на новую, более высокую ступень. ЦК партии отверг линию уступок иностранному капиталу как линию, несовместимую с задачами обеспечения ведущей роли социалистических командных высот. Вместе с тем ЦК во главу угла своей политики поставил задачу укрепления социалистической промышленности до такой степени, которая обеспечила бы социалистический характер смычки города с деревней. В результате этой политики нам удалось поставить на ноги государственную промышленность, приспособить ее к рыночным методам и вплотную подойти к бездефицитному государственному бюджету. Однако кризис сбыта 1923 г. сигнализировал необходимость серьезного снижения промышленных цен и немедленного проведения денежной реформы. Настойчивая политика укрепления социалистических командных высот, проводившаяся

до кризиса сбыта 1923 г., дала возможность рабочему классу в момент кризиса в интересах укрепления социалистической смычки осуществить мероприятия, существенно облегчавшие положение основной массы крестьянства. Однако успехи первых лет нэпа позволили рабочему классу произвести укрепление экономической смычки с крестьянством еще и с другого конца. К моменту кризиса сбыта в руках пролетарского государства оказалось достаточно средств, чтобы предпринять развернутое наступление на частный капитал. Стремительное вытеснение частника с линии связи государственной промышленности с крестьянским хозяйством явилось наряду с практической уступкой крестьянству основной мерой укрепления социалистической смычки города с деревней, т. е. основным средством решения проблемы „кто кого“ в условиях кризиса сбыта 1923 г.

Проведенная во время кризиса сбыта комбинированная политика практической уступки основной массе крестьянства при стремительном наступлении на частный капитал со стороны окрепших в течение первых лет нэпа социалистических командных высот дала столь положительный результат именно потому, что она явилась следствием правильного понимания проблемы „кто кого“ в условиях кризиса сбыта 1923 г.

Результатом правильного подхода к разрешению проблемы „кто кого“ на первом этапе нэпа является быстрый подъем всего нашего хозяйства, наступивший после денежной реформы. 1924—1926 гг. являются еще годами восстановительного периода, но они существенно отличаются от первого его этапа. По сравнению с первым этапом они представляют собой новую, значительно более высокую фазу развития. Прочность связи социалистического сектора с крестьянством и широта охвата последнего процессом воспроизводства социалистических отношений далеко оставила позади первый период нэпа. Благодаря упорядочению денежного обращения и успешному наступлению на частный торговый капитал, мы оказались в состоянии быстро пустить в ход все старые запасы основного капитала. Это обстоятельство обусловило небывалые темпы нашего роста и вместе с тем весьма существенно ослабило напряженность развития: создалась возможность значительного расширения воспроизводства при параллельном росте потребительского уровня трудящихся. Наличие старых запасов основного капитала при возможности их быстрого и целесообразного использования несколько ослабили остроту проблемы „кто кого“. Оставшийся на ряде участков нашего хозяйственного организма частный капитал стал для воспроизводства социалистических отношений значительно менее опасен, чем в первый период нэпа. Вследствие этого мы в 1925 г. сочли возможным несколько ослабить нажим на частного торговца и на XIV партконференции разрешить аренду и наем рабочей силы в деревне. Бухарин и его школа на основе этого временного ослабления нажима на частника, обусловленного временным ослаблением формы проявления проблемы „кто кого“, построили теорию затухания классово-войны и вставания кулака в социализм. Партия же, определяя степень и формы легального существования частного капитала, руководствовалась учетом конкретного состояния условий борьбы двух типов воспроизводства производственных отношений. Так обстояло дело с проблемой „кто кого“ в 1925 г.

В течение второго периода восстановительного процесса с большой ясностью обнаружился ряд закономерностей нашего развития. В частности довольно четко были сформулированы причины быстрого темпа роста нашего хозяйства. В связи с этим остро встал вопрос о перспективах расширенного воспроизводства в связи с постепенным исчерпанием старых запасов основного капитала. Эта проблема, нужно сказать, явилась пробным камнем для работающих над вопросами советской экономики. При решении вопроса о перспективах расширенного воспроизводства после завершения восстановительного процесса неправильное понимание проблемы „кто кого“ не могло не обнаружиться со всей резкостью.

Госплановские специалисты—Громан и Базаров—выступили тогда с теорией затухающей кривой. Суть ее состоит в игнорировании, точнее—в отрицании, преимуществ советской системы производственных отношений над капиталистической. Исходя из глубоко пессимистической оценки особенностей советской экономики, они по существу пророчили нам возможность прогрессивного развития после исчерпания старых запасов основного капитала.

Однако если теория лойяльных меньшевиков ограничивалась доказательством неспособности советской системы хозяйства обеспечить быстрое развитие производительных сил, то Устрялов пошел дальше: он предложил выход из тупика, нарисованного теорией затухающей кривой. Если крепкий мужик использует произведенную революцией ликвидацию феодальных отношений, если он на основе этого станет во главе развития производительных сил деревни и сомкнется через посредство перерождающихся хозяйственников с промышленностью,—хозяйство России оставит далеко позади довоенные темпы, так как оно не встретит больше препятствий ни со стороны остатков феодализма, ни со стороны политики пролетарской диктатуры, устранение которой является необходимой предпосылкой устряловского пути развития. Программа Устрялова, в отличие от беспросветного пессимизма теории лойяльных меньшевиков, является боевой программой нашего классового врага. Устрялов делает из проблемы „кто кого“ выводы для своего класса. Он резко ставит перед своим классом проблему смычки с крестьянством, но разумеется смычки капиталистической. Он рисует пути расширенного воспроизводства капиталистических отношений и предсказывает включение государственной промышленности в капиталистический круг воспроизводства. Если Ленин исходит из принципиальной обязательности победы социалистической тенденции над капиталистической, то Устрялов, наоборот, пророчит капиталистическому типу воспроизводства победоносное развитие за счет социалистического. Ленин и Устрялов—два крайних полюса проблемы „кто кого“.

В свете устряловской программы особый интерес приобретает бухаринский лозунг „обогащайтесь“. Как мог Бухарин выбросить этот лозунг именно накануне вступления в реконструктивный период, характеризующийся обострением классовой борьбы? Как объяснить восторженные приветствия автору этого лозунга со стороны нашего злейшего классового врага?

Дело в том, что выбросить лозунг, столь сильно напоминающий боевые лозунги буржуазии, Бухарин мог только потому, что он исходил из теории вставания кулака в социализм. Лозунг „обогащайтесь“ есть практический вывод из этой теории. Бухарин исходил из того, что в условиях диктатуры пролетариата изменилась экономическая

сущность не только середняцкого, но и кулацкого хозяйства, что экономические рычаги диктатуры пролетариата смогут обезвредить кулака, включив его в свою систему. Он исходил из того, что в нашем хозяйстве имеет место лишь один процесс, один тип воспроизводства производственных отношений, ведущая роль в котором принадлежит государственной промышленности и вместе с тем составной частью которого является кулак. Бухарин забыл проблему „кто кого“, и потому его практический лозунг совпал с лозунгами тех, кто стремится ее решить в пользу буржуазии.

Выше мы подчеркивали, что линия партии сильна именно тем, что она строго исходит из правильного учета особенностей проблемы „кто кого“ на каждом данном историческом отрезке времени. Благодаря этому нам удалось преодолеть сложнейшие противоречия периода нэпа и поднять систему строящегося социализма на значительно более высокую ступень; благодаря этому мы после проведения денежной реформы сумели в кратчайший срок и с максимальной экономией втянуть в производственный процесс все бездействовавшие средства производства, т. е. ликвидировать функциональное расстройство производительных сил, происшедшее во время военного коммунизма. Учет конкретного положения проблемы „кто кого“ лег также в основу линии, которую партия наметила при переходе к реконструктивному периоду.

Как известно, одним из основных разделов решений XIV партсъезда является решение о характере индустриализации страны. Тов. Сокольников в качестве представителя ленинградской оппозиции предлагал изменить характер индустриализации в направлении сокращения удельного веса производства средств производства. Тов. же Сталин в политотчете ЦК партии сделал ударение на специфичности социально-экономического переплета, который остро ставит вопрос о характере нашей связи с мировым капиталистическим хозяйством. Когда подходил к концу восстановительный процесс и Устрялов, подкрепляемый авторами теории затухающей кривой, провозгласил: рост капитализма из сельского хозяйства в качестве единственного возможного пути развития производительных сил, а школа Бухарина выбросила под влиянием теории вращающегося кулака в социализм лозунг, с энтузиазмом подхваченный Устряловым,—партия поставила и разрешила вопрос о формах борьбы за социалистическое руководство крестьянством в новой, более сложной, обстановке. Линия, которую партия наметила при вступлении нашего хозяйства в реконструктивный период, состояла в следующем.

а) Для постоянного усиления процесса воспроизводства социалистических отношений необходим такой темп роста государственной промышленности, который позволил бы ей постоянно расширять и укреплять свое влияние на крестьянское хозяйство. Поскольку же восстановительные возможности исчезли, интересы социалистической смычки создали необходимость приступить к выполнению серьезной программы капитального строительства. Вступая в реконструктивный период, партия, исходя из необходимости постоянного укрепления социалистической смычки, наметила темп развития нашей промышленности, значительно превосходящий довоенный темп. В качестве основного средства достижения намеченного темпа партия отметила преимущества нашей системы производственных отношений по сравнению с дореволюционной системой. Авторы теории затухающей кривой решали проблему темпа путем абстрагирования от роли производствен-

ных отношений, партия же выдвинула их на первый план и, как показал опыт, успешно использовала для усиления процесса воспроизводства социалистических отношений в его борьбе с капиталистическими тенденциями.

б) Тот же реальный и правильный учет состояния проблемы „кто кого“, который обусловил принятие темпа индустриализации, значительно превосходящего довоенный, побудил партию решительно отказаться от предложенного т. Сокольниковым на XIV съезде типа индустриализации. Линия на развитие производства средств потребления, при установке покрывать потребности в средствах производства главным образом при помощи мирового капиталистического хозяйства, основана на полном отсутствии учета той роли, которую капиталистическое окружение играет в борьбе двух типов воспроизводства производственных отношений, образующей основное содержание переходной экономики.

Мы, разумеется, не отказываемся от связи с мировым хозяйством, но лишь при обязательном условии, что эта связь не усилит влияние капиталистического сектора на простое товарное хозяйство. Этот принцип лежит в основе монополии внешней торговли, им же мы руководствуемся при всяческих случаях решения вопроса о привлечении к нам иностранного капитала. Как выше указывалось, проблема индустриализации на XIV партсъезде стояла как основное звено генеральной линии развития и укрепления социалистической смычки в условиях исчерпания восстановительных возможностей. Если бы мы приняли такой тип индустриализации, при котором последняя находилась бы в полной зависимости от иностранного капитала, мы этим самым поставили бы под контроль иностранного капитала всю нашу борьбу за укрепление и расширение социалистической смычки. План Сокольникова, поскольку он исходное и решающее звено индустриализации нашей страны (производство средств производства) переносил в капиталистические государства, по существу способствовал бы тому, чтобы борьбу социалистического типа воспроизводства против капиталистического внутри нашей страны поставить под контроль международного капитализма; борьба ЦК против этого плана есть борьба за ленинский путь решения проблемы „кто кого“ в том ее состоянии, который обуславливался условиями перехода к реконструктивному периоду. Такова вторая черта линии партии в период XIV партсъезда.

в) Для полного представления о генеральной линии экономической политики, намеченной XIV съездом, необходимо еще рассмотреть непосредственно деревенскую политику партии под тем же углом зрения—под углом зрения методов разрешения проблемы „кто кого“. Приступив к реконструкции народного хозяйства, отбросив при этом путь наименьшего сопротивления, предлагавшийся Сокольниковым, мы вместе с тем не могли сразу приняться за социалистическую реконструкцию деревни. Первые шаги реконструктивного процесса неизбежно должны были ограничиваться переделкой главным образом государственной промышленности, тем более что реконструкцию мы производили без всякой помощи извне. Усиление процесса воспроизводства социалистических отношений в этот период должно было следовательно происходить путем использования развивающейся и совершенствующейся государственной промышленности в целях упрочения т о р г о в о й смычки с крестьянством. Поэтому партия наряду с борьбой против бухаринского лозунга „обогащайтесь“, наряду с

твердой установкой на интенсивную индустриализацию страны и решительной борьбой против сокольниковского плана индустриализации, подчиненной международному капитализму,—заостренно ставит вопрос об укреплении торговой смычки с основной массой крестьянства.

Мы видим, что в момент XIV съезда партия на новом, более высоком, этапе решает новые, более сложные и ответственные, задачи, попрежнему исходя из ленинского понимания проблемы „кто кого“. Линия всемерного укрепления социалистических командных высот, непримиримой борьбы с внутренним и международным капиталом при постоянной заботе о союзе с основной массой крестьянства на XIV съезде была проведена с той же последовательностью, как и при завершении предыдущего этапа в 1923 г. Разница лишь в том, что в борьбе двух противоположных типов воспроизводства производственных отношений в 1926 г. социалистический сектор занимал позиции, несравненно более выгодные, чем в 1923 г. В 1926 г. перед нами встали задачи, значительно более крупные и благодарные, чем в 1923 г. Мы сделали существенные успехи по пути социалистического разрешения проблемы „кто кого“ за истекшие три года.

Ко времени XV партсъезда состояние экономики существенно изменилось. В течение двух лет, прошедших с XIV съезда, мы интенсивно развивали промышленность на основе создания нового основного капитала. Мы осуществляли индустриализацию наиболее верным для экономики диктатуры пролетариата, хотя и наиболее трудным путем. Однако эта социалистическая реконструкция промышленности происходила в условиях мелкотоварной экономики и соответствующей техники в сельском хозяйстве. Можно сказать, что отличительной чертой реконструкции в первые годы является ее концентрация в области промышленности. Этим и объясняется отставание темпа роста сельского хозяйства, которое сказалось в трудностях с хлебозаготовками к периоду XV партсъезда.

Раздробленность сельскохозяйственного производства, усугубленная ликвидацией помещичьих хозяйств и препятствием со стороны пролетарской диктатуры развитию капиталистических элементов, давала себя чувствовать в течение всего нэпа как в смысле уровня производительности труда, так и в особенности в смысле низкой товарности сельского хозяйства. И если это обстоятельство только в 1927/1928 г. приняло известную всем остроту, то объясняется это особенностями первой фазы реконструктивного периода. Рост промышленности не только в части легкой, но и тяжелой индустрии предъявлял все большие требования к сельскому хозяйству. Последнее же вследствие мелкотоварного характера своей экономики и чрезвычайно отсталой техники в 1927/1928 г. оказалось уже не в состоянии полностью удовлетворять все возрастающие потребности промышленности. Эта диспропорция нашла соответствующее рыночное выражение; значительно оживилась деятельность капиталистических элементов, попытавшихся условия недостатка хлеба использовать в целях расширения сферы воспроизводства капиталистических отношений.

Следовательно состояние переходной экономики в период XV съезда характеризуется следующими основными чертами: 1) серьезные успехи в области реконструкции государственной промышленности; 2) несопо-

способность сельского хозяйства на основе старой, мелкотоварной экономики удовлетворять быстро возрастающие потребности народного хозяйства; 3) интенсивное использование отмеченной диспропорции капиталистическим сектором.

Если к моменту завершения восстановительного процесса основной задачей, без разрешения которой мы не смогли бы руководить пролетарской революцией, являлась задача строительства основного капитала в промышленности, то на новом этапе не менее остро встала задача концентрации и рационализации сельскохозяйственного производства. Развитие всего нашего народного хозяйства, и в особенности успешная реконструкция промышленности,—вышли за рамки, поставленные мелкобуржуазной крестьянской экономикой. Укрупнение сельского хозяйства стало следствием такой задачей, без разрешения которой нельзя двигать вперед пролетарскую революцию. Все предыдущее развитие пролетарской революции требует от нас встать на путь социалистической реконструкции сельского хозяйства. Если бы оказалось, что мы эту ответственную и вместе с тем труднейшую задачу не в состоянии выполнить,—жизнь пошла бы мимо нас. Концентрация и рационализация сельского хозяйства тогда произошла бы в форме развития капиталистических отношений.

Ленинский и устряловский пути развития на данном этапе принимают конкретную форму борьбы двух теоретически возможных путей концентрации сельскохозяйственного производства. Проблема „кто кого“ в наступивший период решается в борьбе за реконструкцию сельского хозяйства.

Это новое положение проблемы „кто кого“ и определяет генеральную линию партии. Исходя из необходимости реконструирования производительных сил не только промышленности, но и сельского хозяйства, партия отвергает проекты правых насчет осторожных темпов индустриализации и делает упор на развитие тяжелой индустрии; социалистическая реконструкция сельского хозяйства, переход от торговой смычки к производственной—вызывают отчаянное сопротивление капиталистического сектора, пытающегося использовать трудности реконструктивного процесса, и партия значительно более резко ставит проблему борьбы с ним.

Характерно, что во время дискуссии перед XV съездом оппозиция, обвиняя партию в недооценке кулацкой опасности, в сдаче пролетарских позиций, оппортунизме и т. п., вместе с тем совершенно не поняла проблемы перехода от торговой смычки к производственной. Вследствие этого период между XIV и XV съездами, в течение которого партия сумела подняться на более высокий этап социалистического строительства и встать перед новыми, без всякого преувеличения, грандиозными задачами, оппозицией был объявлен как период уступок капитализму, а новые мероприятия XV съезда, исходящие из нового положения проблемы „кто кого“, были ею объявлены вынужденной уступкой оппозиционной платформе.

Но крайности сходятся и здесь. Правые оппортунисты, развернувшие целую программу в противовес линии на социалистическую реконструкцию деревни и пытавшиеся повернуть партию „назад к XIV съезду“, также не поняли, что за время между XIV и XV съездами партия сумела поднять пролетарскую революцию на целую ступень ближе к социализму.

Тов. Бухарин в „Заметках экономиста“, формулируя экономическую платформу правых, отождествляет имевшие место в то время хозяйственные трудности с кризисом, вину за который он полностью сваливает на политику ЦК. Попытку увязать обсуждение генеральной линии партии с проблемой бескризисного развития можно только приветствовать: генеральная линия представляет собой совокупность основных мероприятий, направленных на социалистическое разрешение проблемы „кто кого“ на данном этапе; кризис же возник бы в том случае, если бы пролетариат не сумел правильно подойти к разрешению этой проблемы, т. е. если бы он позволил капиталистическому сектору оттянуть от социалистического значительную часть крестьянства. Бесспорно поэтому, что способность той или иной генеральной линии обеспечить бескризисное развитие нашего хозяйства в социалистическом направлении является основным критерием ее правильности. Мы принимаем этот критерий и произведем на основании его сравнение линии партии с линией правой оппозиции.

В „Заметках экономиста“ т. Бухарин облегчил себе возможность набросить тень на линию партии путем странного, мягко выражаясь, отождествления хозяйственных трудностей с кризисом. Насколько законно такое отождествление, можно судить уже по одному тому, что у нас с самого начала нэпа по сие время не было ни одного года, когда бы нам не приходилось преодолевать серьезные хозяйственные трудности. В „Заметках экономиста“ в параграфе, посвященном теории кризисов, Бухарин противоречие нашего строя сводит к наличию рыночных форм связи, а безошибочное планирование считает необходимым и достаточным условием для разрешения этого противоречия, тем самым совершенно игнорируя классовую борьбу. Такая теоретическая установка делает невозможной правильную оценку конкретных случаев нарушения равновесия, частичного или всеобщего—все равно. Если же мы учтем капиталистический сектор как фактор внутренних противоречий нашей экономики, если мы будем исходить из того, что наше хозяйственное строительство происходит в условиях борьбы двух типов производства производственных отношений, в условиях наличия проблемы „кто кого“, то станет бесспорной не только возможность, но и неизбежность хозяйственных трудностей, соответствующих каждому данному этапу нашего развития. „Ножницы“ и господствующее положение частного капитала в торговле в первый период нэпа, товарный голод, отставание темпа роста сельского хозяйства от роста промышленности, резко обнаруживавшийся в последний период,—все это результаты частичных диспропорций, которые на каждом этапе нашего развития создают специфические трудности, преодоление которых становится предпосылкой подъема социалистического строительства на более высокую ступень. Если мы эти частичные диспропорции, выражающиеся в хозяйственных трудностях, будем считать кризисом, то этим самым мы весь пройденный путь социалистического строительства объявим перманентным кризисом. Переход от одних трудностей к другим, если он знаменует постепенное разрешение проблемы „кто кого“ в положительном для пролетариата смысле,—означает переход от одного этапа социалистического строительства в другой, более высокий. В этом случае наличие хозяйственных трудностей будет свидетельствовать лишь о том, что проблема „кто кого“ еще не разрешена, что социалистическое строительство происходит в условиях

борьбы против капиталистической тенденции, а не в условиях мирного вранствия кулака в социализм.

Кризис представляет собой всеобщее нарушение производственного процесса, которое в капиталистическом хозяйстве наступает тогда, когда нарушается система эксплуатации наемной рабочей силы, а в нашем хозяйстве наступила бы в случае разрыва связи социалистической промышленности с основной массой крестьянства. Следовательно вопрос о способности генеральной линии обеспечить бескризисное развитие переходной экономики в социалистическую сводится к способности ее обеспечивать систематическое усиление социалистической смычки с крестьянством.

Основное в экономической платформе правых стоит в резко отрицательном отношении к политике социалистической реконструкции сельского хозяйства и определяемом ею типе и темпе индустриализации. А между тем социалистическая реконструкция сельского хозяйства является на данном этапе обязательной предпосылкой бескризисного социалистического развития, несмотря на то, что проведение ее неизбежно создает серьезные хозяйственные трудности.

Что получилось бы, если бы партия послушалась призыва Фрумкина вернуться „назад к XIV съезду“? В период XIV съезда мы не имели возможности производить форсированную коллективизацию сельского хозяйства. Индивидуальное мелкотоварное крестьянское хозяйство являлось тогда основной формой сельского хозяйственного производства, ибо капиталистические хозяйства, вследствие препятствий со стороны диктатуры пролетариата, также не могли получить широкого развития. Таковы были условия производства в области сельского хозяйства в период XIV съезда.

Но за годы, прошедшие со времени XIV съезда, произошел сильный рост промышленности и всего народного хозяйства, что предъявило к сельскому хозяйству такой спрос, который оно при господстве отсталого мелкобуржуазного способа производства удовлетворить оказалось не в состоянии. Выражением объективной невозможности дальнейшего преобладания в сельском хозяйстве мелкотоварного способа производства и является хлебозаготовительный кризис 1928 г. Что означает в этих условиях требование вернуться назад к XIV съезду?

Если его понять буквально, т. е. в смысле призыва попрежнему добиваться решительного преобладания индивидуального середняцкого хозяйства в сельскохозяйственном производстве, то это значило бы добровольно пойти на серьезный народнохозяйственный кризис. Резкое отставание темпа роста сельского хозяйства от промышленности, явившееся основной причиной хлебозаготовительного кризиса, как указывалось, значительно активизировало капиталистический сектор, для которого период хлебозаготовительного кризиса был периодом благоприятнейшей конъюнктуры. Если бы мы не приняли решительных мер, направленных не только на непосредственный разгром капиталистического сектора, но и в особенности на социалистическую рационализацию сельскохозяйственного производства,—хлебный кризис неизбежно затянулся бы и углубился. Вместе с тем он неминуемо превратился бы и в сырьевой, а затем и во всеобщий народнохозяйственный кризис, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Благоприятная конъюнктура для капиталистических элементов во время хлебозаготовительного кризиса, в случае непринятия, как советовал Фрумкин, чрезвычайных решительных мер, вытекающих из новой обстановки, дала бы возможность капиталистическому сектору сорвать также и

государственные сырьевые заготовки и путем расширения домашнекапиталистической мануфактуры использовать чрезмерно низкий темп роста сельского хозяйства в целях отрыва значительной части крестьянства от социалистической промышленности. Мы видим таким образом, что всерьез отнестись к лозунгу Фрумкина—значило добровольно пойти на глубокий народнохозяйственный кризис со всеми вытекающими из него губительными последствиями.

Мы видим следовательно, что назад к XIV съезду возврата нет: годы, прошедшие после него, не оказались бесплодными, мы поднялись на более высокую ступень развития и должны суметь разрешить задачи, вставшие перед нами на этой ступени. На данном этапе развития проводить политику XIV съезда вообще невозможно: можно либо встать во главе социалистической реконструкции деревни, либо плестись в хвосте капиталистической реконструкции ее. Объективный социальный смысл позиции правых поэтому совершенно ясен. Помимо своей воли они ведут борьбу не за возврат к XIV съезду—это вещь объективно невозможная,—а за устряловский путь решения проблемы „кто кого“. Поскольку же кризис, вопреки мнению Бухарина, характеризуется не наличием хозяйственных затруднений, а отрывом крестьянства от социалистического сектора, совершенно ясно, что осуществление программы правых, которое немедленно привело бы к резкому разрыву процесса воспроизводства социалистических стремлений, а следовательно к расстройству всей системы производительных сил, явилось бы тем фактором, который нарушил бы процесс бескризисного развития нашего хозяйства в социалистическом направлении.

Процесс решения проблемы „кто кого“ есть процесс борьбы двух типов воспроизводства производственных отношений, и тот, кто способствует решению этой проблемы по-устряловски,—тот способствует образованию кризиса. Осуществление генеральной линии партии сопровождается громадным напряжением и рядом временных трудностей; курс на социалистическую реконструкцию деревни требует выполнения огромной программы капитального строительства, обостряет товарный голод, временно задерживает рост потребительского уровня трудящихся. Ценою полного выхолащивания марксизма Бухарин пытается эти трудности объявить кризисом. А в действительности генеральная линия, осуществление которой сопровождается отмеченными трудностями, является единственным путем обеспечения бескризисного продвижения к социализму. Если в момент выхода „Заметок экономиста“ это необходимо было доказывать теоретически, то после успешного выполнения первого и половины второго года пятилетки факты уже не позволяют об этом спорить.

В течение первых полутора лет пятилетки мы, выполнив и даже превзойдя программу развития промышленности, гигантски укрепили социалистический сектор, т. е. создали предпосылки для форсированной социалистической переделки крестьянского хозяйства. Это—во-первых. Во-вторых, мы в течение этого же периода добились перелома по линии производственной смычки основной массы крестьянства с социалистическим сектором. Крупнейшие успехи колхозного строительства создали нам новую серьезную опору в деревне. Благодаря им уже и в деревне социалистический сектор стал решающей общественной силой. Наконец, в-третьих, мы сумели отразить отчаянное сопротивление капиталистического сектора, особенно остро проявившегося в области хлебозаготовок. Иначе говоря, по всем трем звеньям борьбы двух противоположных тенденций развития мы в истекшем году одержали

серьезную победу. Тов. Сталин на этом основании говорит, что проблема хлебного кризиса нами решена; т. Бухарин хозяйственное напряжение, сопровождающее победоносное социалистическое наступление, объявляет кризисом. Мы полагаем, что вряд ли имеется необходимость доказывать, что достигнутые в течение истекшего отрезка пятилетки успехи по трем отмеченным линиям являются именно теми условиями, которые необходимы для бескризисного развития нашего хозяйства. Они являются предпосылками победы социалистического типа воспроизводства над капиталистическим на данном этапе, предпосылкой ленинского решения, по-новому вставшей проблемы „кто кого“. Эти успехи обуславливали переход к политике ликвидации кулака как класса на основе сплошной коллективизации, знаменующей наступление нового этапа.

Но как указывалось выше, проблема „кто кого“ после XV съезда встала как проблема социалистического переустройства и технической революции в сельском хозяйстве. Поэтому успехи первого года пятилетки не только обеспечили разрешение проблемы „кто кого“ на данном этапе, но и вплотную подвели нас к последнему этапу существования проблемы „кто кого“ в нашей стране.

От военнoкоммунистического раскулачивания до ликвидации кулака как класса лежит целая полоса ожесточенной борьбы двух путей развития. Борьба далеко еще не закончилась, проблема „кто кого“ еще не снята, но в настоящее время она уже стоит таким образом, что дальнейшее ее развитие будет означать окончательное ее разрешение.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ СССР

(Материалы к изучению)

(Продолжение)¹

III. ЭНЕРГО- И ЭЛЕКТРОБАЛАНСЫ

Сводный энергетический баланс промышленности

С каким энергобалансом вступила наша промышленность и с каким электробалансом вступила наша страна в первый год пятилетки?

Чтобы осветить этот вопрос, кратко рассмотрим в последовательном порядке сводные энергетический и электрический балансы промышленности, электробалансы районных и местных станций общего пользования и, наконец, сводный электро-энергетический баланс народного хозяйства. Здесь мы ограничимся приведением только основных разделов энерго- и электробалансов с крайне сжатым анализом. Что касается рассмотрения вопросов динамики и структурных сдвигов в энерго- и электробалансах, имевших место за последние годы 1925—1929 г.г.), то о них будет речь в специальном разделе, посвященном динамике и темпам энерговооруженности СССР.

Наша промышленность вступила в первый год пятилетки с энергобалансом, измеряемым в 6,55 млрд. квт. часов, из коих она потребила на свои производственные и хозяйственные нужды около 6 млрд. квт. часов.

Общий план потребления энергии и его покрытия в промышленности рисуется следующей сводкой. (См. табл. 1 на след. стр.).

В отличие от энергобаланса, сконструированного нами для 1925/26 г.,² настоящий баланс не включает внутривымышленного оборота энергии (когда одно промышленное предприятие отпускает энергию другому промышленному предприятию). Тем самым никак их

¹ См. „Проблемы экономики“ № 4-5.

В 1-ю часть очерка, напечатанного в журн. „Проблемы экономики“ № 4-5, вклись некоторые неточности, в частности: 1) название очерка следует читать: „Динамика технического перевооружения СССР и капиталистических стран“. Очерк первый: „Основные вопросы энергетического перевооружения“ (материалы к изучению проблемы). В сноске к заголовку было ошибочно указано, что в сборнике Госплана („Факторы реконструкции промышленности“), вышедшем к XVI съезду, напечатан раздел нашего очерка, посвященного энерго- и электробалансу. Там напечатана только первая часть очерка, посвященная „общим показателям энерго- и электровооруженности“.

² См. наши вступительные очерки к книге—„Силовой аппарат, энергетический и топливный балансы промышленности СССР“ (1929 г.).

Таблица I

Сводный энергобаланс промышленности

Приход энергии			Расход энергии		
Основные источники	Млн. квт. час.	В % к итогу	Основные „каналы“ расхода	Млн. квт. час.	В % к итогу
1. Выработано первичными двигателями, установленными в промышленности.	5 309,9	81,0	1. На производственные цели	5 769,8	87,9
2. Получено от станций общего пользования. . .	1 244,0	19,0	В т. числе: а) на обслуж. рабочих машин.	5 620,3	85,6
			б) На прочие производств. нужды (на электролитические и электротермические процессы).	149,5	2,3
			2. На хозяйственн. нужды	223,3	3,4
			3. Отпуск на сторону. . .	162,5	2,5
			4. Потери.	398,3	6,2
Всего . . .	6 553,9	100,0	Всего . . .	6 553,9	100,0

элементов повторного счета мы в этом балансе не имеем. Исчисленный по прямым данным внутрипромышленный оборот энергии составляет 153,9 млн. квт. часов.

В правой части энергетического баланса мы имеем данные, характеризующие каналы расхода и потребления энергии в промышленности. Центральную статью составляют рабочие машины, питаемые как непосредственно механической энергией, так и электромоторами. Около 86% общего энергобаланса промышленности падают на поток энергии, предназначенной к приведению в движение рабочих машин. Что касается статьи „прочие производственные нужды“, то она включает в себя ту часть электроэнергии, которая предназначена была к обслуживанию электротермических и электролитических процессов производства. К анализу ее мы вернемся при рассмотрении электробаланса промышленности. Отпуск на сторону—равный всего 2,5% от общего энергобаланса—включает часть энергии, отпущенной в сеть централизованного сектора электроснабжения, и часть энергии, отпущенной непосредственно другим потребителям. (См. ниже). Наконец статья „потери“ охватывает не все потери энергии в производстве, а только часть потерь в сети и при трансформации механической энергии в электрическую.

За счет каких источников был покрыт этот спрос энергии в промышленности? На этот вопрос в общем виде отвечает левая сторона баланса. Внутри самой промышленности были произведены 5,31 млрд. квт. часов, и, кроме того, она получила от станций общего пользования 1,24 млрд. квт. часов. Это значит, что степень внедрения привода централизованного сектора электроснабжения в промышленную энергетiku составила всего 19%.

Несмотря на то, что мы за последние годы имели существенные сдвиги в этой области (см. раздел—„Динамика и темпы энерговооруженности“), необходимо констатировать, что фактическая централизация энергобаланса нашей промышленности находится еще на относительно низком уровне. Для сравнения укажем, что по подсчетам д-ра А. Райтингера³ при общем потреблении энергии (механической и электрической) в германской промышленности в 1925 году, равном 18,3 млрд. квт. часов, на долю покупной энергии от сетей общего пользования падает 6,01 млрд. квт. часов⁴. Иными словами, коэффициенты централизованного энергоснабжения германской промышленности составляют по этим исчислениям около 25%. В промышленности США этот коэффициент, по нашим ориентировочным подсчетам, составлял в 1927 году около 50%⁵. В промышленности Франции этот коэффициент равнялся в 1926/27 г. около 21%⁶.

Рассмотрим структуру основной статьи приходной части сводного энергобаланса—„выработано в самой промышленности“. Эта статья, как известно, составляет 81% от общего прихода энергии в промышленности. В нижеследующей сводке мы приводим подсчеты, характеризующие состав произведенной в промышленности энергии по роду первичных двигателей.

Таблица 2.

Состав произведенной в промышленности энергии по роду первичных двигателей

Произведено энергии в млн. квт-час.	часов ⁷	В % к итогу
Паровыми турбинами	1 582,1	30,0
Паровыми машинами	2 192,1	41,4
Двигателями прямого действия	360,7	6,8
Всеми паровыми двигателями	4 134,9	78,2
Дизелями	451,1	8,5
Проч. двиг. внутр. сгорания	508,2	9,6
Всеми двиг. внутр. сгорания	959,3	18,2
Водяными двигателями	189,9	3,6
В с е г о	5 284,1	100,0

³ Dr. Rheitingер—„Die Elektrizitätsversorgung in Deutschland“ (журн. „Elektrotechnik und Maschinenbau“, В. 1928, s. 358—362).

⁴ Данные о потреблении электроэнергии были получены по материалам обследования электрохозяйства Германии. Данные о выработке механической энергии были исчислены, принимая в среднем 2 000 часов работы одной лошадиной силы мощности работавших механических двигателей. Критический разбор методологии исчисления энергобаланса Германии мы здесь опускаем. Отметим только, что полноценное сопоставление структуры нашего энергобаланса с соответствующим строением баланса западных стран привести невозможно, т. к. прямых данных для такого построения там не имеется. Что касается попыток косвенных исчислений отдельными исследователями энергобаланса, то они нуждаются в детальном критическом разборе.

⁵ По данным „Electrical World“, 1929 г.

⁶ Исчислено по данным „Revue General d'Electricité“, март 1929 г.

⁷ Цифры относятся к кругу промышленных заведений с мощностью выше 25 л. с. Этим объясняются незначительные отклонения (меньше 1%) между общим итогом выработки энергии на этой таблице (5 284 млн. квт. час.) и по данным, приведенным выше в сводном энергобалансе (5 909 млн. квт. час.).

Последний охватывает в с ю фабр.-зав. промышленность. Само собою разумеется, что эти незначительные отклонения ни в какой степени не влияют на анализ структуры произведенной в промышленности энергии.

Эти цифры представляют существенный интерес. Отметим только некоторые важнейшие моменты, вытекающие из анализа этих данных. Прежде всего мы видим, что паровая машина—наименее экономичная из всех классов двигателей—п р о д о л ж а е т еще доминировать в промышленной энергетике. Свыше 41% всей выработанной в промышленности энергии падает на силовые установки с паровыми машинами. С этим связан конечно в значительной степени и отмеченный выше низкий кпд (коэффициент полезного действия) силового хозяйства в промышленности (см. разд. II). Мы, правда, имеем за истекшие два года (1925/26—1927/28) существенное снижение удельного веса паровых машин (см. ниже). Но последняя продолжает еще оставаться центральной слагающей в нашей промышленной энергетике, причем около 0,6 мощности паровых машин обслуживали производственные нужды в промышленности через механический привод. В наших очерках, посвященных энергетической проблеме современного мирового хозяйства⁸ и энергетике СССР⁹, этот вопрос был достаточно подробно освещен.

Сводка показывает далее, что удельный вес двигателей внутреннего сгорания в общей выработке энергии также сравнительно высок, причем это преимущественно двигатели, работающие на жидком топливе. Удельный вес газовых двигателей крайне незначителен.

Если сопоставить структуру первичного силового аппарата в промышленности по мощности и по энергии, то мы заметим, что удельный вес отдельных классов двигателей по энергии сравнительно мало отличается от соответствующего удельного веса по работавшей мощности.

Таблица 3

Сравнительная характеристика технического состава силового аппарата промышленности по мощности и по энергии

Системы первичных двигателей	В % к соответствующим общепромышленным итогам	
	Мощность работавших двигат.	Энергия
Паровые турбины	28,3	30,0
Паровые машины	36,6	} 41,5
Локомотивы	5,7	
Паров. двигат. прямого действия.	7,6	6,8
Дизеля	9,5	8,5
Прочие двигатели внутр. сгорания.	9,0	9,6
Водяные турбины	3,0	} 3,6
Водяные колеса	0,3	
Всего первичных двигателей .	100,0	100,0

⁸ „Мировое хозяйство“, 1929.

⁹ „Силовой аппарат и энергетический баланс промышленности СССР“. 1929.

Несколько более повышенный удельный вес паровых турбин по энергии сравнительно с удельным весом по мощности и обратное в отношении паровых машин и дизелей объясняется различием в степени использования этих классов двигателей ¹⁰.

Чрезвычайно характерно отметить, что наиболее высокие по техническому типу классы двигателей дают вместе с тем и более высокий уровень электрификации. Первое место занимает турбина (коэффициент электрификации паровой турбины около 94,5%); за ней следуют дизель (70,6%) и прочие двигатели внутреннего сгорания.

Таблица 4

Уровень электрификации отдельных классов первичных двигателей, установленных в промышленности ¹¹

Род двигателей	Коэффициент ¹² электрификации
Паровые турбины	94,5
Паровые машины	42,5
Локомотивы	51,6
Дизеля	70,6
Проч. двигатели внутр. сгорания .	52,4
Водяные турбины	51,5

Мы не можем здесь остановиться на сравнительном анализе и детальном цифровом освещении технического состава силового аппарата промышленной энергетики Союза и других стран мирового хозяйства. Однако проведенный нами подробный анализ, на основе обработки соответствующих материалов по США, Англии и Германии, показывает, что, несмотря на характеристику нашей промышленной энергетики как технически отсталой энергетики, она уже сейчас имеет ряд преимуществ в области технического состава двигателей по сравнению с децентрализованной промышленной энергетикой этих основных стран мирового капиталистического хозяйства.

Причины тому кроются как в направлении технической реконструкции энергетической базы, так и в обстоятельствах общеэкономического порядка. Они достаточно подробно были освещены в цитированных выше наших очерках. Обращает внимание относительно высокий процент, падающий на группу двигателей внутреннего сгорания в нашей промышленной энергетике, по сравнению с другими странами. Мы в этом отношении уступаем, повидимому, только Румынии ¹³, занимая после нее первое место в мировом хо-

¹⁰ Более подробное объяснение этого факта см. в цит. выше очерках по энергетике промышленности СССР.

¹¹ Без электростанций общего пользования.

¹² Отношение мощности работавших двигателей, обслуживавших электрогенераторы, к суммарной мощности двигателей.

¹³ См. журнал „Elektrizitätswirtschaft“, 1929 г., с. 208. (Удельный вес двиг. внутр. сгорания, работающих на жидком топливе, в электрохозяйстве Румынии составлял в 1927 году по мощности 39% и по энергии 28%).

зяйстве. Этот факт с народнохозяйственной точки зрения вряд ли можно расценивать как положительный, несмотря на то, что кпд. этого класса двигателей вообще-то относительно высок. Это прежде всего объясняется тем, что жидкое топливо является в известном смысле „узким“ местом в топливном балансе страны, несмотря на то, что по ресурсам природного жидкого топлива мы занимаем первое место в мировом хозяйстве. Мощное развитие автотракторного парка требует огромных количеств нефти и ее дериватов. Последние играют огромную роль и в нашем экспорте. Поэтому естественна тенденция замещения в стационарной энергетике тех установок, которые питаются жидким топливом, другими, которые могут базироваться на иных энергетических ресурсах. Эту тенденцию мы наблюдаем, как правило, в послевоенном развитии стационарной энергетической базы основных стран мирового хозяйства¹⁴.

Вместе с тем необходимо заметить, что, как показывают приведенные выше цифры, удельный вес газовых двигателей, использующих отработанные газы металлургической и коксовой промышленности, у нас значительно отстает по сравнению с Германией. (У нас мощность газовых двигателей составляет около 69 тыс. л. с., 3% от общей мощности работавших в промышленности первичных двигателей, в Германии—1,2 млн. л. с.—8,2%).

Регулирование этой статьи нашего энергобаланса—„производство энергии в самой промышленности“—должно быть направлено в сторону переключения основных каналов производства энергии на турбины и на те классы двигателей, которые фактически используют внутренние энергетические ресурсы производства. Двигателям же, работающим на жидком топливе, и паровым машинам представлялось бы целесообразным там, где это возможно, передать службу „пиковых“ или резервных установок, т. е. чтобы они участвовали в покрытии энергобаланса преимущественно в периоды максимума спроса или как резервные. Представляет интерес отметить, что в Германии почти все дизельные установки работают преимущественно для снятия „пик“. Об этом говорят хотя бы сделанные подсчеты о продолжительности работы одной установленной лошадиной силы дизелей и других классов двигателей. Первые работают в Германии в среднем 600—800 час. в году, в то время как паросиловые установки работают ок. 2200 часов, гидравлические ок. 2800 часов, а газовые—ок. 4600 часов¹⁵.

Мы остановились на анализе технического состава первичных двигателей, работавших в промышленности, которые принимали участие в покрытии энергобаланса. Нижеследующие цифры дают нам дополнительную характеристику строения этой центральной статьи энергобаланса. Они показывают состав потребленного топлива в термических силовых установках промышленности (производство энергии последними составляет, как известно, 97% от общего итога выработанной энергии в промышленности, и лишь остальные 3% падают на гидроустановки). Следует только иметь в виду, что эти данные дают картину состава потребленного топлива не по признаку энергетического эффекта (т. е. не по размерам выработанной энергии), а по средней калорийности.

¹⁴ См. например цифры, характеризующие динамику мощности двиг. внутр. сгорания в промышленности США за 1923—1927 гг. („Statistical Abstract of the United States“, 1929).

¹⁵ Исчислено по данным „Wirtschaft u. Statistik“, 1930. См. также работу проф. Windel, Die Aufbaumöglichkeiten der deutschen Elektrizitätswirtschaft“, с. 58.

Состав потребленного топлива в силовых установках промышленности ¹⁶

Вид топлива	В тыс. т. 7 000 кал. топлива	В % к итогу
Нефть и ее продукты	1 044,6	10,4
Каменный уголь	5 291,0	52,7
Дрова	1 346,3	13,4
Древесный уголь	13,4	0,1
Торф	689,8	6,9
Газ	1 054,1	10,5
Топливные отбросы производства.	597,0	6,0
Всего	10 036,2	100,0

Выясним, каков был состав потребленной в промышленности энергии. Это важный момент в плане качественной характеристики энергобаланса промышленности. Из общей суммы потребленной в промышленности энергии, равной около 6 млрд. квт. часов ¹⁷, на долю механической энергии падает 2,96 млрд. квт. часов и на долю электроэнергии—3,03 млрд. квт. час. Это значит, что сводный фактический уровень электрификации промышленности составил 50,6% (напомним, что в 1925/26 г. он равнялся всего 47,2%) (см. ниже). Мы уже выше привели подсчеты, показывающие уровень потенциальной электрификации (по мощности) отдельных участков нашего энергетического хозяйства, (например коэффициент электрификации мощности первичного силового хозяйства промышленности, коэффициент электрификации мощности рабочих машин). В данном случае перед нами измеритель, четко показывающий, каков удельный вес электроэнергии в общем итоге потребленной механической и электрической энергии в промышленности. Он таким образом освещает нам фактический уровень электрификации промышленности. Нам уже приходилось отметить, что в отношении степени электрификации наша промышленная энергетика значительно продвинулась за последние годы, заняв одно из основных мест в мировом хозяйстве. Мы это видим и на коэффициенте, в общем виде характеризующем фактический уровень электрификации промышленности.

Мы однако вновь хотели бы подчеркнуть, что сами по себе коэффициенты электрификации еще не являются исчерпывающими для оценки уровня рационализации энергетической базы, что на современном этапе энергетической техники не всякая электрификация представляет собою наиболее высо-

¹⁶ В общепромышленные итоги электростанции общего пользования не включены.

¹⁷ Сюда не входят зарегистрированные потери как при трансформации механической энергии в электрическую, так и собственное потребление пром. электр. станц. и потери в сети.

кую ступень в развитии производительных сил. Если на первых этапах развития электрификации переключение какого-нибудь производства на электрический привод представляло собою во всех случаях значительный скачок в поступательном развитии производительных сил по сравнению с господствовавшим механическим приводом, то уже на современной фазе технического прогресса не всякий электрический привод представляет с народнохозяйственной точки зрения наиболее прогрессивный фактор. (Например электрический привод от централизованной сети, от плановой системы электроцентралей имеет значительные народнохозяйственные преимущества перед приводом от децентрализованных электрических установок; единственный привод в ряде отраслей—перед групповым и т. д.). Отсюда—необходимость дальнейшей дифференциации в изучении коэффициента электрификации производительных сил (коэф. централизованной электрификации и т. д.).

Вся механическая энергия (2,97 млрд. квт.-часов) была потреблена в промышленности для целей обслуживания рабочих машин. Что касается потребленной электроэнергии, то львиная часть ее, а именно 2,65 млрд. квт.-час., ушла также на обслуживание рабочих машин. Остальная часть была потреблена на обслуживание других нужд как производственного, так и хозяйственного порядка.

Если построить частный коэффициент фактической электрификации только рабочих машин по аналогии с исчисленным нами выше коэффициентом потенциальной электрификации (по мощности), то он составит 47,4%. Иными словами, коллектив рабочих машин был фактически электрифицирован в отчетный год на 47,4% (в 1925/26 г.—44,9%). Заметим, что коэффициент фактической электрификации оказывается несколько ниже соответствующего коэффициента электрификации, исчисленного по мощности (см. „Пробл. экон.“ № 4—5). Это объясняется более низким уровнем нагрузки электромоторов, по сравнению с нагрузкой первичных двигателей, непосредственно обслуживающих рабочие машины через механический привод¹⁸.

Подвергнуть полноценному сравнительному анализу фактический уровень электрификации промышленности СССР и основных западных стран не представляется возможным, так как ни в одной из западных стран, как мы уже писали, нет прямых данных об энергобалансе промышленности, в частности данных о выработке механической энергии.

СВОДНЫЙ ЭЛЕКТРОБАЛАНС ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Рассмотрим электробаланс промышленности, с которым последняя вступила в первый год пятилетки. Следующая сводка дает характеристику структуры электробаланса. (См. табл. 8).

Так же как и при конструировании сводного энергобаланса промышленности, мы и в настоящем электробалансе выключили внутривыпускной оборот электроэнергии, дабы на эту величину не дублировать общие итоги.

Электробаланс промышленности измеряется цифрой в 3,35 млрд. квт.-часов. Центральное место в расходной части электробаланса промышленности составляют рабочие машины, обслуживаемые электро-

¹⁸ См. об этом в цит. выше очерках по промышленной энергетике СССР.

Сводный электробаланс промышленности в 1927/28

Приход электроэнергии			Расход электроэнергии		
Источники прихода электроэнергии	Млн. квт.-час.	В %	Основные „каналы“ расхода электроэнергии	Млн. квт.-час.	В %
1. Произведено электроэнергии самой промышленностью	2 112,3	62,9	1. На обслуживание рабочих машин (электромоторная энергия)	2 655,7	79,1
2. Получено от эл. станц. общ. пользования	1 244,0	37,1	2. На обслужив. проч. произв. аппаратов в пром. (эл.-литические и эл.-термические процессы производства)	82,3	2,5
			3. На обслужив. внутризаводского транспорта	67,2	2,0
			4. На обслужив. хозяйственных нужд	223,3 ¹⁹	6,7
			5. Отпущено станциям общего пользования	25,1	0,7
			6. Отпущено непосредственно другим потребителям.	137,3	4,1
			7. Зарегистрированные потери и собственное потребление станций.	165,4	4,9
Приход	3 356,3	100,0	Расход	3 356,3	100,0

моторами (74,1%). Второе по размерам место занимает статья „хозяйственные нужды“, куда включена вся осветительная нагрузка (6,7%).

Чрезвычайно ничтожную долю в электробалансе составляют расходы на электролитические и электротермические процессы производства (всего около 81 млн. квт.-часов, или 2,5%). Это обусловлено тем, что еще до сих пор у нас не развернулись электрохимическое и электрометаллургическое производства. Почти во всех странах, где мы имеем мощную электрификацию, эти весьма важные производства составляют одно из центральных слагаемых в электробалансе промышленности. Так например в электробалансе Франции, по неполным данным, приводимым Е. Cesari²⁰, отпуск электроэнергии на электро-

¹⁹ В этот итог включена электроэнергия, ушедшая на освещение производственных цехов. (Выделить последнюю часть не представилось возможным по состоянию материала).

²⁰ „L'energia Elettrica“, ноябрь 1929. (Очерк, посвященный электрохозяйству Франции).

химические нужды составил в 1928 году около $2\frac{1}{2}$ млрд. квт.-час., или около 20% от общей выработки электроэнергии. В Германии только промышленные электростанции отпустили электрохимическим и электрометаллургическим заводам в 1928 г. свыше $3\frac{1}{2}$ млрд. квт.-часов, или 26,2% от общего электробаланса промышленных станций²¹. В Норвегии в 1929 г. непосредственно на электрохимические и электрометаллургические нужды было потреблено 4,5 млрд. квт.-час.—51% от общего потребления электроэнергии в стране²². В Швейцарии около 23% (1,2 млрд. квт.-час.) электробаланса страны обслуживают электрохимические и электрометаллургические производства²³. В Италии—около 16%²⁴, в Швеции около 24%²⁵ электробаланса идет на эти производства.

Было бы нетрудно показать, что то мощное развитие этих основных отраслей промышленности—электрохимической и электрометаллургической,—развернувшееся только за военные и в особенности послевоенные годы в перечисленных странах мирового хозяйства, непосредственно связано было с достижениями в области электрификации этих стран, в частности с мощным развитием гидроэлектростанций.

В свете приведенных иллюстративных цифр в особенности резко выступает наша отсталость на этом участке производительных сил. Резкие сдвиги в удельном весе этой статьи электробаланса должны произойти в ближайшие 2—3 года, когда в эксплуатацию вступят строящиеся гиганты нашей электрификации и группирующиеся вокруг них новые электрометаллургические и химические заводы. Еще по первому варианту энергобаланса промышленности, спроектированному ВСНХ (где потребность промышленности в электроэнергии исчислялась на 1932/33 г. всего в 13,44 млрд. квт.-часов²⁶), на долю электрохимических и электрометаллургических производств по этим расчетам падало около 2,4 млрд. квт.-часов, или около 18%.

Общий отпуск электроэнергии промышленностью на сторону составил 162 млн. квт.-часов²⁷. Впервые в этом балансе мы имеем расчленение отпуска на сторону—на отпуск: а) станциям общего пользования и б) непосредственно потребителям для промышленности. Представляет особый интерес первая цифра, поскольку она дает известную характеристику увязки промышленной энергетики с сетью станций общего пользования. В отчетном году этот отпуск составил около 25 млн. квт.-часов, т. е. относительно крайне незначительную долю. По мере все более органического втягивания промышленной энергетики в единую энергетическую систему эта статья электробаланса будет, несомненно, сильно возражать.

Последнюю статью расходной части электробаланса составляют потери и собственное потребление станций. Необходимо иметь в виду, что приводимая цифра охватывает только часть потерь, зарегистрированных по прямым данным.

Какие источники участвовали в покрытии этого расхода электроэнергии в промышленности? Левая часть баланса показывает нам,

²¹ „Wirtschaft und Statistik“, 1929.

²² По данным Nortory—Schulz—, „Die Elektrizitätswirtschaft Norwegens“ (журн. ETZ, 1930, с. 855).

²³ „Schweizerische Bauzeitung“, 1930.

²⁴ По данным „Annuario Statistico Italiano“, 1929.

²⁵ По подсчетам Borgquist в статье—, „Die Wasserkräfte Schwedens“ (ETZ, 1930, с. 882). Цифры относятся к 1929 г.

²⁶ См. „Проблемы энергетики“ ВСНХ СССР, с. 188 и 203.

²⁷ В эту цифру внутрипромышленный оборот электроэнергии не включен.

что в самой промышленности было произведено 2,11 млрд. квт.-час., а от станций общего пользования было получено промышленностью 1,24 млрд. квт.-часов. Если выше, при анализе сводного энергобаланса промышленности, мы имели возможность оценить степень централизации всей промышленной энергетики (на основе данных об удельном весе потока энергии, поступившего в промышленность от сетей станций общего пользования в общем энергобалансе промышленности), то в данном случае мы имеем возможность построить целеустремленный показатель, дающий нам характеристику централизации электробаланса промышленности. Этот коэффициент составляет около 37%. По данным германских источников²⁸ участие станций общего пользования в покрытии электробаланса промышленности выразилось, примерно, в 41%²⁹. В США степень централизации электробаланса промышленности составила в 1928 году около 68%³⁰. Во Франции коэффициент централизации электробаланса промышленности равняется около 38%³¹.

Мы в данном случае видим, что по линии развития централизованного сектора электроснабжения мы еще отстаем. В то же время очевидно, что энергетическое перевооружение страны находится в прямой зависимости от развития именно этого сектора электроснабжения. Мы ниже увидим, что характер и темпы перевооружения энергетической базы нашей страны должны уже в ближайшие годы радикально изменить структуру электробаланса промышленности и оставить позади европейские и американские коэффициенты централизации. Более подробную характеристику источников покрытия отдельных статей электробаланса промышленности показывает табл. 9.

Таблица 9

Характеристика состава потребленной в промышленности электроэнергии

Потреблено электроэнергия	В млн. квт.-час.	В %
1. От сетей станций общ. пользования³²		
Всего	1 244,0	42,0
В т. ч.: а) на обслуживание рабочих машин и др. производств. эл. аппаратов	1 207,1	40,8
б) на освещение	36,9	1,2
2. От собственн. электродвигательных установок³²		
Всего	1 717,3	58,0
В т. ч.: а) на обслуживание рабочих машин и др. производств. электроаппаратов	1 530,9	51,7
б) на освещение	186,4	6,3
Всего	2 961,3	100

²⁸ См. цит. труд проф. Windel'я и Kromer'a.

²⁹ Эти цифры относятся к 1925 г. Ныне они несколько повышены.

³⁰ По данным „Electrical World“, 1930 (цифра ориентировочная).

³¹ „Revue général d'Electricité“, 1929.

³² Без электроэнергии, потребленной на нужды внутризавод. транспорта.

ЭЛЕКТРОБАЛАНС РАЙОННЫХ И МЕСТНЫХ СТАНЦИЙ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Выше речь шла об энерго- и электробалансах, с которыми вступила промышленность в первый год пятилетки. Обратимся к данным, характеризующим структуру электробаланса наших районных электростанций и местных станций общего пользования. Мы уже выше дали объяснение, почему необходим дифференцированный подход к этим двум группам станций общего пользования. Данные структуры электробалансов этих станций в свою очередь иллюстрируют нам те качественные различия, которые мы имеем между этими двумя категориями станций. (См. сводки электробалансов—табл. 10, 11, 12).

Таблица 10

Баланс электроэнергии районных станций

Источники прихода электроэнергии	Млн. квт.-час.	В % к итогу	„Каналы“ расхода электроэнергии	Млн. квт.-час.	В % к итогу
1. Произведено электроэнергии на районных станц. . .	1813,8	99,5	1. Полезно отпущено		
2. Получено от промышленных станций	9,1	0,5	Всего	1491,4	81,8
			В т. ч.: а) На промышленные цели	976,9	65,5 ³²
			б) На освещение	280,6	18,8 ³²
			в) На трамвай, водопровод и пр. коммунальным потребителям	222,6	14,9 ³²
			г) „Местным“ станциям общего пользования	11,3	0,8 ³²
			2. Израсходовано на собственные нужды	88,0	4,8
			3. Потери в сети	243,5	13,4
Всего	1822,9	100,0	Всего	1822,9	100,0

Баланс 18 районных станций (из коих 14 объединены в три „куста“³³) составил в отчетном году 1,82 млрд. квт.-час³⁴). В то же время общий баланс 517 так наз. местных станций общего пользования составил в этом году 750 млн. квт.-час. Приходная часть баланса районных станций состоит из 1,814 млн. квт.-часов собственной выработки и 9 млн. квт.-часов, полученных от промстанций. Приходная

³² Без электроэнергии, потребленной на нужды внутризавод. транспорта.

³³ 6 станций—МОГЭС; 6 станций—ленинградского Электротока и 2 станции—бакинского Электротока.

³⁴ Ярославская станция с мощностью 8 тыс. квт.; Алмазо - Марьевское электрокольцо, объединяющее 4 станции с общей мощностью в 15 890 квт.; электрокольцо „ЮРТ“, объединяющее 6 станций с общей мощностью в 9 048 квт.; Криндяково-Чистяковское электрокольцо, объединяющее 3 станции с мощностью 5 230 квт. и электрокольцо Центрального района, объединяющее 5 станций с мощностью 17 тыс. квт.,—были еще в отчетном году отнесены к группе местных станций. В группу районных станций они в отчетах бывш. Главэлектро включены лишь в 1928/29 г.

Баланс электроэнергии местных станций общего пользования

Источники прихода электроэнергии	Млн. квт.-час.	В % к итогу	„Каналы“ расхода электроэнергии	Млн. квт.-час.	В % к итогу
1. Произведено электроэнергии	721,1	96,2	1. Полезно отпущено		
2. Получено: а) От промышленных станций	17,2	2,3	Всего	605,3	80,8
б) От районных станций	11,3	1,5	В том числе: а) На промышленные цели	273,8	45,0 ³⁵
			б) На освещение	221,1	36,5 ³⁵
			в) На трамвай, водопровод и прочим коммунальным потребителям	110,4	18,5 ³⁵
			2. Израсходовано на собственные нужды	48,0	6,4
			3. Потери в сети	96,3	12,8
Всего	749,6	100,0	Всего	749,6	100,0

же часть баланса местных станций общего пользования складывается из 721 млн. квт.-час. собственной выработки, 17 млн. квт.-часов, полученных от промстанций, и 11 млн. квт.-часов, полученных от районных станций. (Внутренние переброски энергии естественно не включены ни в баланс районных станций, ни в баланс станций общего пользования).

Если мы обратимся к данным, характеризующим состав произведенной энергии по роду первичных двигателей (см. табл. 13), то мы заметим, что в районных станциях единственным типом двигателей служат турбины, причем на долю паротурбинных установок падает 82% общей выработки районных станций, а на долю гидротурбинных установок—18%. В то же время в группе местных станций, в выработке энергии участвовала вся гамма классов—двигателей с несравненно более низкими техноэкономическими коэффициентами, чем в районных станциях.³⁶

Обращает внимание чрезвычайно высокий процент участия в электробалансе местных станций, дизельных установок (16,3% плюс известная часть группы установок со смешанными классами двигателей) и крайне низкий процент гидроустановок.

Весьма показательны нижеприводимые подсчеты, дающие сравнительную характеристику технического состава силового аппарата,

³⁵ В % к полезному отпуску.

³⁶ Это можно видеть хотя бы и из цифр, характеризующих среднюю мощность агрегатов, установленных на районных станциях и на местных станциях общего пользования (см. табл. 14).

Таблица 12

Сводная характеристика электробаланса станций общего пользования

А. Источники прихода электроэнергии	Все станц. общ. пользования		В том числе			
			Районн. станц.	Местн. станц. общ. пол.	Районн. станц.	Местн. станц. общ. пол.
	Млн. квт.-час.	В %	В % к итогам по всем станц. общ. пользования		В % к вертикальн. итогам	
1. Произведено электроэнергии	2 535,0	98,7	71,8	28,2	99,5	96,2
2. Получено от пром. станций	26,4	1,3	34,5	65,4	0,5	2,3
3. Получено от районных станций	—	—	—	—	—	1,5
Всего	2 561,4	100,0	—	—	100,0	100,0
Б. Расход электроэнергии						
1. Отпущено:						
а) на пром. цели	1 250,6	49,0	78,1	21,9	53,6	36,5
б) на освещение	501,8	19,6	55,9	44,1	15,3	29,5
в) на трамвай, водопровод, прочие коммунальные нужды	333,2	12,8	67,0	33,0	12,2	14,8
г) районными станциями местным станц. общего пользования	—	—	—	—	0,7	—
2. Потреблено на собственные нужды	136,0	5,3	64,7	35,3	4,9	6,4
3. Потери в сети	339,8	13,3	71,7	28,3	13,4	12,8
Всего	2 561,4	100,0	—	—	100,0	100,0

участвовавшего в покрытии энергобаланса: а) районных станций, б) местных станций общего пользования) в) промышленных электростанций и г) неэлектрифицированных промышленных установок (см. табл. 15).

Таблица 13

Состав произведенной энергии на станциях общего пользования (по системам первичных двигателей)				
Состав станций по роду первичных двигателей	Районные станции		Местные станции общего пользования	
	Произведено энергии в млн. квт.-час.	В % к итогу	Произведено энергии в млн. квт.-час.	В % к итогу
Станции с паровыми турбинами.	1 489,1	82,1	396,3	54,9
Станции с паровыми машинами и локомотивами	—	—	25,8	3,6
Станции с дизелями.	—	—	117,9	16,3
„ с прочими двиг. внутр. сгорания	—	—	12,8	1,8
„ с водян. турб.	324,7	17,9	28,5	3,9
„ со смешанными тепловыми двигателями	—	—	123,7	17,3
„ со смешанными тепловыми и гидравлическими двигателями	—	—	16,1	2,2
В с е г о	1 813,8	100,0	721,1	100,0

Т а б л и ц а 14

Средняя мощность агрегата (в квт.).		
	На районных станциях	На местных станциях общего пользования
Паровые турбины	6 651	1 405
Паровые машины и локомотивы	—	127
Дизеля	—	125
Прочие двигатели внутреннего сгорания . .	—	37
Водяные турбины	6 403	14
Средние по всем двигателям	6 472	226

Таблица 15

Сравнительная характеристика технического состава двигателей				
Системы двигателей	В % к и т о г у			
	Районные станции ³⁷	Местные станции общ. пользования ³⁸	Промышл. электростанции ³⁸	Неэлектриф. силов. установки
Паровые турбины	85,2	59,0	45,9	4,9
Паровые машины	—	11,6	31,7	74,2
Дизеля	—	21,1	11,6	2,2
Прочие двиг. внутр. сгор.	—	4,0	8,1	13,4
Водяные турбины	14,8	4,3	2,6	4,5
Водяные колеса	—	—	0,1	0,8
Все двигатели	100,0	100,0	100,0	100,0

Они дают чрезвычайно яркую картину, демонстрирующую те существенные различия, которые в этой области имеются на разных участках нашей энергетики. На первом месте по техническому составу находятся районные станции, силовой аппарат которых, как мы уже знаем, целиком базируется на высокомошных турбинных — паровых и водяных—агрегатах. (Состав силового аппарата в этой сводке исчислен по данным о мощности). В связи с тем, что гидроэлектростанции имеют более высокий коэффициент использования, чем термические станции, удельный вес первых в покрытии баланса несколько выше по размерам выработки энергии, чем по мощности (18% и 14,8%).

За ними (районными станциями) следуют местные станции общего пользования. В последних удельный вес паровых турбин снижается до 59%. Около 25% занимают двигатели внутреннего сгорания; около 12% — паровые машины и локомобили и последнее место — водяные двигатели.

В промышленных электростанциях удельный вес паровых турбин снижается до 46% за счет значительного возрастания паровых машин и локомобилей (31,7). Наконец последнее место по техническому составу силового аппарата занимают неэлектрифицированные силовые установки. Там доминирующим классом двигателей являются паровые машины (74,2%).

Если сравнить состав двигателей, участвовавших в балансе наших районных станций и в балансе станций общего пользования основных западноевропейских стран (Англия, Германия, Франция) и США, то

³⁷ По мощности установленных первичных двигателей.

³⁸ По мощности работавших первичных двигателей.

можно констатировать, что в общем наши районные станции находятся в этом отношении на уровне передовых стран³⁹.

Таблица 16

Состав двигателей	СССР (1927/28)		США. (1927)	Германия
	На всех станциях общего пользования	В т. ч. на районн. станциях	На всех станциях общего пользования	
М о щ н о с т ь в л. с.				
Паровые турбины	3 360	6 651	8 480	6 407
Паров. машины и локомобили .	127	—	466	367
Двиг. внутр. сгорания	91	—	172	—
Водяные турбины	85	6 400	2 650	485
Средние по всем двигателям	600	6 472	2 970	—

Данные по США исчислены по материалам „Statistical abstract of the United States“, 1929.

Данные по Германии исчислены по материалам народнохозяйственной переписи (источники см. выше).

Существенные различия мы имеем и в структуре расходной части баланса районных станций и местных станций общего пользования.

В расходной части первых доминирует отпуск энергии непосредственно на промышленные цели (53,4% от общего баланса). На долю же осветительной нагрузки падает около 15,3%, а на долю прочих коммунальных потребителей (трамвай, водопровод и т. д.)—12,2%. В расходной же части баланса местных станций удельный вес осветительной нагрузки возрастает до 29,5% за счет соответствующего снижения доли энергии, отпущенной непосредственно на промышленные цели (36%).

В суммарном отпуске всеми станциями общего пользования на промышленные цели удельный вес местных станций составляет всего 21,9%. Это значит, иными словами, что огромная часть местных станций общего пользования работает преимущественно на осветительную и прочую коммунальную нагрузку. Индустриальную же нагрузку покрывают преимущественно районные станции.

В балансе станций общего пользования США индустриальная нагрузка составила в 1928 году около 53%, а осветительная ок. 21%⁴⁰.

В электробалансе французских станций удельный вес индустриальной нагрузки составил в 1928 г. 63,5%, а хозяйственной (освещение, бытовое потребление и т. д.)—около 17%⁴¹.

³⁹ Следующие подсчеты дают сравнительную характеристику средней мощности агрегатов, установленных на станциях общего пользования СССР, Германии и США (см. табл. 16).

⁴⁰ По данным „Electrical World“, 1930, с. 22.

⁴¹ По данным „Revue général d'Électricité“, 1929.

Что касается удельного веса потерь в сетях и потребления станциями энергии на собственные нужды, то как в балансе станций общего пользования (районных и местных) Союза, так и США они составляют цифру порядка 18% (у нас 18,2%, в США—18,4%), причем в наших районных станциях потребление энергии на собственные нужды составило 4,8%, потери в сети—13,3%, а в балансе местных станций мы имели соответственно—6,4% и 12,8%.

Вот более полная характеристика электробаланса станций общего пользования США в 1928 году (по цит. выше источнику).

Электробаланс станций общ. польз. США в 1928					
Приход	В млрд. квт.-час.	В % к итогу	Расход	В млрд. квт.-час.	В % к итогу
Импортировано	1,59	1,9	2. На освещение	17,92	21,2
			3. На транспорт (трамвай и т. д.)	6,65	7,9
			4. Потери и собственн. потр.	15,56	18,4
В с е г о	84,52	100,0	В с е г о	84,52	100,0

Вот более развернутая характеристика расходной части электробаланса Франции в 1928 году (по данным того же источника)

Основные „каналы“ расхода электроэнергии	В млн. квт.-час.	В %
1. Промышленность (преимущественно по обслуж. раб. машин)	6 200	45,6
2. Электрохимия и электрометаллургия	2 440	17,9
3. Хоз. установки (освещение, бытовое потребление и т. д.)	2 200	16,2
4. Транспорт	900	6,6
5. Потери	1 800	13,3
6. Экспорт	60	0,4
В с е г о	13 600	100,0

(Заметим, что, как видно из приведенного сокращенного электробаланса французских станций общего пользования, удельный вес потерь в сетях составляет ту же цифру порядка 13%).

Для полноты характеристики электробаланса станций общего пользования мы ниже приводим цифры, характеризующие состав потребленного топлива на энергетические нужды в тепловых электростанциях (см. табл. 17):

Таблица 17

Состав потребленного топлива в силовых установках электростанций		
Вид топлива	В тыс. т. (7 000 калор.)	В % к итого
Нефть и ее продукты	776,2	37,1
Каменный уголь	771,3	36,9
Дрова	71,1	3,4
Древесный уголь	0,3	—
Торф	457,1	21,9
Газ	—	—
Топливные отбросы производства	13,5	0,7
Всего	2 089,5	100,0

СВОДНЫЙ ЭЛЕКТРОБАЛАНС НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Мы рассмотрели в сжатом виде электробаланс промышленности, районных и местных станций общего пользования. Мы можем сейчас перейти к компоновке сводного электробаланса страны, включив в него наряду с перечисленными основными группами станций и все остальные категории станций специального назначения, которые функционировали в стране (сельские станции, специальные станции НКПС, НКПТ и др.) (см. табл. 18).

Мы опускаем здесь критический анализ методологии построения сводного электробаланса и степени его полноценности. Приводимая схема отнюдь не является исчерпывающей и в достаточной мере удовлетворительной. Методика ее построения была ограничена теми прямыми материалами, которые могли быть нами в той или иной степени обработаны и систематизированы.

Нет необходимости в подчеркивании той важной роли, которую должны сыграть правильно сконструированные энерго- и электробалансы народного хозяйства как для целей научно-исследовательского характера, так и, что особо важно отметить, для целей планирования. Вместе с тем необходимо констатировать, что вопросы методологии построения сводного энерго- и электро-

балансов и по сей день еще целиком не разрешены. Научно-методологические изыскания в области исследования этой проблемы непростительно отстают от тех требований, которые предъявляет бурное развитие производительных сил нашей страны.

Таблица 18

Сводный электробаланс народного хозяйства					
Основные источники прихода электроэнергии ⁴²	В млн. квт.-час.	В %	Основные потребители ⁴²	В млн. квт.-час.	В %
2. Районные станции	1 813,8	37,7	2. Электротехнологические нужды	83	1,7
3. Местные станции общего пользования.	721,2	15,2	3. Внутривоздк. транспорт.	67	1,4
4. Станции специального назначения	ок. 110	2,3	4. Освещение ⁴³	ок. 850	17,9
5. Сельск. станции	ок. 40	0,8	5. Трамвай	} 333	} 6,9
			6. Водопровод		
			7. Прочие потребители ⁴⁴ (с-х. транспорт и др.)	302	6,3
			8. Потери и собственн. потребление станций ⁴⁵	ок. 806	16,8
В с е г о	4 797,3	100	В с е г о	4 797,3	100

На левой стороне сводного электробаланса приводятся данные об источниках прихода электроэнергии для покрытия потребности страны; на правой — основные каналы потребления электроэнергии в стране. В приходной части дано производство электроэнергии по основным категориям станций. В расходной части выделены следующие группы статей: I. Потребление электроэнергии на производственные цели: а) рабочие машины в промышленности, обслуживаемые электромоторами, б) внутривоздский транспорт в промышленности, в) электротехнологические нужды (электротехнологические и электротермические процессы производства). II. Потребление

⁴² Цифры округлены

⁴³ В том числе промышленность потребила на нужды освещения 223 млн. квт.-час, (186 млн. квт.-час. своей электроэнергии плюс 37 млн. квт.-час., полученных от станций общего пользования).

⁴⁴ По состоянию материала невозможно было расшифровать. Это преимущественно транспортные предприятия, с.-х. и частично коммунальное хозяйство.

⁴⁵ Цифра приблизительная. По прямым данным было зарегистрировано 476 млн. квт.-час. потерь и собственного потребления на станц. общ. пользования, 166 млн. квт.-час. на пром. станциях. Остальные 164 млн. квт.-час. были исчислены.

бление электроэнергии на освещение и коммунальные нужды: а) освещение ⁴⁶, б) трамвай, в) водопровод. III. Прочие категории потребителей, которых по состоянию первичного материала не удалось детально расшифровать. IV. Потери и собственное потребление станций.

Конкретные цифры в сводном электробалансе народного хозяйства в особых пояснениях,—после приведенного выше анализа электробаланса промышленности и станций общего пользования,—не нуждаются.

Разумеется, что для целей конкретных построений необходимо обратиться и к материалам, дающим развернутую характеристику электробаланса отдельных отраслей хозяйства и хозяйства отдельных районов.

(Окончание следует).

---

⁴⁶ Сюда входит и потребление электроэнергии на освещение фабрик и заводов.

И. ГОХМАН

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ ¹

А. ЗАДАЧИ, ПОСТАВЛЕННЫЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЕЙ СТРАНЫ ПЕРЕД ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИЕЙ

1. Развитие строительства, металлообрабатывающей промышленности и транспорта, а также переход на механизированное земледелие,—все это потребовало и потребует чрезвычайно быстрого увеличения производства чугуна и стали.

Количественная характеристика тех требований, которые поставлены перед металлургией, представляется в следующих данных „Стали“:

Потребность в прокатном металле в млн. тонн

Годы . . .	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
Максимум ² .	6,65	10,2	14,1	19,1
Минимум ² .	5,2	—	—	15,0

Как известно, за последние годы металлургия не смогла удовлетворить потребность в металле, и дефицит увеличивался из года в год не только по абсолютным размерам, но и по сравнению с потребностью ³.

Годы	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
Потребность в прокатном металле в млн. тонн	2,9	3,6	4,4	6,65
Производство в млн. тонн .	2,7	3,3	3,7	4,93
Дефицит в млн. тонн	0,2	0,3	0,7	1,72
В % к потребности	7	8	16	26

¹ Печатается в порядке обсуждения. *Ред.*

² Максимум считается, исходя из суммы урезанных заявок на 1929/30 г., увеличенной пропорционально росту соответствующих отраслей—потребителей в следующие годы. Минимум считается, исходя из фактического отпуска металла на 1929/30 г. с аналогичными поправками на следующие годы.

³ Данные „Стали“.

Благодаря этому увеличивался ввоз черных металлов из-за границы и тормозилось развитие строительства и металлообрабатывающей промышленности.

Для характеристики тех темпов развития, которые требуются от нашей металлургии, показательна справка о темпе развития металлургии в САСШ, Германии и Англии.

Для того, чтобы металлургия СССР довела свое производство до названных размеров спроса 1932/33 г., необходимо, чтобы с 1929/30 г. по 1932/33 выплавка чугуна повысилась с 5,5 млн. тонн минимум до 17 млн. тонн.

Исходный уровень выплавки чугуна—5,5 млн. тонн—был в Англии в 1869 г., в САСШ—в 1886 г. и в Германии ⁴—в 1895 г., а тот уровень, к которому мы стремимся в 1932/33 г.—17 млн. тонн—был достигнут лишь в САСШ в 1902 г., в Германии—в 1913 г. производство достигло 16,6 млн. тонн, в Англии максимум был в 1917 г., равный 10 млн. тонн. Таким образом САСШ проделали этот путь в 16 лет, Германия—почти прошла его за 18 лет, а Англия за 48 лет прошла меньше половины его.

Таким образом, требующийся темп развития металлургии является беспримерным.

2. Помимо развития производства в количественном отношении, от металлургии требуется чрезвычайно большая работа по выпуску качественных сталей.

Количественная характеристика поставленных перед металлургией требований такова:

Общая потребность в качественной и высококачественной стали ⁵

Г о д ы . .	1930/31	1931/32	1932/33
Тыс. тонн .	300	900	1 300

Ассортимент стали, который требуется в связи с развитием двигателей всякого рода, точного машиностроения, инструментального дела и прочих отраслей—чрезвычайно разнообразен. Наряду с многообразными спецификациями для авто- и тракторостроения, в которых также имеются почти все сорта стали—от углеродистых до самых ответственных хромоникелевых и шарикоподшипниковых сталей,—вырастает грандиозный спрос на инструментальные стали. Всех называемых ныне марок стали, производство которых нужно наладить в СССР, насчитывается в настоящее время до 260 ⁶.

3. Районное размещение металлургии в дореволюционное время и в восстановительном периоде не совпадало с распределением металлопотребления и приводило к излишним перевозкам металла. Распределение спроса к 1932/33 г. по районам намечается в таком виде, что оно потребует значительных сдвигов в географии металлургии во избежание еще большего увеличения излишних перебросок металла.

Иллюстрацией к сказанному о несоответствии районного расположения металлургии распределению металлопотребления могут слу-

⁴ В довоенных границах.

⁵ Данные „Стали“.

⁶ По предварительным данным.

жить данные о намечаемых к постройке новых железных дорогах, городах, фабриках и заводах, металлообрабатывающих заводах за Волгой и в азиатской части СССР.

Кроме того в Центральной России линия раздела южной и уральских зон совершенно неясна. Она зависит от ряда факторов, которых до революции не было (качественный металл из древесноугольного чугуна, удешевление уральского металла и т. п.), так что дореволюционные и даже нынешние данные о районах тяготения должны быть скорректированы на условия 1932/33 г.

4. Снижение удельных издержек производства на металлургических заводах является одной из главных задач, так как существующие нормы себестоимости и продажных цен чрезмерно высоки и обуславливают высокую стоимость строительства в Союзе.

Для характеристики уровня существующей себестоимости и продажных цен могут служить следующие данные:

а. Сравнение современной и довоенной себестоимости в южной металлургии ⁷

Продукт	Себестоимость в 1928/29 (в % к 1918)
Чугун переделный . .	178
Сталь мартеповская . .	188
Рельсы ж.-д. 1 с. . . .	194
Мелкосортное железо .	184

б. Сравнение продажных цен на металлы в СССР и в САСШ, Германии и Франции ⁸ за 1928

Продукт	Отношение продажных цен Югостали к продажным ценам		
	Во Франции	В Германии	В САСШ
Чугун литейный . .	1,58	1,39	1,30
Сортовое железо . .	2,12	1,71	1,38
Балки	2,16	1,68	1,34

⁷ Данные Югостали. Следует обратить внимание на то, что вздорожание по чугуну меньше, чем по дальнейшим переделам. Это значит, что металлургические заводы имели результаты хуже всего по переделу чугуна в готовый продукт.

⁸ Данные об иностранных ценах из „Статистического ежегодника“ Германского статистического управления за 1929 г., русские цены—продажные цены Югостали по отчету за 1928/29 г.

в. Колебания уровня себестоимости на разных заводах СССР ⁹

Продукт	Колебания в себестоимости в 1927/28			
	На Юге		На Урале	
	В рублях	В % к средней	В рублях	В % к средней
Чугун	7,24	15	23,27	39
Сталь мартеновская	18,52	25	17,90	22
Железо мелкосортное	37,25	35	64,48	52
Рельсы 1-го сорта	21,90	20	—	—
Кровельное железо	49,84	24	16,59	9

Колебание себестоимости в 35—40% в пределах одного и того же района является результатом не только различия в себестоимости сырья и топлива, в транспортных показателях и в качестве оборудования заводов. Здесь огромную роль играет и качество организации производства на разных заводах.

5. Улучшение условий труда в металлургии как в смысле его физического облегчения и охраны на производстве, так и в смысле увеличения уровня оплаты труда и улучшения бытовых условий.

Облегчение труда необходимо главным образом на транспортных операциях (загрузка доменных и мартеновских печей, уборка чугуна и проката и т. п.).

Слабая механизированность транспорта грузов влечет за собой большое количество несчастных случаев при переноске тяжестей.

Недостаточность уровня заработной платы в металлургии выясняется уже при сравнении заработка металлургических рабочих с металлообрабатывающими. Но она становится резкой при сравнении зарплаток уральских рабочих с другими районами.

Неудовлетворительность бытовых условий достаточно наглядно выясняется при ознакомлении с основным из них—с жилищным положением рабочих на металлургических заводах. Жилищные условия и на Юге, и на Урале совершенно неудовлетворительны и ни в какой мере не отвечают минимальным требованиям санитарии.

Б. ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ РАЗРЕШЕНИЯ ПОСТАВЛЕННЫХ ПЕРЕД МЕТАЛЛУРГИЕЙ ЗАДАЧ В НЫНЕШНИХ УСЛОВИЯХ

1. Улучшение организации производства может дать значительный эффект как в смысле роста производительности агрегатов и рабочих, так и в отношении снижения издержек производства, причем для этого капитальных затрат требуется очень мало.

Это общеизвестно, „старо“, всеми признано. Когда иностранцы, приехав на наши заводы, указывают на бесчисленное количество так называемых „мелких дефектов организации производства“ как на

⁹ По отчетам Югостали и Уралмета.

основное препятствие на пути к полному использованию существующего оборудования заводов и к снижению издержек производства, то многие наши хозяйственники и техники остаются явно неудовлетворенными: „Да это старо, ничего нового он нам не сказал“, так обычно заявляют они. По этому поводу хорошо высказался один германский инженер, которому уже очень надоели эти „возражения“:

„Если все, что я отмечаю, уже давно вам известно, то я очень этому рад,—сказал он,—но я никак не могу понять одного: почему вы, русские инженеры и администраторы, все зная, обо всем читая, абсолютно ничего не делаете для того, чтобы устранить на практике, фактически те глупейшие и вреднейшие недочеты, которых так много у вас на заводе. Почему вы любите так много читать и обсуждать (и обо всем с принципиально-теоретическими обоснованиями), а на примитивнейшие вещи, которые уродуют производство на вашем же заводе, никакого внимания не обращаете“.

Приведу несколько иллюстраций к вопросу о влиянии улучшений в организации производства, не требующих вовсе капитальных затрат или требующих совершенно незначительных вложений для своего осуществления.

„Узким местом“ на металлургических заводах являются сталелитейные цехи—мартеновские и бессемеровские. И несмотря на это, организация производства в этих цехах из рук вон плоха ¹⁰.

Начать с того, что при избытке чугуна по сравнению с пропускной способностью сталелитейных—сталелитейные агрегаты нередко имеют длительные простои из-за несвоевременной доставки чугуна.

Ремонты мартеновских печей затягиваются из-за несвоевременной подготовки к их производству и из-за плохого качества ремонтов.

В результате этих и тому подобных причин простои мартеновских печей достигали на Юге 27—30% в 1927/28 и 1928/29 гг. Резкие колебания процентов простоев между заводами (от 21 до 41) и на одних и тех же заводах в разные годы (41—34) указывают, что здесь нет решающего влияния независящих от заводов, так называемых „объективных“ причин.

Топливо для газогенераторов, подающих газ в мартеновские печи, поступает крайне неравномерного качества, что значительно ухудшает работу печей.

Лом для загрузки мартеновских печей не подготавливается на ряде заводов, из-за чего сильно затягивается процесс загрузки, особенно там, где загрузка не механизирована.

Кроме всего этого на ряде заводов царит невероятный беспорядок и грязь в цехах, что оказывает также чрезвычайно вредное влияние и на темп работы и на ее качество. Вот что пишет германский инженер д-р Карнер о порядке в мартеновском цехе Макеевского завода им. Томского ¹¹:

„Дальнейшему увеличению производительности безусловно препятствует то обстоятельство, что литейный зал настолько загрязнен и так закупорен горами слитков, изложниц (годных и негодных), лома, огнеупорного материала, наваленными вперемежку (!), что нигде

¹⁰ Факты взяты из материалов обследования НК РКИ СССР Югостали и Уралмета в 1929 г.

¹¹ По материалам НК РКИ СССР.

нельзя найти свободного местечка. Для того, чтобы можно было работать в литейном зале, имеющем 18 метров в ширину, он должен быть прежде всего приведен в порядок“.

Достаточно ли приведенные факты для того, чтобы судить о том, что путем простого улучшения организации производства можно многого добиться и от существующего оборудования? Надо думать, достаточно. Если организовать производство как следует, то и без капитальных затрат можно вдвое уменьшить ту разницу, которая имеется в использовании оборудования между СССР и Германией. А это значит одновременно резко снизить себестоимость.

2. Чрезвычайно велико влияние подготовки сырых материалов и топлива и рационализаторских мероприятий на производительность и уровень себестоимости в металлургии. Эти мероприятия—по подготовке материалов—требуют капитальных затрат, но последние очень быстро окупаются и являются совершенно неизбежными в условиях современной нужды в металле и необходимости экономного расходования оборудования, рабочей силы, сырья и топлива.

Укажем на подготовку руды, кокса и известняка для доменных печей Юга.

Необходимой и достаточной мерой борьбы с неоднородностью руды по химическому составу является правильная их сортировка по химическому анализу, заблаговременное извещение завода о качестве направляемой ему руды и снабжение завода по возможности более постоянными по химическому составу сортами руды или заранее определенными смесями разных сортов.

Пока же порядок снабжения рудами на Юге исключительно плох. Заводы получают руду плохо сортированной по химическому составу и не получают своевременно анализов направляемых им руд, и доменные инженеры принуждены поэтому вести шихтовку „на-глаз“, ведя процесс с заведомым избытком тепла и имея таким образом пониженную производительность печей.

Физические недостатки поставляемой южным заводам руды заключаются, с одной стороны, в наличии очень больших кусков руды, а с другой стороны, в большом количестве мелочи.

Необходимость дробления и сортировки руд по размерам слишком давно известна всем металлургам. Между тем, ничего не было сделано для организации этого дела на Юге. В результате заводы получают несортированные по размерам руды и, имея вынос руды до 8—10—12 и более процентов, давали очень низкие показатели использования доменных печей.

Не лучше и с топливом. Южный уголь имеет два основных порока: высокий процент серы и высокий процент золы. В настоящее время процент серы в коксе колеблется от 1,9 до 2,5. Золы в коксе, как правило, 12—14%, а бывает и больше. Борьба с золой и отчасти с серой—это предварительная, до коксования, мойка и сортировка угля. Проводится это в Донбассе с поразительной вялостью и медленностью.

Безобразно поставлено дело со снабжением известняком. Дробление известняка очень важный фактор для ускорения доменного процесса. Но до сих пор оно на Юге еще не организовано.

К сожалению нет и не может быть точных расчетов, насколько можно повысить производительность доменных печей благодаря улуч-

шению качества сырья и топлива. Считается, что эти мероприятия минимально должны повысить производительность доменных печей на 20—25%. Но есть сторонники значительно более высоких цифр.

3. В силу сложившихся обстоятельств—острого дефицита в металле в настоящем и в ближайшем будущем, а также ограниченности человеческих и материальных ресурсов для строительства металлургии—приходится весь путь развития металлургии разбить на два этапа.

Первый этап продолжится до того времени, когда фактический уровень производства черных металлов будет приведен в соответствие с потребностями в металле. В течение этого периода на первом плане будет стоять задача максимального развития выплавки металла, и не может быть поставлен вопрос о том, чтобы в целях модернизации существующих заводов сносить существующее устарелое оборудование для его замены более современным. Все новые агрегаты должны строиться не на месте старых, а наряду с ними.

Второй этап развития металлургии будет сочетать новое строительство с заменой старого оборудования новым на тех заводах, которые имеют достаточно благоприятные показатели для дальнейшей эксплуатации, а также и с ликвидацией тех заводов, затраты на реконструкцию которых неэффективны.

Практика планирования в прошлом показала, что ясности в этом вопросе не было. Так, например официальная пятилетка черной металлургии была построена таким образом, что на ряде заводов предполагалось сносить значительное количество действующих агрегатов (например по Югу 10 доменных и 10—13 мартеновских печей). Предполагалось сносить печи на таких заводах, как им. Дзержинского, Сталина, Рыкова, где в действительности эти печи работают и могут еще работать ряд лет.

Достаточно указать на то, что по подсчетам НКРКИ СССР оказалось возможным получить для 1932/33 года около 1 млн. тонн чугуна лишь путем сохранения 10 намеченных по пятилетке к остановке доменных печей Юга.

Этот вопрос—о том, чтобы на нынешнюю пятилетку отказаться от сноса существующего оборудования,—вызвал весьма резкую дискуссию между НКРКИ и ВСНХ. ВСНХ отстаивал ту точку зрения, что на старом оборудовании, которое требует большего количества рабочих и работает не таким темпом, как современное, нельзя дольше продолжать работу.

В таком же смысле высказывался и ряд техников.

С узко технической точки зрения такая позиция вполне понятна и объяснима: техник преследует цель наилучшей организации предприятия, наибольшего совершенствования его оборудования и наибольшего вытеснения человеческого труда на данном заводе путем замены его механической энергией.

Но с хозяйственной точки зрения при нынешнем металлическом голоде никакого оправдания точка зрения ВСНХ не могла получить,—и не получила.

Как известно, высшие правительственные и партийные органы, обсудив этот вопрос, полностью одобрили позицию НКРКИ.

В постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР о работе Югостали сказано по этому поводу ¹²:

„При напряженном положении с металлом на протяжении всей пятилетки и при не менее напряженном темпе строительства для удовлетворения этого металлического голода задачей хозяйственных органов должно явиться полное использование старого, могущего еще работать оборудования.

Хозяйственники-коммунисты должны усвоить ту мысль, что погоня исключительно за новым и пренебрежение к должному использованию старого оборудования в то время, как старое может еще известное число лет сослужить свою службу, наносит вред делу индустриализации страны и срывает темп перехода промышленности на новую высокую техническую базу“.

4. Одним из двух методов развития металлургии является реконструкция существующих заводов. По своему характеру реконструкция действующих заводов может быть схематически разделена на три типа.

Первый тип предполагает лишь рационализаторские и реконструктивные работы без изменения количества и типа основных агрегатов.

Второй тип предполагает помимо этого увеличение количества основных агрегатов для приведения пропускной способности основных цехов в пропорциональное (комплектное) состояние.

Третий тип предполагает сверх указанного увеличение количества всех основных агрегатов завода.

Рассмотрим это на примере одного завода.

Обследование завода им. Дзержинского ¹³ показало, что путем проведения рационализации, усиления вспомогательного оборудования, транспорта и силового хозяйства, но без изменения количества основных агрегатов производительность завода может быть резко увеличена:

Продукт	Производительность	
	В 1928/29	На тех же агрегатах в 1932/33
Чугун . . .	545	673
Сталь . . .	489	760
Прокат . . .	407	(787)

При этом получается дефицит чугуна и стали. Во избежание импорта чугуна и стали может быть принят второй тип реконструкции и баланс металла может быть замкнут постройкой новых агрегатов. Для этого нужно было бы построить еще 2 мартеновские печи

¹² Постановление ЦК ВКП(б) о работе Югостали от 8/VII 1929 г.

¹³ См. „Основные положения реконструкции заводов Югостали“ Гипромгиз, Л., 1930.

с производительностью обеих в 150—160 тыс. тонн и 2 доменные печи с производительностью в 250—275 тыс. тонн каждая. Тогда цикл будет замкнут, и завод сможет отпускать часть чугуна на сторону.

Гипромез наметил по заводу им. Дзержинского более широкую реконструкцию—по нашему третьему типу. Он наметил постройку 3-х новых доменных печей, 8 новых мартеновских печей и 3-х новых прокатных станков. Этим самым в полтора раза увеличивается конечная продукция завода (с 787 до 1187 тыс. тонн проката) и фактически пристраивается новый завод к существующему.

Этот конкретный пример вероятно достаточен, чтобы показать материальную сущность указанных трех типов реконструкции действующих заводов.

Совершенно естественно, что удельные затраты на единицу добавочного продукта повышаются по мере перехода от первого к третьему типу реконструкции.

Благодаря отсталости вспомогательных устройств на наших заводах и вследствие больших возможностей повысить производство за счет улучшения организации производства, первый тип реконструкции требует минимальных затрат на единицу добавочного продукта.

При втором типе вложения должны ограничиться достройкой нескольких агрегатов для доведения отсталых цехов до производственного уровня других цехов. При этом по сравнению с первым типом мы имеем уменьшение эффективности затрат, так как здесь приходится вкладывать средства в новые сооружения. Но по сравнению с постройкой нового завода второй тип реконструкции должен дать экономию в удельных затратах, так как здесь почти всегда экономятся затраты на внутризаводский транспорт, на площадку, на часть вспомогательных цехов и оборудования и на здания (напр., пристройки 1—2-х печей в существующем мартеновском цехе дешевле, чем постройка этих же печей на новом заводе).

Те дополнительные (сверх второго типа) работы, которые приводят нас к реконструкции третьего типа, как правило, мало отличаются по уровню удельных затрат от пристройки новых заводов¹⁴ и являются значительно более капиталоемкими, чем работы первого и второго типа реконструкции.

5. Выбор типа реконструкции для каждого отдельного завода должен основываться на следующих принципах:

а) металлический голод требует выжать из наличного оборудования все, что оно может дать; значит, первый тип реконструкции обязателен для всех заводов и почти для всех агрегатов;

б) ограниченность ресурсов и времени для пристройки новых заводов обязывает почти на всех заводах ликвидировать „узкие места“, т. е. осуществить реконструкции по второму типу;

в) проведение реконструкции того или иного завода по третьему типу, т. е. пристройка к данному заводу нового завода, может и должно быть осуществлено лишь при наличии особо благоприятных для данного завода объективных показаний, которые

¹⁴ Здесь экономия, да и то не всегда, на железнодорожном строительстве, некоторых частях вспомогательных цехов, водоснабжении и административных зданиях.

обусловливают эффективность затрат на дополнительные (сверх реконструкции второго типа) капитальные работы по данному заводу по сравнению с затратами на постройку нового завода.

В своем плане реконструкции заводов Югостали Гипромез наметил реконструкцию по первому типу на заводах имени Ильича и б. „Провиданс“; по первому и второму типу—на заводах им. Сталина, им. Рыкова, им. Петровского, им. Фрунзе и Таганрогском; по первому, второму и третьему типу—на заводах им. Томского, им. Дзержинского и им. Ворошилова.

6. Общие априорные соображения за и против реконструкции третьего типа по сравнению с постройкой новых заводов могут быть сформулированы следующим образом:

а) В пользу эффективности затрат на расширение завода путем достройки всех основных цехов по сравнению с затратами на постройку нового завода говорят наличие старого завода как базы для строительства нового и как базы для пуска его в эксплуатацию.

При расширении завода имеется почти всегда возможность использовать частично его технический и рабочий персонал, работу его вспомогательных цехов, работу электростанции, транспорта и подъездных путей к площадке рабочей колонии. Все это даст экономии средств и времени. Значительные выгоды благодаря старому заводу получаются и при налаживании производства.

б) Большая эффективность затрат на постройку нового завода по сравнению с расширением старого априорно обуславливается тем, что новый завод может быть, во-первых, расположен в наиболее выгодном месте с точки зрения внешних транспортных показателей, во-вторых, распланирован вполне свободно и рационально, не будучи стесненным ни в коей мере наличием тех или иных строений или путей около своей площадки или на ней.

Лишь конкретная оценка действительных преимуществ расширения данного завода и оценка неудобств, которые получает новое оборудование (или существующий завод) от того, что оно строится при существующем заводе, при наличных внешних транспортных показателях, а не на свободно избранном оптимальном новом месте,—лишь при конкретном взвешивании этих „за и против“ может быть решен вопрос о выгодности реконструкции по третьему типу того или иного завода.

Укажем для примера, что реконструкция по третьему типу завода им. Томского возражений не должна встретить: пристраиваемый к существующему новый завод получает нормальное расположение цехов; завод находится в географически оптимальном пункте; существующий завод ничего не теряет от постройки нового и наконец существующий завод с его организацией действительно значительно ускоряет постройку нового.

Спорной однако является идея пристройки новых заводов к заводам им. Дзержинского и им. Ворошилова.

Постройка новых прокатных цехов с блюмингами и с соответствующим развитием остальных цехов, намечаемая ВСНХ на заводах им. Ворошилова и Дзержинского, почти равноценна по объему необходимых работ и оборудования постройке новых заводов. Однако, давая незначительный эффект в смысле повышения производительности существующего оборудования на этих заводах, эти огромные работы не дадут такого эффекта, как постройка новых заводов¹⁵.

Ряд моментов позволяет утверждать, что, несмотря на то, что расположение цехов по плану ВСНХ получится для завода им. Ворошилова вполне удовлетворительным, намеченное ВСНХ развитие этого завода не является первоочередным и должно быть отложено за пределы данного пятилетия, точно так же как и постройка новой прокатки на заводе им. Дзержинского.

Если у нас окажутся средства на постройку дополнительных блюмингов и прокатных станов, то гораздо целесообразней строить их на новом заводе (как например Н. Тагильском).

7. При колоссальном росте спроса на металл в ближайшие годы основным методом развития черной металлургии должна явиться постройка новых заводов, так как развитие производительности существующих далеко не покрывает потребность в металле, тем более что расширение существующих заводов имеет довольно узкие пределы с точки зрения эффективности капитальных затрат согласно вышеприведенным соображениям.

Чем больше выявляющаяся потребность в металле, чем выше намечаемое производство, тем большую долю должны занимать в производстве новые заводы. Так, по официальной пятилетке, где намечалась выплавка чугуна в 1932/33 г. в 10 млн. тонн, доля новых заводов ограничивалась 25%. В майском варианте „Стали“ при выплавке в том же году в 15 млн. тонн доля новых заводов достигала 33%. А при программе в 17 млн. тонн доля новых заводов достигнет вероятно 37—40%.

¹⁵ Относительно завода им. Дзержинского можно установить следующее: 1) расположение цехов завода в результате намечаемой реконструкции получается не совсем удовлетворительным и гораздо худшим, чем на новых заводах (вынужденное переплетение со старыми цехами и путями, отдаление доменного от сталелитейных цехов и т. п.); 2) необходимость строить на насыщенном грунте и растянутое расположение цехов нового завода удорожает строительные работы; 3) то развитие завода, которое намечено ВСНХ, предопределяет перенос крупного вагонного завода имени „Правды“ на совершенно новое место; 4) в то же время совокупная себестоимость транспорта руды, топлива и флюсов для завода им. Дзержинского дороже на 14—15%, чем для Запорожского (данные Гипромеза); 5) импортного оборудования потребуется по подсчету Гипромеза 41 млн. р. на данное пятилетие.

Возражения против намечаемого ВСНХ развития зав. имени Ворошилова таковы: 1) транспортные показатели и условия водоснабжения не в пользу резкого развития этого завода (перевозка сырья и топлива на 28% дороже, чем на заводе им. Томского); 2) Гипромез исчислил, что себестоимость на этом заводе и в 1932/33 г. будет выше, чем на других (по чугуну даже на новых печах будет на 5% дороже, чем в среднем по Югостали и на 9% дороже, чем на зав. им. Томского); 3) помимо того, что постройка новой прокатки будет нерентабельной по сравнению с новым заводом, на зав. имени Ворошилова нет почти никаких факторов, ускоряющих работы (техперсонала недостаточно даже для руководства эксплуатацией завода, котельно-механического цеха нет, колония завода настолько недостаточна, что вызывает уже теперь наибольшие расходы из всех заводов (по сравнению с числом рабочих); 4) импортного оборудования потребуется по подсчетам Гипромеза 27,5 млн. р. на данное пятилетие.

8. Размещение новых заводов, выбор размера и типа этих заводов и определение их количества являются одной из труднейших задач, решение которой зависит от целого ряда народнохозяйственных, технических и политических обстоятельств, главнейшими из которых являются:

- а) учет потребности в металле в СССР и по отдельным районам;
- б) учет наличных материальных и людских ресурсов для строительства;
- в) исследование и выбор наиболее выгодных пунктов для постройки новых заводов;
- г) наметки основных технических принципов по проектированию заводов (выбор типа оборудования, общая мощность завода и т. п.);
- д) определение ассортимента продукции по заводам.

Для иллюстрации тех трудностей, с которыми сопряжено решение вопроса о постройке новых заводов, а также тех радикальных переделок, которые являются следствием изменения указанных основных исходных оснований по проектированию новых заводов, приведу данные о том, что осталось от официальной пятилетки к настоящему времени.

Если сравнить те задания, которые намечались по этим заводам в 1928 г., с тем планом, который выдвигается объединением „Сталь“ в мае 1930 г., то можно убедиться, что от старой пятилетки осталось теперь очень мало:

Новые металлургические заводы ¹⁶	Прокатная производительность чугуна в тыс. тонн		Срок пуска первой домны		Капитальные затраты 1932/33 в млн. руб.	
	5-летки	Вариант „Стали“	5-летки	Вариант „Стали“	5-летки	Вариант „Стали“
1. Керченский 1 оч.	314	420	28/29	фак. 28/29	156,2	фак. ок. 70
2. „ 2 оч.	411	Не строить	30/31	Не строить	119,5	Не строить
3. Криворожский	655	„	32/33	„	191,8	„
4. Запорожский	650	1055	32/33	31/32	170	270
5. Днепросталь	160	320	32/33	31/32	130,8	—
6. Магнитогорский	650	2600	31/32	31/32	183,8	534
7. Кузнецкий	400	1010	32/33	31/32	131,7	247
8. Левшинский	65	Не строить	32/33	Не строить	15	Не строить
9. Петровск. ДВР	35	42	31/32	31/32	11,9	15,8
10. Липецкий	650	Не строить	31/32	Не строить	190	Не строить

Из десяти намечавшихся в 5-летке 1928 года новых заводов четыре вычеркиваются из плана совсем. Из остальных шести заводов по двум план почти не меняется, пересчитывается лишь производительность агрегатов. По остальным четырем заводам, которые являются центральными: Магнитогорский, Кузнецкий, Запорожский и Днепросталь, запроектированы совершенно новые задания, в 2—3 и более раза превышающие прежние.

¹⁶ Без заводов ферросплавов и без тех, которые не намечено хотя бы частично сдать в эксплуатацию раньше 1933/34 г., последние считаются также не строящимися.

Что же осталось от пятилетки 1928 г.?

Чем объясняется эта ломка заданий? В первую очередь тем, что наметки новых заводов, включенные в пятилетку 1928 г., были недостаточно грамотными с технической точки зрения (преуменьшены производственные возможности агрегатов и т. п.). Второй, еще более важной причиной, явился пересчет потребностей страны в металле (для 1932/33 г.), непрерывно возрастающий. С другой стороны, полная неподготовленность разведок и исследований по ряду других заводов вынудила их исключение из плана строительства.

8. Выбор пунктов для постройки новых металлургических заводов должен производиться исходя из стремления свести к минимуму перевозки руды, флюсов, топлива и готового металла, приходящиеся на единицу потребленного в стране металла. Нельзя ограничиться учетом перевозок сырья и топлива для металлургического завода, не принимая во внимание требующихся перевозок готового металла. Отсюда исходными при планировании размещения новых заводов являются данные о распределении рудных, угольных и других, нужных для металлургических заводов запасов, а также и данные о пунктах потребления металла.

При оценке расстояний для перевозок сырья и топлива учитываются и их качества. Вполне понятно, что лучший по своим качествам уголь или высокопроцентная и чистая руды смогут выдержать большие перевозки, чем худший уголь и бедная руда. Это доказано расчетами в частности по Магнитогорскому заводу.

Определение расстояний по перевозкам готового металла в перспективном планировании в условиях СССР имеет одно огромное преимущество, являющееся в то же время и трудностью для планирующего. В условиях СССР, когда металлообрабатывающая промышленность должна развиваться такими неслыханными темпами, когда должны быть построены десятки новых заводов,—может и должен стать вопрос о том, чтобы размещение этих последних решалось в сочетании с размещением новых металлургических заводов. В ряде случаев в связи с этим правильней базировать выбор пункта для нового металлургического завода, рассчитывая, что металлообрабатывающие заводы-потребители должны группироваться вблизи от него.

Решающим изменением географии металлургии СССР является постройка Магнитогорского и Кузнецкого заводов и намечаемая в ближайшие годы постройка еще двух больших заводов Урала. Эти заводы будут началом „создания второй горно-металлургической базы“ в Урало-кузнецком районе. При учете предстоящего крупного железнодорожного, промышленного и коммунального строительства в восточной части европейской и в азиатской части СССР и предстоящего там же гигантского развития металлообрабатывающей и горной промышленности, резкое форсирование развития металлургии на Урале и в Сибири должно привести несомненно к снижению удельных издержек производства и транспорта в СССР в целом.

9. Выбор технического типа новых заводов и новых агрегатов для действующих заводов (выбор конструкции агрегатов, их мощности, типа расположения и взаимной увязки, выбор способов транспортировки и т. п.) основывается на стремлении возможно быстрее довести технический уро-

вень наших заводов до уровня новейших и наилучших заводов САСШ и Германии. При этом конечно учитываются особенности руды и кокса, которые поступают на данный завод, точно так же как и местные условия водоснабжения и энергетические.

Сюда относятся все основные вопросы технологического проектирования: размеры и типы доменных и мартеновских печей, методы прокатки (блюминги и непрерывные станы), выбор силовых установок, транспортных устройств и т. д. При решении всех этих вопросов на новых заводах первую роль играет стремление создать наиболее технически совершенное предприятие и наиболее механизированное, требующее наименьшей затраты живого человеческого труда на единицу продукции.

Есть однако одно условие, которое не позволяет проводить этот принцип в настоящее время на всех заводах. Это краткость времени, которое дано металлургии для такого гигантского развития, какое требуется от нее, и ограниченность ресурсов (главным образом оборудования) для нового строительства металлургии.

С этой точки зрения в эту принципиально правильную и в общем осуществляемую линию вносятся известные коррективы.

Коррективы имеются по линии реконструируемых заводов, где не всюду намечены наиболее совершенные агрегаты и где механизация пока не проводится по всему фронту производственных и транспортных операций.

Коррективы вносятся и тем фактом, что приходится восстанавливать и пускать в ход такие технически несовершенные агрегаты, как кадиевские доменные печи.

Думаю, что и в отношении новых заводов следовало бы подумать о том, чтобы смягчить требования в смысле типа оборудования¹⁷. Это облегчит изготовление этого оборудования в СССР и за границей и вероятно ускорит постройку новых заводов.

10. Выбор типа нового завода в смысле установления размеров его производительности должен основываться на многочисленном ряде исходных расчетов. Не перечисляя всех, можно указать на наиболее активные факторы. В условиях современной техники сталелитейного и прокатного производства считается, что определяющей размеры продукции комплектно построенного металлургического завода с замкнутым циклом производства является мощность центрального обжимного стана (блюминга), на котором производится первоначальная прокатка (обжатие) слитков. Мощность крупнейших блюмингов определяют от 750 и более тыс. тонн стали в год. Поэтому принимают за единицу вполне современного металлургического предприятия завод с производительностью чугуна в 0,9—1,2 млн. тонн, стали—1 млн. тонн и проката—0,85 млн. тонн. Это первый фактор, определенный современным уровнем металлургической техники и определяющий минимум производительности нового завода.

Я не касаюсь высказанных в предыдущем параграфе соображений о том, возможно ли во всех без исключения случаях итти по линии

¹⁷ Для примера укажу, что на новых заводах проектируется установка таких блюмингов, которых во всем мире можно насчитать единицами. Обязательно ли устанавливать такое исключительно мощное оборудование? Быть может на менее мощном, по вполне современному оборудованию мы сможем легче добиться нужного развития металлургии.

наивысших технических моделей при строительстве металлургических заводов, хотя они и в этом вопросе сохраняют свою силу полностью.

Кроме того нужно иметь в виду, что здесь речь идет о заводах, работающих обычными методами (на минеральном топливе, производство „торговых“ сортов металла).

Вопрос о верхнем лимите производительности для нового завода еще не ясен.

В САСШ существует завод (Гэрри), у которого максимальная мощность установленного оборудования достигает 3,5—4 млн. тонн чугуна. Существует кроме того несколько заводов в САСШ и в Германии с производительностью в 2—2¹/₂ млн. тонн чугуна. Это однако пока заводы-уникумы, и основная масса продукции чугуна падает на заводы с производительностью 500—1 000 тыс. тонн в год.

Конечно сказанное неубедительно для нас, в СССР, где мы можем концентрировать огромные средства и строим металлургию почти на „голом месте“, имея уже готовые лучшие образцы Запада и Америки. Известно, что даже и в 90-е годы XIX века строительство южной металлургии равнялось на лучшие, а не на типичные средние образцы Запада. В этом преимущество позже развивающихся стран. А в СССР имеется еще и то преимущество, что возможности концентрации средств почти неограничены, чего нет даже при акционерных формах промышленных предприятий.

Стало быть с точки зрения технической и финансовой у нас есть основания копировать и быть может превзойти пределы максимальных заводов мира.

Экономическим критерием установления верхнего предела размера нового завода является результат взаимной компенсации выгод и невыгод постройки завода на 2—3—4 и более комплекта.

Выгоды от концентрации двух, трех и более комплектов на одном заводе могут быть велики: экономия на вспомогательных, энергетических, транспортных, административных, культурно-бытовых и т. п. устройствах, в резервах оборудования, выгоды в себестоимости и т. д.

Невыгоды также могут быть велики: излишние затраты на внешний транспорт, водоснабжение, жилищное строительство (механизация транспорта и коммунальных услуг растет при росте поселений), трудность управления огромным заводом, увеличение расстояний по отправке готового продукта, необходимость в ряде случаев идти на ухудшение качества потребляемого сырья или на удлинение расстояний по его перевозке и т. д.

К сожалению основной в нынешних конкретных условиях вопрос— что можно скорей выстроить: один завод на 3 комплекта (3 млн. тонн чугуна) или 3 завода по одному комплекту—еще не решен.

Неясен также вопрос (это практически касается Магнитогорского завода), как повлияют внешние транспортные условия (по доставке угля и отправке готового товара) на развитие завода до 2,5—3 млн. тонн чугуна в год при имеющемся крайне ограниченном сроке для строительства и полного пуска завода (к 1932/33 г.).

Учет совокупного влияния указанных факторов на темпы строительства, на размеры удельных затрат на строительство и на себестоимость продукции приведет к правильному решению вопроса о выборе мощности завода.

11. Развитие производства качественной стали в СССР зависит как от реорганизации действующих за-

водов, так и от постройки новых. На ближайший период решающую роль будет играть перевод существующих заводов (особенно уральских) на производство качественной стали.

Если отбросить электросталелитейное производство, то окажется, что для перевода существующих заводов на производство качественной стали требуются три основных условия:

1. Наличие достаточных площадей для организации механической или ручной чистки слитков и заготовки, причем эти площади должны удобно располагаться в отношении сталелитейного и прокатного производств.

2. Наличие достаточной площади для организации термической обработки металла и калибровки.

3. Создание кадра специалистов — как техников, так и квалифицированных рабочих.

Эти условия имеются на ряде заводов, но далеко не на всех. Что же касается условий снабжения заводов, производящих качественную сталь, требующих особо чистых исходных металлов, то с этой точки зрения особенно выгодным оказывается осуществление намеченного перевода ряда уральских заводов на качественные стали, так как уральский чугун может явиться наилучшим сырьем для качественной стали.

Этот вопрос для Урала был ясен задолго до революции, но „уральские князья“ — владельцы уральской промышленности — ничего не делали в этом направлении.

Постановление ЦК ВКП(б) об Уралмете, где дается указание в этом направлении, является действительно тем переломным моментом, начиная с которого Урал должен быть выведен на основной путь развития своей металлургии.

Постройка новых заводов по производству качественной стали намечается, как известно, у Днепровской электростанции и под Москвой — расширение Электростали (для высококачественной стали).

12. Для осуществления требующегося гигантского объема капитальных работ по развитию металлургии необходимы совершенно отличные от обычно практиковавшихся у нас темпы и методы строительства.

Сроки остались исключительно краткие, — настолько краткие, что нужно учитывать потерю каждого дня, а не месяцев, как это было прежде.

Использование иностранного опыта по проектированию, надзору и непосредственному руководству на строительствах; исключительно высокая квалификация и самоотверженная энергия персонала; подъем советской стройпромышленности и машиностроения до уровня германских и американских темпов в производстве, — вот те условия, которые нужны для выполнения поставленных задач.

И кроме того не менее важным является резкое изменение руководства строительствами в центре. Если такие строительства, как Магнитострой и Кузнецкстрой, должны будут доказывать и обосновывать в московских канцеляриях, почему им нужно 150, а не 147 автомашин или 100 тыс., а не 96 500 единиц какого-либо стройматериала, то они обречены на неудачу.

Мелочный контроль должен быть устранен.

Полное доверие непосредственным руководителям строительства, полная ответственность с их стороны и всемерное содействие в центре—таковы основные условия для практического выполнения работ по таким гигантским заводам.

13. Дать новые миллионы тонн металла должны в конце концов не те агрегаты, которые будут построены или имеются, а люди, их эксплуатирующие. Вопрос о кадрах является пожалуй столь же острым, как и вопрос о материальных ресурсах черной металлургии.

Дело здесь и в количестве необходимого персонала и в техническо-производственной его квалификации, и в активности и добросовестности работы этого персонала.

Дефицит в персонале можно в этот срок пополнить путем приглашения из-за границы (но это касается небольшой части) и развитием школьной сети. Это также даст немного. Главным методом является создание таких условий, при которых каждый рабочий или служащий давал бы в 2—3 раза больше эффекта, чем он дает теперь.

Это возможно при улучшении руководства, при развитии активности работников (соцсоревнование и ударничество) и при обеспечении на строительствах всех тех условий, которые дадут возможность каждому работнику проявить все свои способности, инициативу и энергию.

■ КРЕДИТНАЯ СИСТЕМА В РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД

Вопросам организации советской кредитной системы и методам финансового обслуживания народного хозяйства уделяется в последние годы особое внимание. Это объясняется той весьма значительной ролью, которую кредитная система играет в качестве одного из мощных рычагов экономического регулирования народного хозяйства. Чтобы охарактеризовать громадное значение кредитной системы, достаточно указать, что вложенные кредитной системой в народное хозяйство и обращающиеся в нем средства на 1/X 1929 г. выражаются суммой около 9,6 млрд. руб., почти целиком направленной по линии обобщественного сектора. Общий же размер вложений кредитной системы в народное хозяйство, в соответствии с пятилетним планом, должен достигнуть к концу 1932/1933 г. огромной суммы около 29 млрд. руб.

Кредитная система СССР насчитывает около 9 лет своего существования. Начало ее организации было положено учреждением Государственного банка в 1921 г., через несколько месяцев после введения новой экономической политики.

На организации, а также на функциях и формах оперативной деятельности кредитной системы в начальный период новой экономической политики отражались имевшие место в этот период особенности нашей экономики и форм товарно-денежного оборота.

Это до известной степени обусловило формирование наряду с Госбанком организационно необъединенных с ним многочисленных кредитных учреждений, так называемых специальных банков (Промбанк, Электробанк, Внешторгбанк и др.).

Однако рост планового начала в хозяйстве, новые задачи в смысле усиления использования банковской системы для целей народнохозяйственного контроля и учета требуют сейчас полного единства банковской системы. Между тем, при организации и развитии наших банков это единство не было обеспечено. Это обстоятельство влекло за собой ряд отрицательных явлений, обычных в условиях капиталистического хозяйства, но не согласующихся с общим направлением нашей хозяйственной политики.

Как на основные из них, следует указать на:

а) отсутствие единства в работе всей кредитной системы, вследствие невыполнения Госбанком роли объединяющего и направляющего ее центра;

б) ожесточенную конкуренцию между банками, приводившую к распылению средств, слабой нагрузке отдельных кредитных учреждений;

в) стремление спец. банков к универсализму при недостаточном в то же время охвате специально отведенной им сферы работы;

г) чрезмерное развитие сети кредитных учреждений, протекавшее без всякого плана;

д) параллельное кредитование одних и тех же клиентов и, как следствие, недостаточное за ними наблюдение и, нередко, перекредитование и проч.

Насколько взаимоотношения между банками были проникнуты конкуренцией, можно судить уже по тому, что в банковских кругах был введен в обиход даже специальный термин „интересный“ клиент, привлечение которого усиленно рекомендовалось правлениями банков своим филиалам, независимо от кредитного обслуживания данного клиента другими банками, предлагая предоставлять таким клиентам более льготные условия, по сравнению с теми, которые они имеют в других банках.

Параллельное краткосрочное кредитование и банковское обслуживание одних и тех же хозяйственных организаций несколькими банками было обычным явлением.

Так, из 632 организаций, пользовавшихся кредитом в Москве в правлениях центральных банков, 217 организаций кредитовались в нескольких банках. Автопромторг например пользовался кредитом в 8 банках, Сельскосоюз—в 7, Металлосиндикат—в 6 банках и т. д.

Крупная клиентура спецбанков по коммерческому кредиту почти поголовно пользовалась параллельно кредитом и в Госбанке. Например из 55 таких клиентов Промбанка, пользовались кредитом в Госбанке 51; все 20 клиентов Внешторгбанка и 19 клиентов Электробанка состояли одновременно клиентами и Госбанка.

Что касается развития сети кредитных учреждений, то при ограниченном круге клиентуры и концентрации оборотов число кредитных учреждений на 1 октября 1926 г. (не считая с.-х. кредитных товариществ и касс НКФ) достигало 1 448 единиц, в то время как в довоенный период в пределах, соответствующих территории СССР, при огромном круге клиентуры, во много раз превышающей численность клиентуры советской, и распылении оборотов имелось 1 472 банковских учреждения, осуществлявших коммерческое кредитование.

Во многих пунктах сосредоточивалось значительное число кредитных учреждений вне всякого соответствия с экономическими потребностями. Так например их было (без ОВК) в Москве—72, Ленинграде—37, в Харькове—18, в Киеве 12 и т. д.

Несмотря на произведенное сокращение числа банковских учреждений в этих пунктах более чем в 2 раза, все же продолжает ощущаться необходимость в дальнейшем их сокращении.

Переход народного хозяйства от восстановительного периода к реконструктивному, при все возрастающем значении планового начала, выявил необходимость пересмотра структуры и оперативных методов работы кредитной системы в целях приближения ее к социалистическим формам организации и деятельности основных отраслей народного хозяйства.

Под этим углом зрения и протекала в последние годы работа по реорганизации кредитной системы.

Огромную роль в деле упорядочения кредитной системы сыграли закон от 15/VI 1927 г. о принципах построения кредитной системы и связанные с ним дальнейшие постановления правительства.

В этом законе нашли свое отражение основные вопросы, вытекавшие из необходимости достижения единства в работе кредитной

системы и упорядочения деятельности, развивавшейся, как отмечалось выше, без всякого плана кредитной сети.

В частности, этим законом:

а) восполнялся весьма существенный пробел в построении нашей кредитной системы, которая фактически, как было указано, не была объединена руководящим и направляющим ее работу центром, путем возложения этой роли на Госбанк;

б) уточнялись функции отдельных банков и устанавливался принцип—каждый клиент, как правило, кредитуются лишь в одном банке, что являлось радикальной мерой против целого ряда наблюдавшихся в деятельности кредитных учреждений ненормальных явлений, возникших на почве тенденций к универсализму, которым были проникнуты все банки;

в) предопределялось точное разграничение клиентуры между банками, в связи с чем должна была прекратиться экспансия банков в несвойственные им области кредитной деятельности, конкуренция между банками, распыление средств, вносимых на текущие счета в разные кредитные учреждения, и проч.;

г) создавалась возможность, благодаря уменьшению числа клиентов, достижения экономии в накладных расходах банков и т. д.

Вместе с тем следует отметить, что принципиальные установки, легшие в основу кредитной реформы 1927/1928 г., в процессе их обсуждения привлекавшие к себе всеобщее внимание, встречали не только сочувственное отношение, но и вызывали решительные возражения как со стороны отдельных хозорганов, так и со стороны руководителей специальных кредитных учреждений. Они считали, что развитие кредитной системы должно идти не в направлении сосредоточения всего кредитования народного хозяйства в едином государственном банке, а в направлении еще большей дифференциации кредитования народного хозяйства по отдельным специальным банкам со значительным расширением их деятельности за счет передачи им функций Госбанка по непосредственному кредитованию соответствующих отраслей народного хозяйства.

В настоящее время, когда с момента реформы 1927/1928 г. прошло около 3 лет, с полной ясностью определилось, что кредитное обслуживание народного хозяйства не только не ухудшилось, как это предсказывали противники реформы, но, наоборот, проведенные мероприятия послужили к оздоровлению кредитной системы, обеспечив большую концентрацию средств, более полное и своевременное удовлетворение кредитных потребностей хозпредприятий и пр.

В этом отношении можно привести хотя бы следующие данные на 1/X 1929 г.:

а) упразднены полностью Промбанк с 88 филиалами и Электробанк с 4 филиалами, причем взамен их, в связи с ростом долгосрочного кредитования народного хозяйства в реконструктивный период, был организован банк долгосрочного кредитования промышленности и электрохозяйства с одним филиалом;

б) упразднен Юго-восточный коммерческий банк (в Ростове н/Дону);

в) упразднены все филиалы Внешторгбанка (10) с передачей правления его в непосредственное ведение Госбанка;

г) сеть кооперативных банков сокращена на 35 единиц;

д) сеть кредитных учреждений (ОВК), состоявшая на 1/X 1926 г. из 1 175 единиц, была сокращена на 185 единиц. Причем, если выде-

лить сеть филиалов Госбанка, которая наряду с некоторыми сокращениями в связи с кассовой реформой была пополнена 222 новыми оперативными единицами за счет ликвидации 598 касс НКФ, то соответствующее сокращение сети прочих кредитных учреждений выразится в 282 единицы из общего числа их на 1/X 1926 г. 684 единицы;

е) административно-управленческие расходы кредитной системы снизились с 80 млн. р. в 1925/1926 г. до 57,7 млн. р. в 1928/1929 г., а также был значительно сокращен личный состав аппарата банков.

Естественным следствием упорядочения и реорганизации кредитной системы явилась также возможность проведения мероприятий и в области унификации и снижения процента ставок как по пассивным, так и по активным операциям; последние были установлены в размере 8—9 процентов без взимания каких-либо дополнительных сборов в виде комиссии и проч., в то время как раньше кредит, в особенности на местах, вместе с разными дополнительными сборами, обходился нередко в 16—17 и даже более процентов.

Вместе с тем, как на один из существенных результатов реформы следует указать на усиление роста удельного веса Госбанка в краткосрочном кредитовании народного хозяйства. Так, доля Госбанка в этом кредитовании, составлявшая на 1/X 1926 г. 1 494,5 млн. р., или 57,7% общей суммы краткосрочного кредита (за вычетом междубанковских кредитов—2 591,5 млн. р.), поднялась к 1/X 1929 г. до 3 839,4 млн. р., или до 78,6% общей суммы (4 881,7 млн. р.).

Одновременно рост капитальных вложений в народное хозяйство, направляемых через вновь образованный Банк долгосрочного кредитования промышленности и электрохозяйства и по линии других банков, отразился на динамике операций кредитной системы.

Так, если на 1/X 1926 г. в общей сумме учетно-ссудных операций всей кредитной системы (за исключением междубанковских кредитов), составлявшей 3 488,3 млн. р., краткосрочные кредиты выражались в сумме 2 612,4 млн. р., или 74,8%, а долгосрочные—875,9 млн. р., или 25,2%, то к 1/X 1929 г. положение значительно меняется: по предварительным данным в общей сумме учетно-ссудных операций—9 144,9 млн. р.—краткосрочные кредиты составляют 4 867,6 млн. р., или 53,2%, а долгосрочные—4 277,3 млн. р., или 46,8% общей суммы.

Материалы и отзывы с мест показывают, что кредитная система приобрела большую гибкость с усилением ее маневренных возможностей и, несмотря на большое сокращение сети и аппарата, в общем, успешно справилась с прогрессивно-возрастающей в своем объеме работой.

Однако изучение работы кредитной системы показало, что в связи с дальнейшими успехами социалистического строительства, укреплением планового начала, а также необходимостью обеспечения рациональной постановки финансирования и расчетно-кассового обслуживания обобщественного сектора предстоит настоятельно необходимым принять дальнейшие шаги в направлении ее рационализации. В особенности это необходимо в области кредитования кооперации и сельского хозяйства, т. к. обслуживание этих секторов народного хозяйства, при проведении кредитной реформы 1927/1928 г., было оставлено без существенных изменений.

В отношении кредитования кооперации и обслуживания ее кооперативными банками надо отметить следующее.

Кредитование кооперации осуществлялось в разной степени почти всеми оставшимися банками, причем доминирующая роль в этом отношении принадлежала Госбанку.

Между тем организация капиталууправления потребкооперации, надлежащая постановка расчетно-кассового обслуживания всех ее звеньев и рационализация всего ее финансового хозяйства, диктовали необходимость сосредоточения всего краткосрочного кредитования потребкооперации и банковского ее обслуживания в одном банке.

Из общей суммы краткосрочной задолженности кооперации кредитным учреждениям, составлявшей на 1/X 1929 г. 838 млн. р., задолженность Всекобанку составляла менее $\frac{1}{4}$ этой суммы, в то время как доля Госбанка выражалась в 58,1%. Если же принять во внимание косвенное кредитование Госбанком потребительской кооперации по учету ее векселей, предъявляемых промышленностью, то удельный вес Госбанка в кредитовании потребительской кооперации достигал 75%, а удельный вес Всекобанка 15%.

Анализ средств Всекобанка показывал, что средства кооперативных организаций (170,8 млн. р.) составляли на 1/X 1929 г. всего лишь половину общей суммы основных его ресурсов (341,0 млн. руб.), причем 65 млн. р., или около 38% этих кооперативных средств, составляли обязательные, установленные в законодательном порядке отчисления от прибылей на долгосрочное кредитование и взносы в фонд запасных капиталов кооперации.

Из приведенных выше данных видно, что сосредоточение кредитования потребкооперации во Всекобанке повлекло бы за собой передачу ему значительных средств, во много раз превышающих его собственные вложения, и осложнило бы систему расчетов между промышленностью и кооперацией ввиду кредитования их в разных банках, тогда как кредитное обслуживание кооперации Госбанком повлечет за собой лишь сравнительно незначительное дополнение к той работе, которая уже осуществлялась им в этой области.

Нельзя было не обратить при этом внимания и на то весьма характерное явление, что во многих пунктах ряд клиентов Всекобанка кредитовался одновременно, и притом нередко в значительно большем размере, и в Госбанке.

Так например из 64 краевых иногородних клиентов Нижегородского филиала Всекобанка только четыре и небольшая группа рабкоопов, с задолженностью около 32 тыс. р., кредитовались исключительно во Всекобанке, все же остальные клиенты кредитовались одновременно и в Госбанке.

Становилось совершенно очевидным, что такое положение—представлялось глубоко ненормальным.

Ясна стала необходимость сосредоточения всего обслуживания кооперации в области краткосрочного кредита в Госбанке. Было признано излишним существование сети Всекобанка как института краткосрочного кредита. Но в то же время признано возможным оставление в центре правления—при более тесной увязке его работы с Госбанком—для обслуживания кооперации долгосрочным кредитом с производством соответствующих операций чрез учреждения Госбанка.

Аналогичным образом представилось необходимым разрешить вопрос и в отношении Украинбанка.

Переходя к вопросу о системе с.-х. кредита, надо помнить, что в связи с особенностями настоящего этапа, она должна являться рычагом планового финансового воздействия на сельское хозяйство в целях его подъема и реконструкции на началах кооперирования и коллективизации бедняцко-средняцких масс крестьянства.

До момента, когда в деревне наметилось массовое движение в пользу коллективизации, главнойшей задачей системы с.-х. кредита являлось, как это было установлено в постановлении ЦК ВКП(б) от 19 августа 1926 г.: „привлечение в с.-х. кредитную кооперацию в первую очередь маломощных и середняцких слоев крестьянства и их обслуживание“, причем практически работа системы с.-х. кредита развивалась, в основном, по линии обслуживания кредитом индивидуального хозяйства.

На этой основе и сложилась система учреждений с.-х. кредита, состоявшая, с одной стороны, из ряда банковских звеньев государственных учреждений и, с другой,—из чисто кооперативных звеньев—низовых с.-х. кредитных товариществ и их союзов.

Основные моменты работы банковских звеньев системы с.-х. кредита могут быть охарактеризованы следующим.

Система с.-х. кредита характеризовалась многозвенностью, сложностью взаимоотношений банковских звеньев между собой и с низовкой и отсутствием тесной связи с органами с.-х. кооперации.

При сравнительной незначительности средств, привлеченных системой, главную массу ее средств составляли средства, предоставленные ей из государственных источников.

Так, на 1 октября 1929 г. по предварительным данным, из общей суммы 1 442 млн. руб. реальных средств банковских звеньев системы (т. е. за вычетом сумм, переданных от звена к звену внутри системы в порядке кредитования нижестоящих звеньев, взаимного участия в капиталах и помещения средств во вклады и на текущие счета) 1 046,5 млн. р., или 72,7%, являлись средствами, отпущенными системе из общесоюзного, республиканских и местных бюджетов и из Госбанка.

При этом из общей суммы затрат по учетно-ссудным операциям на 1 октября 1929 г. ЦСХБанком 561,5 млн. р., или 97,1%, были переданы в нижестоящие звенья и лишь 16,9 млн. р., т. е. 2,9%, использованы на непосредственное кредитование; по республиканским с.-х. банкам—864,7 млн. р., или 89,2%, были переданы вниз и лишь 105,3 млн. р., или 10,8%, размещены по непосредственному кредитованию; по местным с.-х. банкам соответственно—635,2 млн. р. (68,9%) и 287,4 млн. р. (31,1%).

Таким образом, роль банковских звеньев системы в отношении кредитных операций свелась, собственно, лишь к плановому продвижению средств от центра к периферии, и центр тяжести их работы все более и более перемещался на выполнение ими плано-регулирующих, организационных и контрольных функций.

Помимо того, следует отметить, что ЦК ВКП(б) в своей директиве от 27 июня пр. года уже указал на необходимость приспособления организационных форм и методов работы с.-х. кооперации к задачам производственного кооперирования и коллективизации крестьянского хозяйства и максимального вовлечения в кооперативное строительство средств самого крестьянского хозяйства, и одновременно в той же директиве ЦК ставит на очередь как актуальную задачу текущего момента—необходимость соответственной перестройки на началах специализации низовых и союзных звеньев системы с.-х. кредита.

В соответствии с этим работа низового звена системы с.-х. кредитного товарищества была реорганизована на началах полного его освобождения от сбыто-снабженческих операций и сосредоточения всей деятельности на кредитовании главным образом производственных объединений и колхозов; укрупнения района деятельности и воз-

ложения на него рационализации денежного оборота между городом и деревней.

При таких условиях дальнейшее сохранение системы с.-х. кредита в части ее банковских звеньев в существовавшем обособленном виде представлялось нецелесообразным. Вполне определилась необходимость такой ее реорганизации, чтобы вся система с.-х. кредита в целом была бы теснейшим образом увязана с системой с.-х. кооперации, с полным устранением параллелизма в работе обеих систем и с обеспечением надлежащей точности и своевременности выполнения директив центра в сфере кредитной работы.

Поэтому представлялось наиболее правильным, сохранив для данного времени самостоятельный банковский аппарат, передать ЦСХБанк в ведение Всесоюзного центра с.-х. кооперации, с обеспечением влияния НКЗема СССР и союзных республик на дело производственного кредитования сельского хозяйства, республиканские же и областные с.-х. банки преобразовать в филиалы (конторы) союзного банковского центра; что же касается банковских звеньев системы с.-х. кредита ниже областного звена, то в связи с укреплением с.-х. кредитных товариществ и значительным сокращением их численности (с 9,7 тыс. до 3 тыс. единиц) их дальнейшее существование представляется излишним.

В результате проведения реорганизации системы с.-х. кредита, помимо положительных сторон ее преобразования с точки зрения увязки ее с общей работой с.-х. кооперации и НКЗемов и т. п., число ее оперативных банковских единиц должно сократиться с 211 на I/X 1929 г. до 34. Кроме того, должна иметь место большая экономия в расходах на содержание банковского аппарата; так, если за 1927/1928 г. и за 1928/1929 г. эти расходы составляли соответственно 11,1 и 10,8 млн. р., то содержание реорганизованного банковского аппарата системы с.-х. кредита не должно превышать суммы 3 млн. р. в год.

Приведенные выше установки в отношении реорганизации кооперативных банков и системы с.-х. кредита, являющиеся в дальнейшем развитием начал, положенных в основу кредитной реформы 1927/1928 г. и знаменующие собой почти полную концентрацию краткосрочного кредита в Госбанке, нашли свое подтверждение в законе 30 января с. г. о реформе кредита и к настоящему моменту почти полностью проведены в жизнь.

Обращаясь к вопросу о коммунальных банках и о специальных банках долгосрочного кредитования, мы остановимся лишь на наиболее существенных моментах, характеризующих их взаимоотношения с другими кредитными учреждениями.

Работа коммунальных банков, представляющих собой систему самостоятельных банков местного значения, развивалась в двух направлениях:

а) по линии обслуживания целевым краткосрочным и долгосрочным кредитом местного, жилищного, коммунального, культурно-бытового и промышленного строительства и

б) по линии обслуживания краткосрочным коммерческим кредитом различных областей местного хозяйства.

Распределение кредитов коммунальных банков (без Москомбанка, занимающего особое положение в их системе) по основным их видам характеризовалось на I/X 1929 г. следующими основными данными: целевые долгосрочные ссуды составляли 431,1 млн. р., целевые краткосрочные ссуды—69,9 млн. р. и коммерческие кредиты—168,4 млн. р.

Работа коммунальных банков в области коммерческого кредитования местного хозяйства в значительной мере велась параллельно с другими банками, в частности, с кооперативными по линии кредитования кооперации и, в особенности, с Госбанком (удельный вес которого в краткосрочном кредитовании местного хозяйства составляет более 70%), что вызывает отрицательные последствия, аналогичные приведенным в отношении кооперативных банков.

Тенденции коммунальных банков к расширению своих коммерческих операций приводят к обострению борьбы за пассивы с Госбанком, с особой резкостью выражавшейся за последнее время в стремлении коммунальных банков при поддержке финорганов сосредоточить у себя кассовое исполнение местных бюджетов.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в целях внесения большего единства в краткосрочное кредитование местного хозяйства и устранения параллелизма с Госбанком коммунальным банкам надлежит сосредоточить внимание на долгосрочном кредитовании местного коммунального хозяйства и строительства.

Что касается банков, осуществляющих долгосрочное кредитование—Банка долгосрочного кредитования промышленности и электрохозяйства, Центрального банка кредитования коммунального хозяйства и жилищного строительства, отделов долгосрочного кредита кооперативных банков и местных коммунальных банков, то структура их не представляет собою законченной системы, и они являются группой самостоятельных кредитных учреждений, лишенных объединенного руководства и работающих на основе обособленных планов и различными методами.

На периферии органами долгосрочного кредитования, по преимуществу, являются республиканские и местные комбанки, выполняющие функции долгосрочного кредитования промышленности, социально-культурного строительства и в то же время, как отмечалось выше, являющиеся органами краткосрочного кредита, работая в данной области параллельно с сетью учреждений Госбанка. Коммунальные банки с БДК связаны по линии промышленности, стройматериалов и местных электростанций, с Цекомбанком—по линии жилищного строительства.

Таким образом, если в направлении осуществления идеи единого банка к настоящему моменту краткосрочное кредитование почти полностью сосредоточено в Госбанке, то в области долгосрочного кредитования наблюдается отсутствие единства.

В деятельности банков, осуществляющих кредитование, как это было выявлено при изучении работы этих банков, имел место значительный параллелизм.

Так, БДК финансировал жилстроительство новых строящихся заводов (Днепрострой, Магнитострой, Сельмашстрой и т. д.), причем одновременно эти же строительства кредитовались и в Цекомбанке; оба банка финансировали производство стройматериалов и проч.

Параллелизм в кредитовании между БДК, Цекомбанком, местными коммунальными банками и ОДК кооперативных банков можно иллюстрировать следующими примерами:

в области электрохозяйства—БДК кредитовал строительство районных электростанций. Работы по присоединению к этим станциям кредитовались ЦКБ'ом и частично Всекобанком.

Местную промышленность кредитовали на сумму около 50 млн. р.—БДК и на 5 млн. р.—Ц.К.Б.

Потребкооперация развертывает строительство столовых, универмагов, складов и т. д. Кредитование этого строительства проводилось и через ЦКБ и через Всекобанк.

Нельзя также не отметить и того обстоятельства, что со стороны Госбанка надлежащего регулирующего и руководящего воздействия в отношении деятельности банков долгосрочного кредитования не наблюдалось.

Следует принять меры к устранению параллелизма, имеющего место в работе банков долгосрочного кредита, и к установлению большей увязки, как между разными процессами долгосрочного кредитования, так и в работе банков долгосрочного кредита с Госбанком.

Происшедшие в народном хозяйстве Союза ССР грандиозные сдвиги диктовали необходимость, наряду с реорганизацией кредитной системы, стать на путь решительного поворота в сторону приспособления к новым условиям самих методов кредитной работы и связанной с ними системы финансово-расчетных взаимоотношений между хозяйственными организациями.

До последнего времени расчеты, как во внутривидовом и кооперативном обороте, так и между промышленностью, госторговлей и кооперацией производились в преобладающей степени на основе кредитных взаимоотношений, путем выдачи друг другу векселей, которые затем обычно учитывались в банках.

Даже внутри синдикатских систем, где казалось бы в первую очередь должны были бы быть введены наиболее простые, наиболее рациональные способы расчетов между синдикатом и объединяемыми им трестами, также имели место, по преимуществу, вексельные расчеты.

Между тем, анализ кредитных взаимоотношений хозорганизаций и их вексельных операций показывает, что предоставлявшийся ими друг другу товарный кредит осуществлялся почти исключительно за счет средств, полученных от Государственного банка и других кредитных учреждений.

Указанное обстоятельство может быть подтверждено следующими данными: по сводному балансу синдикатской системы кредит, оказывавшийся синдикатами другим органам (дебиторское сальдо), составлял на 1/X 1928 г. 264 млн. р., в то время как краткосрочный банковский кредит, полученный синдикатами, выражался в сумме 572,8 млн. р. Ориентировочные плановые расчеты по синдикатской системе на 1/X 1929 г. соответственно дают суммы — дебиторского сальдо 551,1 млн. р. и краткосрочных банковских кредитов—889,9 млн. р.

По системе текстильной промышленности, более других обеспеченной средствами, чистое кредитование товарооборота на 1/X 1928 г. составляло 175 млн. р. при задолженности по краткосрочным кредитам Госбанку в 305 млн. р.

Такая система кредитных взаимоотношений затемняла пути продвижения кредитных ресурсов и создавала серьезные затруднения для кредитного планирования и для ориентировки в кредитно-расчетных позициях как между отдельными хозорганизациями, так и между хозорганизациями и Госбанком.

Кроме того эта система ослабляла стимулы к мобилизации внутренних ресурсов, крайне осложняла документооборот, а также затрудняла текущий контроль за выполнением оперативных планов.

Если при этом принять во внимание, что в обороте появлялось значительное число встречных, авансовых и даже дружеских векселей, которые также в числе прочих векселей попадали в банк, а

также нередко имело место многократное кредитование одного и того же товара, то станет ясным, насколько такая система взаимоотношений несовместима с твердым проведением планового начала в народном хозяйстве.

Указанные обстоятельства диктовали необходимость радикальной перестройки методов кредитования и системы финансово-расчетных взаимоотношений в направлении полного устранения кредитования хозорганизациями друг друга и косвенного кредитования, с заменой его исключительно прямым банковским кредитованием на основе единого контокоррентного счета и децентрализации кредита.

Все эти моменты нашли отражение в постановлении ЦИК и СНК СССР от 30 января с. г. „о кредитной реформе“.

Это постановление по своему значению несомненно должно быть признано одним из крупнейших финансово-экономических мероприятий, ставящим кредит на новую основу.

Реформа кредита, отменяя коммерческое кредитование хозорганами друг друга и сосредоточивая кредит исключительно в банках, влечет за собою весьма важные в народнохозяйственном отношении основные последствия:

а) благодаря децентрализации кредита и доведению его до низовой хозрасчетной организации, значительно усиливается проведение принципа хозрасчета и создаются основы для проведения жесткой плановой дисциплины, контроля за выполнением хозяйственных и финансовых планов и внесения большей ясности и точности в финансовое планирование;

б) хозяйственные организации, освобождаясь от несвойственных им коммерческо-кредитных функций, смогут в большей мере сосредоточить свое внимание на производственно-оперативной работе; в то же время это облегчит плановую работу, поскольку, в частности, промфинпланы и балансы хозорганизаций будут очищены от прежних сложных и запутанных дебиторских и кредиторских расчетов;

в) Госбанк, сосредоточивая почти все краткосрочное кредитование народного хозяйства, явится вместе с тем расчетным центром всего обобществленного сектора, что упрощает производство расчетов между хозорганизациями и способствует огромному расширению безналичных расчетов со всеми связанными с этим положительными сторонами;

г) замена многообразных и сложных банковских операций перечислениями по контокоррентам создает для банков возможность колоссального упрощения, стандартизации и механизации счетной и другой работы, облегчая подготовку банковского персонала и обслуживание банковского аппарата;

д) для хозорганизаций, помимо аналогичных возможностей, создаются благоприятные условия для значительного сокращения не только кассовых, но и финансово-счетных аппаратов их вследствие возложения соответствующих функций на банки.

Следует однако иметь в виду, что так как реформа кредита представляет собой коренную ломку давно сложившихся и укоренившихся форм кредитно-расчетных взаимоотношений, связанную с пересмотром счетоводства, оперативной техники и проч., то на пути ее проведения в первое время встретится и встречается не мало трудностей.

Подводя краткий итог мероприятиям в области реорганизации кредитной системы и реформы кредита, осуществленным последовательно в 1927/1928 и в 1930 гг., следует признать, что они целиком шли

по пути, отвечавшему установкам, данным В. И. Лениным в его статье „Удержат ли большевики государственную власть“.

„Единый крупнейший из крупнейших Государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике,—это уже десять десятых социалистического аппарата“.

„Это—общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества¹“.

Проведенная реорганизация кредитной системы и реформа кредита представляют собой значительный и серьезнейший шаг в смысле приближения к реальному осуществлению идеи единого крупнейшего государственного банка и к все большему и большему сосредоточению финансово-расчетных операций обобществленного сектора народного хозяйства в едином Государственном банке Союза ССР.

---

¹ Ленин, Соч., т. XVI, ч. 2, с. 231.

ВЛАД. ДОКУКИН

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ САСШ

(К ПРОБЛЕМЕ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТРАНСПОРТА В САСШ)

Американский железнодорожный транспорт играет исключительно важную роль в современном хозяйстве. Колоссальные инвестиции в железнодорожное строительство, цифра которых, по исчислениям Междутатной комиссии достигает 24 млрд. долларов, дали мощный толчок транспортной индустрии и техническому ее прогрессу. Процесс бурной индустриализации САСШ, вовлечение новых районов в интенсивную промышленную жизнь не могли не способствовать развитию транспортной сети и увеличению эффективности ее работы. Настоящий период является кризисным, переломным этапом в развитии американского железнодорожного транспорта. Эра усиленного железнодорожного строительства осталась позади, и экономическая система американского транспортного хозяйства дает опасные трещины под влиянием промышленного кризиса. Наш экономический анализ будет строиться на основе данных о развитии американских железных дорог и их деятельности за последние годы, на статистическом и официальном материале, а также на данных, полученных в результате личного изучения конкретной оперативной деятельности крупнейших железнодорожных магистралей (Нью-Йоркской центральной и Пенсильванской ж. д.) за период пребывания в Америке (1929—1930 гг.).

В САСШ имеется около 1600 отдельных железнодорожных компаний и обществ. Огромное количество этих компаний имеет в своем владении незначительные линии, второстепенного характера подъездные пути к грузовым складам, элеваторам, гаваням и пр. Решающее значение из этих 1600 обществ имеют только 167 железнодорожных компаний, отнесенных к железным дорогам 1-го класса, т. е. имеющим ежегодную прибыль свыше 1 млн. долларов.

С своего основания железные дороги САСШ являются частной собственностью, хотя это утверждение не принимается современными руководителями американского транспорта, заявляющими о государственной природе своих предприятий. Факт акционирования железных дорог в течение последнего десятилетия несколько не изменил существа дела, при котором ограниченная группа лиц, преимущественно банкиров, владеет портфелем акций и фактически управляет дорогой. В 1903 г. со стороны правительства делается неудачная попытка ограничить спекулятивные аппетиты железнодорожных компаний актом об установлении тарифов.

Во время войны американские железные дороги актом президента от 26 декабря 1917 г. были подчинены в своей деятельности правительству, и был назначен главный контролер для выполнения

регулирующих функций. Государство разумеется обеспечивало и выплату дивиденда железнодорожным компаниям. В 1920 г. дороги были снова возвращены компаниям изданием Транспортного акта 25/II 1920 г. Вопросы регулирования тарифов, вопросы оценки капиталов и степени их изнашивания (Valuation and Depreciation) были сосредоточены в особой правительственной комиссии в Вашингтоне (Междуштатной комиссии).

Из наиболее важных актов этой комиссии нужно отметить: 1) установление определенного процента прибыли железнодорожной компании в отношении к вложенному капиталу, 2) оценка основных и оборотных капиталов железных дорог, 3) разработка проекта консолидации американских железных дорог.

I. Американские дороги за последние годы имели дивиденды от 6,81% до 8,47%. Поправочным коэффициентом по мнению комиссии должен быть размер затрат на амортизацию и расширение производства, т. е. капиталовложения.

II. Имеют место бесконечные тяжбы между железнодорожными компаниями и Междуштатной комиссией по вопросу о размерах оценки капиталов транспортных компаний. Три принципа, которые положены в основу оценочной работы, благодаря недостаточной их определенности еще более усложняют дело. Эти принципы таковы: а) рыночная стоимость (market value); б) первоначальная стоимость оборудования (original cost of construction); в) стоимость воспроизводства (cost of reproduction). Нужно сказать, что и сейчас нет окончательной цифры, характеризующей размеры основных фондов железных дорог, несмотря на образцовую американскую статистику. В главе о капитальных вложениях мы дадим весь имеющийся по этому поводу цифровой материал, здесь же укажем лишь на любопытную амплитуду колебания этих исчислений для 1922 г.—от 25 млрд. долл. до 40 млрд. долл. в различных официальных отчетах. American Railway Association и Междуштатной комиссии.

III. Междуштатной комиссией, которая имеет 11 бюро по отдельным отраслям железнодорожного хозяйства (Счетное бюро, Бюро статистики, Бюро оценки капитала, Финансовое бюро, Бюро перевозок и др.) разработан план консолидации железных дорог САСШ еще в 1921 г. Предполагалось, что этот план, автором которого является проф. В. З. Риплей, будет в виде опыта осуществлен на отдельных железнодорожных системах, которых намечалось пять:

1. Pennsylvania System (Пенсильванская система).
2. New-York Central System (Нью-йоркская центральная система).

3. Балтимора—Огайо жел.-дор. система.

4. Озеро Эрио—Вабаш система.

5. Локаванна—Никелевое поле система.

Вся территория САСШ по плану Междуштатной комиссии делилась на 20 железнодорожных районов; имелись планы с большим количеством районов.

Многочисленные планы консолидации отражали борьбу между сильными и слабыми дорогами, предлагая различные масштабы и различный темп осуществления консолидации. Тем не менее все планы подчеркивают три основных предпосылки: 1) сохранение старых размеров деятельности, 2) существующие пути и каналы коммерческих операций не должны перераспределяться, 3) финансовые планы отдель-

ных дорог и финансовая перспектива должны быть сохранены и гарантированы при консолидации.

В. З. Риплей обрушивается с критикой на финансово-коммерческий принцип железнодорожных компаний, при котором никакая консолидация по его мнению не может быть проведена. Принцип экономического районирования в целях рационализации и развития работы транспорта, целесообразного направления экономических ресурсов страны (по мнению авторов проекта консолидации американского транспорта) не нашел сочувствия. К осуществлению этого предварительного пробного плана междуштатная комиссия еще не приступала. Монополия крупнейших железнодорожных компаний остается неизблемой, несмотря на указанные попытки правительства государственного регулирования.

1. ПРОБЛЕМА РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ТРАНСПОРТ

Территориальное размещение железных дорог имеет огромное значение. Раз построенная дорога не может быть перенесена в другое место, хотя экономическая обстановка изменилась настолько, что существование этой линии в старом направлении является нецелесообразным.

В условиях САСШ, где отдельные железные дороги строились без плана частными компаниями, в различных частях страны имеется ряд магистралей, совершенно нерентабельных и неэффективных с экономической точки зрения. Капитал, вложенный в них в свое время, не может быть компенсирован в процессе деятельности таких дорог. Было время, когда Западные железные дороги были совершенно необходимы и они строились собственниками в предвидении высоких доходов. Но послевоенная депрессия в сельском хозяйстве Америки, значение Панамского канала и последний экономический кризис настолько изменили обстановку, сыграли настолько серьезную роль, что совершенно подорвали значение и работу северо-западных линий.

Значение правильного с точки зрения экономического развития страны размещения производительных сил и железнодорожной сети начинает учитываться руководящими капиталистическими организациями и выдвигаться в качестве неотложной проблемы. Так имеется акт о запрещении постройки новых железнодорожных линий, если компанией не возбуждено ходатайство о разрешении работ перед Междуштатной комиссией, органом, который призван заниматься разработкой общеэкономических проблем и „воздействовать“ на капиталистическую стихию.

Железные дороги, проходящие через быстро растущие промышленные штаты, в своем большинстве должны по мнению руководителей являться доходными предприятиями.

Своеобразное положение занимает Юнион Пасифик, которая проходит через пустынные районы, но является как бы мостовой линией для большого количества линий.

Такие факторы как размещение промышленности, сельского хозяйства и природных богатств, несомненно имели решающее влияние на конфигурацию железнодорожной сети в стране. Достаточно взглянуть на экономическую карту САСШ, чтобы уяснить направление основных грузовых потоков между восточными и северными промышленными штатами и южными и западными сельскохозяйственными.

Приводим более подробную картину территориального размещения железных дорог в связи с экономическим характером районов; разработанную нами в разрезе влияния на транспорт размещения промышленности в САСШ (см. с. 79).

Процесс быстрого индустриального развития САСШ повысил требования к наличной железнодорожной сети и усилил ее удельный вес в экономической жизни страны. Картина размещения американской индустрии не может быть сведена к географической специализации районов. Налицо имелся более сложный комплекс факторов, действующий в направлении локализации определенной отрасли индустрии в том или ином пункте. Важнейшие из них: 1) наличие сырья, 2) наличие силовых ресурсов, 3) близость рынка сбыта, 4) транспортные возможности, 5) наличие дешевой рабочей силы, 6) возможность привлечения капитала со стороны, 7) климатические условия.

Относительное значение каждого из этих факторов различно в каждом индивидуальном случае. Например железная и стальная индустрия локализовались, как правило, на месте залежей угля, как например Питсбург.

Текстильная индустрия размещена главным образом в Новой Англии, где имеются хорошие условия снабжения сырьем и капиталом и рабочая сила, при самых благодарных климатических данных.

Пьемонтский индустриальный район в восточной части лежит у самых источников сырых материалов и пользуется дешевой рабочей силой. Материалы о значении отдельных отраслей индустрии в каждом штате чрезвычайно велики и отражены в промышленной статистике САСШ. Мы привели лишь наиболее существенные примеры.

Необходимо подчеркнуть значение процесса постепенного перемещения индустриальных центров. Питсбург как стальной центр за последние 10 лет постепенно теряет свое значение. Ряд авторитетных экономистов и инженеров заявляет, что в ближайшие 15 лет стальная индустрия передвинется в Бирмингам, штат Алабана, где имеются в большом количестве залежи железной руды и угля.

Промышленное развитие, вовлечение в индустриализацию новых районов, увеличение снабжения городов и промышленных центров продовольствием и товарной продукцией, а фабрик и заводов сырьем и топливом развивают грузооборот, повышают нагрузку транспорта и толкают вперед его развитие. Развитие южных районов в промышленном отношении и крупное промышленное строительство в западных штатах увеличили нагрузку и эффективность работы железнодорожной сети. Например перевозка только руды и каменного угля для многих железных дорог представляет важнейшие элементы их деятельности. Процесс перемещения индустрии поставит перед этими дорогами задачу искать новых источников для перевозки, поскольку значительно сократится перевозимая ныне продукция горной промышленности. То же в отношении текстильной промышленности, передвигающейся к югу, к хлопковым районам и железным дорогам этих направлений. Этот процесс обострен в небывалой степени современным промышленным кризисом в САСШ, когда свертывание металлургии поставило ряд железных дорог перед неизбежностью полного краха или перехода под контроль более мощных в финансовом отношении железнодорожных компаний.

Территория	Основное производство	Железные дороги
Новая Англия	Текстильная промышленность и различная индустрия в южной части	Нью-Йорк, Нью-Гэйвен, Мейн Централ Хардфорд, Бангор Арустуж
Долина Гудзона	Промышл. различн. отраслей	Нью-Йоркская центральная ж. д.
Береговая восточная равнина (Атлантик)	Сельское хозяйство и деревообделочная промышленность	Атлантическая береговая магистраль
Пьедмонт	Текстильная и стальная промышленность. Угольн. шахты. Хлопок в южной части	Южные железные дороги
Оллхени плато и Опалаханская возвышенность	Шахты (уголь) и промышленность	Пенсильванская ж. д. Балтимор—Огайо, Эрио ж. д., Анрацит Рэйлвей, Чизпик—Огайо, Норфолк—западный.
Долина Огайо	Промышленность различная	Пенсильванская ж. д., Балтимор—Огайо железная дорога
Хлопковый пояс	Хлопковые плантации	Южная железная дор., Иллинойс Централ, Сен.-Луи, Сан-Франциско, Миссури-Тихоокеанская, Миссури-Канзас Техас; Сен-Луи, Югозападная линия
Салон Великих	Рудники и шахты. Молочное хозяйство. Сельское хозяйство	Мичиган Централ, Пири Мачкет, Чикаго—Сев.-запад.—Великая-северная, Северная—Тихоокеанская.
Зерновой пояс (центральной часть)	Сельское хозяйство, животные продукты	Вабац, Чикаго — Бирлингтон, Квинси, Чикаго—Алтон, Чикаго—Восточный Иллинойс, Чикаго—Великая-западная, Чикаго—Рок-Айлэнд—Тихоокеанск., Амчизон-Топека—Санта-фэ.
Великая северная долина (пшеничный пояс)	Сельское хозяйство и копи	Великая - северная — Северная-тихоокеанская, Чикаго—Мильвоки, Сан-Пауль.
Юго-западная равнина	Животные продукты, сельск. хозяйство, копи	Северная-Тихоокеанская, Чикаго-Рок-Айлэнд, Тихий-океан—Амчизон-Топека, Сан-Фэ.
Рокки Маунтань и Колумбия	К о п и.	Соединенная Тихоокеанская. Денвер-Рио—Гранде, Западно-Тихоокеанская.
Береговая западная долина (Тихоокеанская)	Сельское хозяйство, лесная и деревообделоч. промышленность	Южная Тихоокеанская. Амчизон. Топека. Соединенная Тихоокеанская. Северная Тихоокеанская. Великая Северная Чикаго — Мильвоке, Сан-Пауль Зап. Тихоокеанская.

В сельском хозяйстве Америки также происходят интересные изменения, как например усиление пшеничных культур на севере и северо-востоке и специализации районов, требующих изменения направления грузовых потоков. В сельскохозяйственные штаты ввозится не только промышленная продукция, но и сельскохозяйственная продукция других штатов. Так, например фермеры южных штатов покупают скот и зерно с севера. Это увеличивает железнодорожные перевозки, так же как и специализация городских и промышленных центров.

Быстрое развитие новых сельскохозяйственных районов, как например береговой полосы между Флоридой и Виргинией, увеличивает нагрузку таких дорог, как Морская береговая магистраль и Атлантическая жел. дор. Рост населения и размещение его по различным районам следует также учитывать при экономической характеристике размещения железнодорожного транспорта САСШ.

Население САСШ с 1900 по 1928 год увеличивалось в среднем в год на 1,7%, размер же перевозок в тонно-милях на железных дорогах увеличивался в среднем на 4,6% в год. По районам наблюдаются самые разнообразные перемещения и изменения в величине населения. На северо-западе с 1900 до 1920 г. население выросло на 24% и на 16,5% в следующие десять лет. В штатах Новой Англии за тот же период—на 17% и на 13%. Железные дороги в этих районах с 1912 г. испытывают устойчивую депрессию до 1924 г. В общем увеличению населения с 75 млн. человек до 120 млн. за период 1900—1928 гг. корреспондировало увеличение перевозок в тонно-милях с 130 млрд. до 400 млрд.

Конечно рост и порайонные изменения в величине населения не являются решающим фактором без учета характера промышленного развития и размещения производительных сил в стране. Тем не менее развитие деятельности железных дорог по некоторым районам объясняется в значительной степени ростом населения (напр. железные дороги в южных штатах, Калифорнии, Флориде, Восточная береговая ж. д.).

II. КОНКУРЕНЦИЯ ВНУТРИ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СЕТИ И БЕСПЛААНОВОСТЬ ЕЕ РАЗМЕЩЕНИЯ

Часто можно слышать от руководителей американских железных дорог о том, что между американскими железными дорогами нет острой конкуренции в ее специальной форме („хватка за горло“). Тем не менее, изучая порайонный разрез размещения американской железнодорожной сети, неизменно встречаешься с фактами обостренной конкурентной борьбы. Тяжелое финансовое положение железной дороги Chicago—Milwaukee St. Paul объясняется существованием параллельных линий в тысячи миль, пересекающих Рокки Маунтань и готовых обслуживать эту территорию по более низким тарифам.

На Северо-западе и Юго-западе с их сравнительно более поздним железнодорожным строительством конкуренция слабее, чем на Востоке. Индустриальное развитие восточных штатов, начавшееся ранее всех остальных районов, сопровождалось крупнейшим железнодорожным строительством. Этот район пересекает четыре крупнейших железнодорожных магистрали: 1) Пенсильванская, 2) Нью-Йорк-

ская центральная 3) Балтимора—Огайо, 4) Озеро Эри и большое количество мелких линий местного значения. Мистер Лорт, президент Гудзон-Делаварской жел. дороги предлагал образовать из них пятую линию из Истена через Пенсильванию, река Делавар до Питсбурга протяжением в 420 миль. Предложение это было провалено, так как между указанными дорогами царит сильная конкуренция, и каждая из этих дорог считает себя недостаточно нагруженной, что действительно есть на самом деле. Объяснить это явление наличием частной собственности на транспорт и капиталистическим характером самой системы хозяйства не рискует ни один даже наиболее либеральный экономист из Междущтатной комиссии из-за боязни потерять место. А эта причина ясно выпирает наружу во всех вопросах.

Конкуренция между отдельными железными дорогами и целыми районами находит свое отражение в использовании понижения тарифов, как средства борьбы. Понижение идет до тех границ, при которых конкурент работать не может и выбывает как соперничающая сторона, после чего тарифы опять повышаются. Тенденция к понижению тарифов в целях конкуренции имеет место в районах страны, где находятся самые сильные железнодорожные магистрали, связанные с крупными банковскими организациями и борющиеся за каждый источник грузооборота. Железнодорожные компании не останавливаются перед постройкой новых более коротких линий, если это в дальнейшем обещает победу в конкурентной борьбе. St. Paul железная дорога была построена для конкуренции с Great Northern и Northern Pacific. Снижение тарифов является распространенным методом конкурентной борьбы. Междущтатная комиссия сочла необходимым, учитывая ряд банкротств отдельных слабых в финансовом отношении железнодорожных компаний установить минимальные и максимальные тарифные ставки и официально прекратить *rate cutting campaigns* (кампании срезывания тарифов), когда она становится угрожающей для благосостояния одной из конкурирующих дорог. Конечно это мероприятие остается несостоятельным методом борьбы с конкуренцией между железными дорогами.

Имеются факты объединения промышленных компаний с железнодорожными в целях конкуренции по этим двум направлениям. Самый поразительный пример этого дает конкуренция так называемых великих угольных полей восточной Пенсильвании и южного Огайо, Индианы и Иллинойса. Южные дороги, обслуживающие угольные районы Зап. Виргинии и Кентукки, специально построенные для угольных перевозок и имеющие низкий уровень заработной платы, снизили тарифы до 20 центов за тонну-милю. Это снижение проводилось совместно с угольными промышленными компаниями и послужило в свою очередь толчком для значительного подъема и развития этой области промышленности. В результате низких тарифов угольные операции северного поля были настолько дезорганизованы, что железные дороги, обслуживающие северные районы, для спасения своих угольных перевозок снизили свои тарифы тоже до 20 центов за тонну-милю. В ответ на это южные дороги в порядке установления дифференциальных тарифов пытались снизить ставку, но Междущтатная комиссия отказалась разрешить это снижение для южных полей и этим временно задержала борьбу между южными и северными дорогами. Контроль за постройкой новых линий и регулирование тарифов, два метода, применяемые Между-

штатной комиссией в САСШ в целях смягчения конкурентной борьбы на транспорте, показали свою полную несостоятельность в условиях капиталистической системы хозяйства.

Новое железнодорожное строительство остановилось в САСШ в 1916 г. Железнодорожная сеть в САСШ в ее эксплуатационных показателях уменьшилась за период 1916—1928 гг. с 254 251 миль до 249 398 миль. Этот факт иллюстрирует то положение, что эра железнодорожного строительства в САСШ закончена. В будущем речь может идти лишь об улучшении железнодорожных конструкций и новых методах эксплуатации, но не о постройке новых железнодорожных линий.

III. КОНКУРЕНЦИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО, ВОДНОГО И БЕЗРЕЛЬСОВОГО ТРАНСПОРТА

Хорошо развитая в САСШ система внутренних водных путей естественно является серьезным конкурентом железнодорожного транспорта. По озерам, каналам и крупным рекам перевозится значительное количество грузов между важнейшими промышленными центрами. Водные пути имеют перед железными дорогами преимущества следующего характера:

1. Водные пути (за исключением каналов) требуют гораздо меньших вложений капитала по сравнению с постройкой и оборудованием железных дорог.

2. Стоимость содержания и обслуживания водной магистрали также гораздо дешевле, чем железной дороги.

3. Объем перевозимых грузов может быстро возрастать без особого скопления и задержек.

4. В силу указанных преимуществ тарифы на водных путях могут быть относительно ниже.

Главнейшие недостатки водных путей по сравнению с железнодорожными заключаются:

1. В относительной медленности движения груза.

2. Большинство рек и каналов имеют маловместительные суда, удорожающие стоимость операций.

3. В северной части страны водные пути не работают зимой, что ограничивает операционный сезон несколькими месяцами в году, тогда как железные дороги работают круглый год.

4. Водные пути проходят по определенной территории, они неподвижны в смысле переброски их в другом направлении. Железнодорожные ветви могут строиться и достигать важнейших точек и источников перевозок.

Вышеперечисленные недостатки настолько велики, что большинство существующих в САСШ водных путей не в состоянии успешно конкурировать с железными дорогами. Только там, где имеются специфические преимущества, как например на водной магистрали Великих озер, перевозящей массовые грузы (руда, уголь, хлеб) в летний сезон, водные перевозки превышают железнодорожные. Но и здесь имеются такие недостатки, как сравнительная дороговизна себестоимости перевозки. Например Barge Canal в штате Нью-Йорк, на постройку и оборудование которого затрачено свыше 250 млн. долларов, перевозит всего не более 4 млн. тонн в год. Естественно, что железные дороги легко обгоняют эти размеры в своей работе в этих районах.

Распространенное мнение о более низких тарифах перевозки на водных путях не совсем отвечает действительности. Сравнение операционной деятельности Barge Canal и Mississippi River с деятельностью проходящих параллельно железных дорог показывает, что кроме регулярности и быстроты движения железные дороги понизили свою операционную себестоимость перевозки до уровня водного тарифа в наиболее эффективный сезон. Департамент торговли и транспорта в Нью-Йорке, организация, имеющая представительство железных дорог и пароходства, установила, что в основных группах перевозимой продукции Нью-Йоркская центральная железная дорога, проходящая параллельно Barge Canal, имеет тарифы на $\frac{1}{3}$ дешевле водных и что это нужно рассматривать как результат конкуренции с водными путями.

Панамский канал с прохождением через него свыше 10 млн. тонн груза имеет специфические преимущества как рукав для трансконтинентального грузооборота промышленных товаров и нефти (Калифорния, Мексика).

Гораздо острее стоит вопрос о конкуренции с железными дорогами безрельсового транспорта, автомобильного и автобусного движения. Там, где между отдельными населенными пунктами имеются сравнительно короткие дистанции, население пользуется автотранспортом, который количественно вырастает в крупные объединения, конкурирующие с железными дорогами.

Прекрасно развитая система дорог, специальный характер многих американских городов, связанных между собой промышленными и банковскими операциями, как например в штатах Массачусетс, Коннектикут, Светлый остров, Новая Англия, недорогие тарифы автобусных компаний делают положение железных дорог в этих пунктах неблагоприятным в смысле конкуренции. На коротких расстояниях автотранспорт дает лучшие показатели: сравнение размеров и стоимости перевозки на автотранспорте и железных дорогах показывает, что на расстоянии до 40 миль преобладают автоперевозки, свыше 40 миль—подавляющая масса груза и пассажиров транспортируется железными дорогами.

Нижеследующая таблица, составленная по данным самих железнодорожных компаний, ярко показывает распределение автотранспорта на части, конкурирующие и работающие совместно с железными дорогами (см. с. 84).

Картина получается совершенно ясная. Автотранспортная сеть САСШ представляет для железных дорог опасного конкурента. Согласно данным комиссии торговли и морского судоходства при американской банковской ассоциации железные дороги потеряли благодаря конкуренции автотранспорта 8 млрд. тонно-миль перевозки, или 2,1% от всего количества перевозок, выполненных железными дорогами. Анализ, даваемый докладом комиссии, сводится к тому, что, во-первых, сами железные дороги начинают использовать на короткие расстояния свой автотранспорт, во-вторых, перевозка пассажиров и грузов на автомобилях производится на дистанции от 30 до 50 миль.

Подводя итоги в отношении конкуренции с железными дорогами водного и автомобильного транспорта, следует констатировать, что железные дороги занимают и будут занимать еще ряд лет реша-

Р а й о н ы	Оперируют согласованно с жел. дорогами		Конкурируют с желез- ными дорогами	
	Колич. авто- маршрутов	Протяжение в милях	Колич. авто- маршрутов	Протяжение в милях
Новая Англия . . .	1	6	3 392	84 346
Великие Озера . . .	97	1 291	7 220	101 963
Центр. Восток . . .	58	1 322	12 614	112 373
Покахонтас	67	1 336	260	3 951
Южный	—	—	2 250	46 978
Северо-западный . .	—	—	3 981	63 569
Центрально-западный.	2	271	10 380	126 534
Юго-западный . . .	—	—	3 110	67 315
Итого . . .	225	4 226	43 207	607 029

ящее и основное место в американском транспорте. Достаточно привести следующие данные. В 1928 г. было перевезено:

	В тыс. тонно-миль	%
Железные дороги	4 17 500	90,5
Внутренние водные пути	28 500	5,8
Безрельсовый транспорт (автомоб.) .	18 400	3,7
	494 400	100,0

В том же году автотранспортом перевезено пассажиров на 3,6 млрд. пассажира-миль против 36,8 млрд., выполненных железными дорогами. Железные дороги в этой области выполняют 80% перевозок.

В отношении отдельных железных дорог указанные пропорции меняются в зависимости от количества промышленных и населенных пунктов, которые дорога пересекает. Так, например, железная дорога Эри находится в неблагоприятных условиях, ибо она минует важнейшие города от Нью-Йорка до Чикаго, тогда как Пенсильвания и Нью-йоркская центральная проходят почти через все сколько-нибудь значительные пункты.

В интересах роста перевозок железная дорога должна достигать важнейших центров своей главной линией, а не веткой. В САСШ мы имеем такую картину, когда важнейшие железные дороги не проходят главной линией через крупные города: напр. Нью-йоркская центральная железная дорога достигает города Буффало веткой, Питсбурга—выше озера Эри. Такие дороги, как Пенсильвания и Балтимор—Огайо, идущие через Питсбург главными линиями, выигрывают в перевозках из этого стального центра Америки. Для пассажиров важно более короткое расстояние, поэтому дороги, как например Чикаго—Алторис—Сен-Луи—Чикаго, идущие по прямой, более нагружены, чем другие линии.

Чрезвычайно существенно указать на колоссальный рост расходов, связанный с постройкой конечных станций на главнейших железных дорогах. Проблема „Терминалс“, т. е. узловых и конечных станций, стоит очень остро перед американским железнодорожным транспортом, и в литературе указывается на непропорционально большую стоимость конечных станций. Так Нью-йоркская центральная ж. д. затратила около 100 млн. долл. на улучшение и оборудование большой центральной станции в Нью-Йорк Сити (Great Central Terminal). Это колоссальное сооружение по последнему слову техники заслуживает специального описания специалиста—инженера.

Пенсильванская железная дорога, имеющая такой же, как и Грэнд Централ, вокзал в Нью-Йорке, стоит теперь перед вопросом реконструкции вокзала в Нью Гейвен, где создается чрезвычайно трудная обстановка с выполнением наличной нагрузки. К этому нужно прибавить расходы с электрификацией линий, проходящих в пределах городской черты. Иллинойс Централ израсходовал 100 млн. долл. на улучшение и электрификацию станций в Чикаго, Балтимор—Огайо—на расширение станции в Нью-Джерси, Нью-Йорк Централ—на электрификацию и реконструкцию подземных линий в западной стороне Манхатан.

Эти инвестиции повышают себестоимость перевозки, удорожают тарифы, осложняют конкурентную борьбу, и поэтому вопрос о сокращении указанного характера капиталовложений поднят американскими дорогами. Кризис заставил сократить эти вложения в первую голову.

Железные дороги развивают свой автотранспорт, который доставляет пассажиров и груз из разных пунктов за пределы городских районов на соответствующую железнодорожную станцию для посадки и погрузки. Опыт, который в этом отношении имеется, а именно автомобильная доставка пассажиров и груза в Нью-Джерси Балтимор—Огайо железной дороги и Пенсильванской железной дороги, говорит за то, что этот путь сможет избавить железные дороги от крупных капитальных вложений в расширение или постройку терминалов и крупных вокзалов в узлах.

IV. ВЛИЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЦИКЛОВ И СЕЗОННЫХ КОЛЕБАНИЙ НА ГРУЗОБОРОТ

Периодические кризисные явления и колебания промышленной конъюнктуры естественно находят свое отражение и на состоянии и деятельности железных дорог. Периодические фазы подъема и депрессии влияют на величину перевозок, на размеры грузооборота, а тем самым и на деятельность железных дорог. 75% всех перевозок американских железных дорог—товарные перевозки и менее 20%—пассажирские. Пассажирское движение связано с относительно большими расходами, и в последний год оно дало только 10% от общего оперативного дохода железных дорог. Поэтому на большинстве железных дорог САСШ, исключая специально пассажирские дороги, как Нью-Йорк—Нью-Гейвен, Гардфорд и Лонг Айленд, товарные перевозки являются важнейшим источником дохода.

Лучшим измерителем работы, проделанной железнодорожным транспортом, является итог перевозок в тонно-милях. В течение десятилетия 1917—1928 гг. перевозки в тонно-милях (одна тонна, перевезен-

ная на расстояние одной мили) возросли с 310 млрд. тонно-милей до 487 млрд.

Годы пониженной конъюнктуры соответственно отражались на валовой ценности перевозок. 1919 и 1920 гг. характеризуются высоким уровнем перевозок, 1921 г. дает резкое снижение, продолжающееся и в 1922 г. С 1923 г. начинается постепенный подъем, 1926 г. дает превышение над 1920 г., после чего кривая опять идет вниз. К этому нужно добавить еще влияние сезонных колебаний, в результате которых месячная нетто перевозки, в ноябре—октябре каждого года доходящая до 40—50 млрд. тонно-милей, к январю падала до 25 млрд. Такая картина периодически повторяется каждый год. Дороги пытаются заполнять провалы в перевозках в период ослабления перевозок сельскохозяйственной продукции перевозками промышленной продукции, все же колебания носят значительный размер. Если взять период с 1919 по 1928 г. включительно, считая перевозку в $\frac{1}{12}$ каждого года за 100%, то фактическое среднее распределение перевозок по месяцам будет такое:

Месяцы	% к $\frac{1}{12}$ счета в тонно-миллях
Январь	96
Февраль	88
Март	97
Апрель	90
Май	100
Июнь	97
Июль	101
Август	107
Сентябрь	109
Октябрь	116
Ноябрь	102
Декабрь	94
<hr/>	
В среднем	100

Агрикультурный грузооборот является главнейшим источником сезонных колебаний, но и промышленность предъявляет свою продукцию к перевозке так же неравномерно. Американская железнодорожная ассоциация в последние годы внимательно изучает вопрос о причинах сезонных колебаний и тех мероприятиях, которые могли бы повысить эффективность работы железных дорог в застойные месяцы.

Попытка планового вмешательства в эту область предпринята в виде организации „Advisory Boards“, т. е. совещательных служб, своеобразных комитетов по перевозкам, включающих в себя представителей от промышленных и торговых организаций; в 1928 г. в 14 таких районных Эдвайзори Боардс участвовало до 15 тыс. представителей различных промышленных и торговых компаний.

Из годовых отчетов этих комитетов видно, что необходимой пропорции в предъявлении перевозок со стороны промышленности и сельского хозяйства во всех районах не достигнуто.

У. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО КАПИТАЛА

Выше мы касались вопроса о степени нагрузки наличной железнодорожной сети в САСШ и о тех неизбежных „издержках“, которые вытекают из природы самой капиталистической системы. Здесь мы остановимся на важнейших показателях использования железнодорожного капитала.

Американцы всегда начинают свой анализ с характеристики средней нагрузки поезда и вагона и их пробегов. Мы будем держаться такого же плана. Из факторов, влияющих на эффективность работы железных дорог, они исключают такой решающий фактор, как капиталистический характер самой системы производства. Когда транспорт находится в собственности определенного количества частных компаний—собственников, имеющих целью не рационализацию работы и интересы хозяйства в целом, а погоню за максимальной прибылью, такое положение определяет проблему эффективности, а не только те четыре фактора, какие обычно фигурируют в отчетах:

1. Физическое и техническое качество дороги.
2. Характер перевозок и грузов.
3. Количество ответвлений.
4. Политика администрирования и управления лишь модифицирует те или иные показатели эффективности работы, не меняя основных недостатков, вытекающих из природы первого фактора.

Мероприятия, проводимые железными дорогами в области технических улучшений, не дают удовлетворительного роста показателей эффективности деятельности транспорта, несмотря на значительный размер вкладываемых сумм. Средняя нагрузка поезда за 10 лет дает увеличение на 7,0%. Эта цифра не характерна для большинства дорог, и можно наблюдать, что слабые дороги, как например Денвер—Рио Гранде, не могут достичь этой средней цифры, тогда как наиболее сильные в финансовом отношении дороги достигают значительного эффекта.

Применение локомотивов большей мощности и электровозов позволяет крупным дорогам улучшить оперативную деятельность в значительно большем масштабе, чем мелким.

Такое положение, когда дорога имеет преобладающий процент перевозок в виде груза определенного типа, влияет на среднюю нагрузку поезда и вагона.

Средняя цифра нагрузки вагона выражается от 8,30 тонн на вагон до 54,62 тонн на вагон (железная руда). Типичные средние таковы:

Груз	Средняя нагрузка (в тоннах)
Пшеница	41,53
Цемент	37,93
Керосин и нефть	35,41
Кокс	34,35
Овощи и фрукты	16,10
Текстиль	11,68

Уголь в смысле большей нагрузки поезда имеет то преимущество, что он дает равномерную нагрузку из одного пункта, тогда как сельскохозяйственная продукция требует подачи вагонов в разные пункты. К этому нужно добавить известный процент потери эффективности при следовании порожняка в обратном направлении на тех дорогах, где имеется ярко выраженный поток грузов в одном направлении. На отдельных дорогах, где имеется благоприятная обстановка и одна служит передаточным мостом для другой, этот процент снижается (цифры мы приводим выше), например Юнион Пасифик от Омаха до Огдена или Долина Лихай от г. Буффало до Нью-Йорка.

Для того чтобы составить себе представление о размерах и характере использования имеющейся в САСШ железнодорожной сети,

стоит обратиться к следующим двум важнейшим цифрам: для страны в целом 50% всего ее грузового тоннажа принадлежит только 10% общего протяжения железных дорог в милях. Эти 10% включают в себя несколько крупнейших линий, побеждающих в конкурентной борьбе своих соперников. Эти данные бросают также яркий свет на причину неиспользования имеющегося железнодорожного капитала, кроющуюся в характере капиталистической системы производства. Это в известной степени объясняет причину остановки нового железнодорожного строительства в САСШ. 50% грузооборота на 10% сети! Вот яркое выражение анархии капиталистического хозяйства на примере транспорта!

Использование грузоподъемности вагона далеко не достигает средних лимитов: если средняя величина грузоподъемной силы вагона была в 1928 г. 45 тонн, то средняя нагрузка товарного вагона едва достигала 24,95 тонн. Такой серьезный разрыв заставил Американскую ассоциацию железных дорог предложить в новой программе увеличение средней погрузки вагона до 30 тонн, как среднюю стандарта. Несмотря на растущий размер перевозок, объясняемый ростом индустриализации страны и развитием сельского хозяйства, средние показатели эффективности работы, эксплуатационные измерители, не растут в достаточном темпе.

Таким образом факторы, определяющие среднюю нагрузку поезда, можно расположить так:

Средняя нагрузка поезда	Средняя нагрузка вагона,	1. Частная собственность на средства транспорта, конкуренция, внутренние пороки самой системы.
	умноженная на среднее количество вагонов	2. Характер и строение перевозок, зависящие от процесса экономического развития страны и особенностей этого процесса.
		3. Физическая и техническая характеристика дороги. Качество движущей силы, величина вагонов, профиль и т. д.
		4. Политика и система управления железными дорогами.

Средняя погрузка поезда на американских железных дорогах за последние 10 лет увеличилась с 400 тонн до 660 тонн. Мы не будем перечислять подробно величину средней нагрузки поезда по каждой железной дороге. Скажем лишь, что на восточных дорогах в промышленных районах (Пенсильвания, Нью-йоркская центральная), имеющих дело с тяжелым траффиком, этот средний показатель выше южных и западных дорог, где сельскохозяйственные продукты составляют важнейшую часть перевозок.

Средняя нагрузка поезда есть фактор, определяющий себестоимость тонно-мили, а также значит определяющий и доход транспортной промышленности. Эффективность работы железных дорог может быть определена по средней нагрузке поезда, учитывая конечно при этом и другие элементы, влияющие на этот показатель.

Другим фактором является скорость движения поезда—количество поездо-миль в час. Повышение средней нагрузки поезда часто снижает его среднюю скорость, и таким образом эффект сводится на-нет. Средняя скорость движения поезда зависит от следующих факторов:

1. Особенности профиля железной дороги и характер самого пути (главный, ветка, маневровый и рабочие пути).

2. Количество и характер станций, через какие поезд должен проходить.

3. Плотность и протяжение перевозок.

VI. ПРОБЛЕМА ТРАНСПОРТНЫХ ПОТЕРЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОПЕРАЦИЙ

Сравнение дорог по средней скорости поезда очень затруднительно, так как нужно учитывать индивидуальные особенности каждой дороги. Среднее количество поездо-миль в час равнялось 11,9 с колебаниями по отдельным дорогам от 10 миль (Балтимор—Огайо) до 16 миль (Соединенная Тихоокеанская).

Северо-западные линии с низким показателем перевозят железо, уголь и руду; высокий показатель Юнион Пасифик объясняется превосходным профилем и мощными паровыми парками.

Среднее количество вагоно-миль в день равнялось 30,4 мили, превышая на 0,4 мили норму, установленную Американской железнодорожной ассоциацией. Колебания по отдельным железным дорогам от 14,1 мили до 61,5 мили в день.

Интересным и важным вопросом является вопрос о потерях, связанных с наличием весотеряющих грузов, пробегами порожних вагонов и локомотивов. Распространено мнение, что САСШ характеризуются благоприятным территориальным размещением производительных сил и в соответствии с ними транспортной индустрии. Выше мы показали, как размещена железнодорожная сеть в САСШ, указали на тот факт, что частная собственность на железных дорогах препятствует рациональному и плановому размещению транспортной сети по территории страны. Отсюда, несмотря на огромное протяжение сети, использование лишь незначительного ее процента с должной эффективностью (50% перевозок на 10% сети), остановка железнодорожного строительства и актуальная проблема борьбы с потерями движения.

Тогда, когда локомотив везет нагруженные вагоны, это есть доходная сторона железнодорожных операций. Пустые вагоны или движение одного локомотива без нагрузки представляет чистую потерю движения. На большинстве дорог процент пробега порожняка достигает значительных размеров, он еще больше на дорогах с одной колеей. Дороги, имеющие большую часть угольных и рудных перевозок, вынуждены гнать вагоны и локомотивы в обратный конец большей частью без нагрузки.

Междуштатная комиссия, рассматривающая специально вопрос о потерях движения в связи с весотеряющими грузами, установила, что отношение пробега порожняка к пробегу нагруженных вагонов возрастает из года в год за последние 5 лет; вместе с ростом общего количества вагоно-миль грузенного пробега растет пропорция пробега порожняка и грузенных вагонов. В 1928 г. из всего общего пробега вагонов в вагоно-милях грузенных вагоно-миль было только 60%; остальные 40% относятся к бесполезным пробегам порожняка. Каковы же причины столь высокого процента пустых пробегов? Официальное объяснение, которое было дано автору этой статьи из нескольких источников, сводится к следующим пунктам:

1. Желание большинства дорог ускорить операции по перевозкам предъявляемого груза часто заставляет гнать определенное ко-

личество порожняка к тем пунктам, где имеется в нем нужда, в частности гнать обратно к угольным шахтам и рудным месторождениям. Не разрешается держать порожняк на конечных станциях, когда в нем есть потребность на линии.

2. Спецификация груза и снабжения, требующая определенного типа подвижного состава.

Проблема весотеряющих грузов стоит перед железными дорогами вплотную. Она не может быть разрешена лишь транспортными мероприятиями, технико-эксплуатационными улучшениями и рационализацией управления. Те сдвиги, которые происходят в последний период в области перемещения производительных сил страны, индустрии и сельского хозяйства, могут коренным образом изменить обстановку. Такие факты, как передвижение центров металлургии к угольным и рудным районам, текстильной промышленности к хлопковым, тенденция передвижения интенсивного сельского хозяйства в северо-восточную зону, несомненно усложнят транспортную конфигурацию, из которой американский транспорт при господстве частнокапиталистической системы производства будет выходить с колоссальными потерями.

Перед железными дорогами, которые сейчас обеспечены массовыми перевозками определенного типа груза (уголь, хлеб, руда), в самом ближайшем будущем встанут проблемы изыскания новых источников трафика. Эти вопросы выдвигаются самой современной жизнью и не могут быть разрешены в рамках существующей системы отношений производства, ибо требуют кардинальных плановых мероприятий, невозможных при господстве частной собственности на транспорте. Вот почему железнодорожная система САСШ бьется с 1921 г. над проблемой консолидации железных дорог, думая найти в этом „выход“.

Только две дороги занимают более или менее удовлетворительное положение с точки зрения весотеряющих грузов—Нью-йоркская центральная и Пенсильванская. Будучи связаны с Великими Озерами, где они берут руду и уголь для районов металлургической промышленности, они одновременно имеют возможность перевозить продукцию металлургии на сельскохозяйственный запад. Но и на них зимние месяцы характеризуются общим ухудшением качественных показателей.

Бесполезные пробеги локомотивов без груженного состава, специально на конечных и сортировочных станциях, огромная маневровая работа увеличивают потерю эффективности движения. По данным Американской железнодорожной ассоциации каждый локомотив двигается в среднем 26 миль без состава на каждые 100 миль движения поезда.

В области использования труда имеется сравнительно быстрый рост производительности рабочих, сопровождаемый сокращением кадра рабочих и служащих и уменьшением общих размеров фонда заработной платы. О последнем мы говорили выше и приводили соответствующие цифры. Пенсильванская железная дорога за последние три года сократила количество рабочих и служащих с 275 тыс. до 200 тыс. чел. Такая же картина наблюдается и на Нью-йоркской центральной железной дороге.

Междуштатная комиссия публикует цифры, характеризующие нагрузку на 1 служащего транспортной работы в вагоно-ми-

лях. С 1921 г. по 1928 г. эта нагрузка увеличилась с 11 вагоно-миль до 16 вагоно-миль в среднем.

По отдельным дорогам этот показатель варьируется:

Железные дороги	Транспортн. работа в вагоно-милях на 1 служ.
Erie (Оз. Эрио)	26,9
Missouri—Texas (Миссури—Техас)	22,5
Great Northern (Великая северная)	22,5
Missouri Pacific (Миссури—Тихоокеанская)	20,9
Northern Pacific (Северная—Тихоокеанская)	20,8
Chicago—Rock Island Pacific (Чикаго—Скал. остр.)	20,4
Baltimore Ohio (Балтимора—Огайо)	18,4
St. Louis—San-Francisco (Сен-Луи—Сан-Франциско)	17,6
New York Central (Нью-йоркская центральная)	17,5
Atlantic Coast Line (Атлантическая береговая)	17,2
Florida East Coast Береговая Восточн. Флориды)	14,9

Средняя заработная плата так же различна по районам: на восточных дорогах она выше, на западных и южных—ниже.

Несмотря на явную недостаточность важнейших показателей в работе американских железных дорог, железнодорожная и правительственная пресса САСШ пытается подчеркнуть наличие качественных достижений. На это указывается в отчетах всех железнодорожных компаний. Нынешний президент Гувер в своем отчете в качестве Secretary of Commerce (министра торговли) констатирует, что нагрузка железнодорожного транспорта увеличилась от 30 до 40% со времени войны и американские железные дороги достигли снижения себестоимости перевоза, чем способствовали установлению „нормальной“ конъюнктуры в области промышленности. Это заявление было сделано Гувером до кризиса.

Улучшение обслуживания транспортом страны выразилось по мнению Междуштатной комиссии в увеличении скорости движения, полном удовлетворении заявок грузоотправителей на вагоны, повышении средней нагрузки поездов. В этом наряду с факторами чисто экономического порядка, как увеличение инвестиций и технический прогресс, по мнению американских руководителей транспорта, не меньшую роль играли такие факторы, как более энергичное управление и контроль и лучшее выполнение заданий служащими на местах.

Организация такого учреждения, как Районные совещательные комиссии (Regional Advisory Board) в 1923 г., ведающего установлением размера и характера перевозок и представляющего согласительную инстанцию железнодорожных комиссий и грузоотправителей, играла по заключению Междуштатной комиссии огромную роль в деле упорядочения перевозок и более рационального пользования подвижным составом. Этот институт, представляющий собою что-то аналогичное нашим комитетам по перевозкам, призван увязывать частные интересы промышленников с общими проблемами увеличения эффективности работы транспорта, способствовать установлению взаимной согласованности и понимания между транспортом и теми, кто им пользуется. Напр. разрешение такой существенной проблемы, как лучшая утилизация товарных вагонов, по утверждению Американской ассоциации железных дорог, зависело от Regional Advisory Board в такой же мере, как и от железнодорожного управления. Выше мы показали полную несостоятельность этих оценок и подчеркнули, что перед американскими дорогами стоит ряд вопросов, требующих разрешения.

Увеличение количества оборудованных товарных поездов, увеличение скорости их движения, большая нагрузка вагона, больший пробег локомотива, сокращение срока нахождения поездов во внутренних границах, рационализация товарных и сортировочных станций, сокращение маневровой работы, установление более быстрой и точной информации о руководстве движением на местах—вот круг вопросов, выдвинутых текущей практикой транспортной работы в САСШ.

С 1925 г. ведется усиленная кампания за увеличение кредита железным дорогам на предмет инвестиций; причем усиленно подчеркивается связь эффективности транспортной работы с успехами промышленности, указывается на неблагоприятные результаты, которые могут быть вызваны наблюдающимся уменьшением вложений капитала в транспорт.

В адресе, автором которого является Гувер, поставленный выше вопрос резюмируется следующим образом:

„Вероятно самой существенной работой, выполненной после войны, во всей нашей индустрии была реорганизация американских железных дорог. Транспортное обслуживание было не только деморализовано правительственными операциями во время войны, но хронически страдало неудовлетворительной доставкой вагонного парка, имевшей место и до войны. Потери от недостаточной эффективности транспортной работы исчислялись в годовых отчетах в тысячах млн. долларов. Увеличение себестоимости перевозок подрывало стабилизацию цен в промышленности и повышало цены для потребителей промышленной и сельскохозяйственной продукции. Промышленники должны были предпринять ряд мероприятий, чтобы оградить себя от возможных потерь при движении цен“.

„Реорганизация“ транспорта по акту 1920 года (т. е. передача железных дорог правительством их прежним собственникам) и увеличение инвестиции не улучшили железнодорожного транспорта настолько, что он снова „встал на путь снижения себестоимости и нормальных финансово-коммерческих связей с промышленностью и сельским хозяйством“. Официальная трактовка транспортных достижений, имеющая целью подчеркнуть положительные стороны возвращения дорог их собственникам по акту 1920 г., не соответствует действительности.

Вопрос дальнейшего развития транспорта в САСШ упирается в проблему капитальных вложений, направленных на улучшение пути, расширение имеющихся товарных и сортировочных станций, улучшение конструкций, автоматизации и сигнализации, укладки тяжелых рельс и крестовин, большего и лучшего балласта. С другой стороны, необходимо улучшение снабжения транспорта более грузоподъемными вагонами и мощными локомотивами, могущими дать максимальный экономический эффект. Поэтому те 4,3% от всех оперативных доходов, которые в среднем возвращаются на техническую реконструкцию в САСШ, недостаточны для развития транспорта в соответствующей пропорции к развитию индустрии и сельского хозяйства. Политика железнодорожных компаний по мнению Междуштатной комиссии должна учесть необходимость увеличения инвестиций. Беспомощность банков, промышленных и транспортных компаний САСШ перед лицом промышленного кризиса показала, что намеченный план не может быть осуществлен в условиях капиталистической системы транспортного хозяйства.

■

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И МЕЖДУНАРОДНЫЕ МОНОПОЛИИ¹

О мировом экономическом кризисе написано уже довольно много. Однако взаимное влияние кризиса на международные монополии и последних на ход кризиса—слабо освещены в печати.

В настоящей статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы: как и в чем проявилось влияние мирового экономического кризиса на международных монополиях? В какой степени международные монополии влияют на ход кризиса? Каково влияние международных монополий на движение цен во время кризиса? Послужил ли экономический кризис к дальнейшему укреплению существующих монополий и стимулом для возникновения новых международных монополий или, наоборот, он содействовал обострению трений внутри монополий. Подтвердил ли мировой экономический кризис основные положения о роли международных монополий в послевоенном капитализме?

В то время как мы пишем эти строки, мировой кризис находится в самом разгаре и продолжает захватывать все новые страны и новые отрасли хозяйства. Поэтому в нашем распоряжении не имеется еще достаточно материала, чтобы охватить всю проблему в целом. Уже в настоящее время ход кризиса доказал окончательное крушение социал-демократической теории организованного капитализма. Американский экономический кризис вдребезги разбил гуверовско-митчелевскую концепцию бескризисного хозяйства и вечного процветания и одновременно нанес сокрушительный удар бухаринской теории о том, что „проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов—становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри страны проблемой организации. Кризис показал, что наряду с растущей борьбой на мировых рынках проблема рынка и кризисов внутри американского империализма обострилась в небывалой степени. Вытекающая из концепции Бухарина теория смягчения внутренних противоречий капитализма обнаружила полную свою несостоятельность в свете американского кризиса, приведшего к разорению миллионов, к гигантскому увеличению армии безработных и к резкому обострению классово-борьбы.

•

¹ Глава (несколько сокращенная) из находящейся в печати книги „Международные монополии“. Глава написана в середине июня с. г.

Вместе с тем мировой экономический кризис разрушил вредную легенду теоретиков ультраимпериализма; вопреки социалдемократическим утверждениям,—международное переплетение капитала, возникновение международных картелей и трестов отнюдь не устранили хаотичности мирового хозяйства и противоречий между финансовым капиталом разных стран. Вопреки социалдемократическим сказкам о мирном разделе мира международно-переплетенным финансовым капиталом и „организации“ мирового хозяйства международными монополиями, кризис показывает, что международные монополии неспособны даже смягчить мировой экономический кризис. Наоборот, попытками противодействовать общей тенденции к падению цен во время кризиса они удлиняют его, всячески обостряя и без того значительную диспропорцию между производством и потреблением.

Итак, международные монополии не могли ни предотвратить, ни устранить, ни смягчить мирового экономического кризиса. Но может быть они пытаются устранить кризис? Ответ на этот вопрос дан т. Лениным в его критике проекта партийной программы, предложенной т. Сокольниковым. Ленин, оспаривая то место в проекте программы, где говорится, что „попытки капиталистических союзов (трестов и пр.), ограничивая производство, устранять кризисы терпят крушение“, пишет:

„... Тресты не только „ограничивают“ производство. Попыток устранить кризисы они не делают, таких „попыток“ со стороны трестов быть не может. У т. С. получился ряд неточностей. Надо бы сказать: хотя тресты производят товары не анархически, а по учету, но кризисы все же остаются неустранимыми в силу указанных выше свойств капитализма, сохраняющихся и при трестах. А если тресты в периоды наибольшего подъема и спекуляции ограничивают производство в том смысле, чтобы „не зарваться“, то этим они в лучшем случае оберегают самые крупные предприятия, кризисы же наступают тем не менее“². Это глубокое замечание Ленина полностью оправдалось в свете данных о послевоенном развитии монополистического капитализма. Кризис разразился и принял международный масштаб, охватив все отрасли производства и почти все страны света, несмотря на „регулирование“ производства и политику „ограничения“, которые монополии (в том числе и международные) пытались провести до кризиса.

Монополии не пытаются и не могут пытаться устранить кризис. Но за то они энергично стремятся смягчить для себя бремя кризиса, прежде всего своей политикой цен.

Переходя к анализу влияния монополий на ценообразование во время кризиса, необходимо отметить, что одной из своеобразных черт современного кризиса, как и всякого кризиса в условиях монополистического капитализма, является неравномерное падение цен. При довольно значительном снижении общего уровня мировых цен приблизительно на 20—25% цены на монополизированные товары упали значительно меньше цен на немонополизированные товары. В особенности это относится к ценам внутри отдельных стран. Мы располагаем соответствующими данными по Германии и Польше. Так, по данным Германского конъюнктурного ин-та движение монопольных и „свободных“ цен показывает такую картину³:

² Ленин, К пересмотру партийной программы, т. XXI (2-ое изд.), с. 304.

³ „Vierteljahrshefte für Konjunkturforschung“, H. IV, 4. Jahrgang und H. I, 5. Jahrgang.

Индекс цен промышл. сырья и полуфабрикатов
(1926=100)

1929	Свободн. цены	Регулир. цены
Январь	101,9	104,6
Июль	96,9	104,9
Октябрь	95,1	105,3
1930		
Январь	90,4	105,0
Апрель	85,4	105,0

Таким образом, в то время как за отмеченный период (январь 1929—апрель 1930 г.) свободные цены уменьшились на 15%, монопольные цены в Германии остались в общем без изменения.

Аналогичное явление имеет место в Польше:

Индекс оптовых цен на полуфабрикаты ⁴
(1929=100)

1929	Общий индекс	Индекс картел. цен	Индекс не- картел. цен
Апрель	101,7	100,2	103,6
Июль	100,3	100,6	99,9
Октябрь	98,7	100,0	97,2
Декабрь	97,8	99,5	96,4
1930			
Январь	97,8	99,5	96,5
Февраль	96,9	99,5	94,9
Март	96,9	99,8	94,4
Апрель	96,6	99,8	93,5
Май	95,6	99,8	91,1

Как мы видим, и в Польше индекс цен картелированных товаров выше общего индекса и значительно выше индекса некартелированных товаров.

Все это относится к внутренним ценам.

Что касается мировых цен, то здесь мы не располагаем индексными ценами картелированных и некартелированных товаров. Мы поэтому возьмем сопоставление не индексов, а фактических цен лондонской биржи на ряд немонополизированных и монополизированных в международном масштабе товаров до и во время кризиса ⁵ (см. табл. № 1 и № 2).

Таблица 1 показывает общее, хотя и неодинаковое снижение уровня цен немонополизированных сырьевых товаров. В основном цены на перечисленные выше источники сырья упали во время теперешнего кризиса ниже своего довоенного уровня. Если сравнить июньские цены 1929 г. с июньскими ценами 1930 г., то по свинцу и сурьме падение цен выразится примерно в 20%, по пальмовому маслу и каучуку примерно в 25%, по шерсти в 30%.

Как мы видим, кризис повлек за собой резкое сокращение цен товаров, не регулируемых международно-монополистическими объединениями:

•

⁴ „Konjunktura gospodarcza“, 1930, №№ 3, 4, 5, 6.

⁵ Таблица составлена на основе данных соответствующих номеров „Statist“.

Таблица № 1

Динамика цен на нерегулируемые сырьевые товары (в англ. ф. стерл.)

	30 июня 1914	13 июня 1930	31 октяб. 1929	13 марта 1930	12 июня 1930
Свинец (soft foredn) т.	19/0	23/11/3	22/8	18/12	17/17/6
Антимоний „	27/10	33/34/0	47/10	45/10	26/15—27/5
Копра „	23/15	21/0	22/8	21/0	20
Пальм. масло	31/10	31/12/6	33/5	29/0	23/5 -
Каучук англ. ф. (thin crepe) .	2/2	10/5/8 d	9/1/4d	7/1/10 d	6/1/2 d
Хлопок (англ. ф.) амер. д. о. .	10/85 d	8/79 d	—	—	6/14 d
Джут тонн	27/12	32	—	—	28/0
Шелк японский (англ.-ф.) . .	—	19/9	—	—	13/6
Шерсть (англ. ф.)	—	1/7 ¹ / ₂	—	—	1/1

Иные выводы приходится сделать при сравнении за тот же период времени уровней цен на товары, в той или иной степени контролируемые монополистическими соглашениями см. таб. № 2. Беря в качестве иллюстративного материала цены на железо, рельсы, алюминий, ртуть, медь, олово и никель, мы получаем следующую картину.

Таблица № 2

Движение цен монополизированных товаров (в ф. стерлингов)

	30 июня 1914	13 июня 1929	31 октяб. 1929	13 марта 1930	12 июня 1930
	<i>в т</i>				
Чугун (Кливленд № 3)	51/0	72/6	72/6	77/0	67/6
„ Гематит	61/0	74/0	—	—	72/0
Рельсы	6/2/6	8/10	8/10	8/10	8/10
Алюминий	82/0	95/0	95/0	95/0	95/0
Ртуть (бут. в 75 англ. ф.)	7/0	22/2/6	—	—	22/12/6
Медь (стандарт. тонна)	61/0	76/2/6	84/0	84/0	49/13/9
Олово (англ. тонна)	135/10	202/0	189/10	163/0	137/0
Никель т.	—	175/0	175/0	175/0	175/0

Таблица показывает, что ряду международно-монополистических объединений удается удержать цены на прежнем уровне, несмотря на кризис и вызванные им сокращения потребления и рост запасов. Это в первую очередь относится к металлургическим объединениям. Мы однако сомневаемся в том, удастся ли европейским металлурги-

ческим объединениям надолго удержать цены на теперешнем высоком уровне. Напротив, ряд признаков (перепроизводство, рост третей внутри металлургических объединений, понижение — правда незначительное: всего на 2—3%, снижение цен на железо в Германии) показывает, что уже в самом недалеком будущем можно ожидать падения мировых цен на железо и прокатные изделия.

Чрезвычайно интересно проследить за политикой цен Международного медного синдиката. Цены на медь были стабилизированы в апреле 1929 г. на уровне 18,5 ц. за англофунт экспортной электролитной проволоки. На этом уровне Медный синдикат сумел удержать цены в течение всего истекшего года, несмотря на протесты со стороны промышленности, потребляющей медь, на растущее потребление алюминия—субститута меди, на постоянно уменьшающиеся закупки потребителями, на попытки лондонской биржи освободиться от картельной регламентации цен и на враждебную картелю производственную политику африканской медной промышленности. Руководители Медного синдиката не снизили цены и тогда, когда уже обнаружилась явная тенденция к значительному снижению общего уровня цен, в частности цен на другие цветные металлы. Наоборот, директора американских медных трестов делали еще в начале 1930 г. заявления о том, что Синдикат не намеревается снижать цены, т. к. потребление все равно не увеличится и снижение цен приведет лишь к падению прибылей ⁶. Однако очень скоро Синдикат перед лицом все углубляющегося мирового экономического кризиса был вынужден снизить цены, притом довольно резко: к 15 апреля картель сразу снизил цены с 18,5 до 14,5 центов за англофунт; к середине июня цены снизились до 12,30 центов за англофунт. Зависимость, существующую между обостряющимся экономическим кризисом и падением цен на мировом рынке, хорошо показывают следующие данные о движении американского экспорта и поставках внутри страны за время кризиса ⁷:

	Экспорт меди	Поставка внутри страны
Октябрь 1929. . .	53 500 т	105 700
Ноябрь 1929. . .	37 900 „	69 000
Декабрь 1929. . .	35 700 „	58 200
Январь 1930. . .	30 400 „	69 900
Февраль 1930. . .	29 600 „	61 900
Март 1930. . . .	30 500 „	73 600
Март 1929. . . .	59 900 „	105 900
Апрель 1930. . .	29 000 „	50 000

⁶ „Berl. Tageblatt“ 12/II 1930.

⁷ Мы пользуемся данными т. Бланка (см. его заметку: „Кризис на мировом медном рынке и его последствия“, „Пути Индустриализации“ № 9, 1930).

Таблица показывает резкое сокращение экспорта и внутреннего сбыта: если в марте 1929 г. было экспортировано и потреблено внутри страны 165 900 тонн, в октябре 1929—159 200 тонн, то в марте 1930 г. это количество равнялось всего 104 300 тонн, а в апреле 1930 г. всего 79 000 тонн. Совершенно естественно, что перед лицом столь резко сократившегося экспорта и внутреннего сбыта Международный (фактически американский) медный синдикат был вынужден пойти на значительное сокращение производства руды.

Эта политика сокращения вызвала сильное беспокойство в сфере обрабатывающей промышленности. В то время как положение горно-промышленных предприятий до некоторой степени улучшилось вследствие закрытия некоторых рудников, положение промышленности, рафинирующей медь, представляющей собой огромные предприятия, рентабельные лишь при условии полного их использования, по этой же причине сильно обострилось. Оставался только один выход—с н и ж е н и е ц е н.

Однако внезапное снижение цен на 23% не вызвало ожидаемого монополистами значительного усиления потребления; наоборот, ожидая дальнейшего падения цен, потребители воздерживались от закупок значительных количеств меди. На сей раз они не ошиблись: 6 мая Синдикат был вынужден понизить цены до 13,3 ам. ц. за англофунт электролитной проволоки. 8 мая картель снова понизил цены до 12,8 ам. ц.

Динамика цен на мировом медном рынке показывает, что перед лицом экономического кризиса даже такое крупное международно-монополистическое объединение, как Международный медный синдикат, контролирующий свыше 90% мирового производства меди, не может удержать в своих руках контроля над рынком.

Но если падения цен не удалось предотвратить Международному медному синдикату, то остальные международно-монополистические объединения—в первую очередь в области железнорудной промышленности—несомненно оказались более устойчивыми перед лицом общей тенденции к падению цен. Мировые цены на железо и на рельсы в общем остались без изменения при очень незначительном снижении цен на внутреннем рынке (в Германии на 2—3% при одновременном снижении зарплаты на 7%). Удержать высокие картельные цены Европейский стальной картель сумел посредством ряда комбинированных мероприятий, в первую очередь путем систематического сокращения производства, создания экспортных контор по отдельным полуфабрикатам, фиксации цен, раздела внешних рынков и частной нейтрализации английской конкуренции.

Европейскому алюминиевому объединению в англо-американской никелевой монополии также удалось удержать по крайней мере до середины июля свои картельные цены. Большой интерес представляет политика цен Итало-испанского ртутного картеля. Пользуясь своей почти абсолютной монополией, „Mercurio Europeo“ (официальное название картеля) держит цены на непомерно высоком уровне, в три раза повышающем довоенные цены. Этот высокий уровень цен (21¹/₂—22¹/₂ ф. ст. за бут. в 75 англоф.) картель пытается удержать также во время кризиса, несмотря на резкое сокращение потребления. Сжатие потребления в связи с кризисом и высокими монополиями ценами привело к увеличению запасов (последние достигли в мае небывалых размеров—100 000 бутылок, т. е. количество, превышающее ³/₄ годовой продукции) и к сокращению производства: наиболее бо-

гатые ртутью рудники Алмады (Испания) установили в этом году летний перерыв. Та же тенденция наблюдается и в других отраслях промышленности. В некоторых случаях монополистические объединения прибегают к методам, иллюстрирующим всю гниль современного капитализма,—к сознательному уничтожению запасов с целью повышения цен.

Как картельная политика цен, так и политика ограничения производства не только не способствуют ликвидации кризиса, а, наоборот, удлиняют и углубляют мировой экономический кризис. Сокращение производства, произведенное монополистическими объединениями, усиливает диспропорцию между производственной мощностью промышленности и фактическими размерами продукции; тем самым создаются дополнительные затруднения для изжития кризиса. Кроме того, как правильно пишет т. Горфинкель в своей статье о кризисе в САСШ⁸, „метод удержания высокого уровня цен путем резкого снижения производства выталкивает из производства громадные массы рабочих, содействует дальнейшему сокращению потребления широких масс и обостряет кризис всеобщего перепроизводства“. В свете современного экономического кризиса блестящее подтверждение находит глубокое замечание Энгельса, что каждая попытка предпринимателей воспрепятствовать нормальному изжитию кризиса содействует лишь углублению основного противоречия капиталистической системы — противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

Изживанию кризиса ни в малейшей мере не способствуют и другие мероприятия, предпринимаемые монополистическим капитализмом. Мы говорим о новой волне протекционизма, начавшей распространяться по всему капиталистическому миру еще до американского краха и получившей особую интенсивность в связи с мировым экономическим, аграрным и промышленным кризисом. Новые сверхпротекционистские тарифы преследуют цель не только устранения конкурентов с внутренних рынков, но и повышения внутренней картельной сверхприбыли для более успешного применения бросового экспорта на внешних рынках, от которого прочие высокомонополистические страны в свою очередь защищаются путем повышения своих таможенных тарифов. Таким образом и это мероприятие не способствует смягчению кризиса, а, наоборот, вызывает его дальнейшее обострение. Попытки монополистических организаций выйти из кризиса за счет рабочего класса путем удлинения рабочего дня и резкого сокращения зарплаты, несмотря на активную поддержку партий II Интернационала и секций Амстердамского Интернационала, не могут увенчаться успехом. Совершенно очевидно, что проведение в жизнь этих мероприятий увеличит и без того гигантскую армию безработных и вызовет дальнейшее сокращение потребления, которое, как известно, является в конечном итоге основной причиной капиталистических кризисов.

В заключение необходимо отметить, что мировой экономический кризис не только не повлек за собой, по крайней мере до настоящего времени, возникновения новых международно-монополистических объединений, но вызвал резкое обострение противоречий внутри уже существующих международных монополий. В первую очередь это относится к Международному медному синдикату. Имманентные разногласия внутри этого объединения между американ-

⁸ „Мировой экономический кризис“, изд. Ком. Академии, 1930, с. 40.

скими и европейскими трестами, имеющими различный технический уровень и различную производственную базу (американские медные тресты сами добывают руду, сами ее очищают и сами перерабатывают медь, в то время как европейские участники объединения заняты только переработкой меди), с особенной силой выявились во время кризиса. „Покуда международная конъюнктура была благоприятна, покуда главнейшие два потребителя—автомобильная и электротехническая промышленность—развивали такой спрос, что цены могли держаться на достаточном уровне, разногласия внутри картеля не играли значительной роли и только случайно выплывали наружу. Они резко обострились только в связи с последним падением цен“⁹. Совершенно очевидно, что предпринятое Синдикатом внезапное снижение цен сперва на 24%, а потом до 33% не могло не вызвать резкого недовольства мелких европейских производителей, издержки производства которых делают нерентабельным дальнейшее производство меди при уровне цен в 12—13 ам. ц. за англофунт электролитной проволоки. Больше всего пострадали от политики цен картеля германские заводы Мансфельда, работающие на привозной руде и имеющие издержки производства, значительно превышающие издержки американских участников объединения. Этим и объясняется энергичная попытка капиталистов Мансфельда путем локаута и 12%-ного снижения зарплаты переложить на плечи трудящихся издержки кризиса.

Обострение противоречий в результате углубления экономического кризиса вызвало к жизни новые формы борьбы внутри монополий. В частности начала производиться подготовка к созданию европейского блока против американских медных концернов. В начале мая германские заводы („Hirschkupfer Messingwerke“) заключили соглашение с рудодобывающей и частично рудоочистительной бельгийской компанией „Société Minière du Haut Katanga“. Эта компания, работающая в Бельгийском Конго, находится под финансовым контролем крупного бельгийского банка Société Générale de Belgique и английской колониальной компании „Tanganajika Concessions Ltd“. Если принять во внимание, что 25% акций немецкой медной компании „Hirsch'a“ находится в руках английского химического треста Монда, становится понятной антиамериканская сущность упомянутого соглашения. Такой же характер имеет и второе германо-английское соглашение (в форме обмена акций) в области торговли медью, достигнутое в конце мая между английской „British Metal Corporation“ и германской „Metallgesellschaft“—двумя крупнейшими металлосбытовыми организациями в Европе. Совершенно очевидно, что американские медные концерны не будут относиться равнодушно к столь резко выраженным попыткам своих европейских партнеров освободиться от гегемонии САСШ внутри синдиката. Вот почему следует ожидать дальнейших обострений внутри этой крупнейшей международной монополии, обострений, которые могут в любой момент привести к распаду картеля.

В связи с мировым экономическим кризисом и резким сжатием сбыта усилились противоречия также внутри Европейского стального картеля. Как и внутри Медного синдиката—отдельные участники Европейского стального картеля, в первую очередь бельгийские и люксембургские предприятия, чрезвычайно недовольны политической высокими ценами и значительного ограничения производства,

⁹ „Der deutsche Oeconomist“.

проводимой руководством картеля. Больше всего потерявшая от резкого сокращения сбыта, вызванного кризисом¹⁰, Бельгия пригрозила в начале 1930 г. выходом из картеля в случае дальнейшего повышения цен картелем. Компромисс был достигнут тем, что заграничная продажа в течение февраля была предоставлена исключительно Бельгии, вместе с тем картель объявил о предстоящем в марте повышении цен, что должно было побудить клиентов ускорить свои закупки¹¹. Однако уже в конце марта обнаружилось, что участники картеля— и прежде всего Бельгия—продают товар ниже картельных цен. Для обнаружения виновников была создана специальная комиссия, установившая, что единственным средством борьбы со „сбиванием“ цен явится ускоренное создание экспортных контор по отдельным полуфабрикатам. По последним сведениям разногласия внутри картеля как будто смягчились, так как достигнуто принципиальное соглашение о создании совместных контор по продаже полуфабрикатов и ведутся усиленные переговоры о соглашении между картелем и импортными организациями Швейцарии, Голландии и, что особенно важно, Англии. В основе этих соглашений лежит обязательство импортеров закупать полуфабрикаты исключительно у экспортных контор картеля¹².

Однако тот факт, что на последнем (майском) своем совещании члены директората картеля никак не могли достигнуть соглашения о том, продлить ли срок действия договора на 2 или 3 месяца (т. е. до ноября или декабря текущего года), показывает, что и без того резкие противоречия, имевшие место внутри Европейского стального картеля, усилились в связи с мировым экономическим кризисом¹³.

Резко обострились на почве сократившегося в связи с кризисом сбыта взаимоотношения между интернациональными монополиями также на мировом нефтяном рынке. Прежде всего обострилась борьба „Стандард Ойл“ с американскими „независимыми“ компаниями, причем „Стандард Ойл“ хочет побить своих конкурентов низкими ценами. Идя навстречу монополистическим интересам Рокфеллера, американский Сенат отклонил желательный для мелких аутсайдеров проект введения пошлины на сырую нефть, который мог бы ослабить конкуренцию со стороны нефти, добываемой стандардовскими предприятиями в Венецуэле. Одновременно снова разгорелась извечная борьба между „Стандард Ойл“ и „Royal Shell“. В ответ на открытие последней в Соед. штатах нового дочернего предприятия, зарегистрированного в качестве американской компании под фирмой Shell Union Co, „Standard Oil“ предпринял снижение цен на индийском рынке и тем самым нанес весьма чувствительный удар „Royal Shell“. Понадобилась специальная поездка Детердинга (в конце апреля) в Соед. штаты для того, чтобы „Стандард Ойл“ согласился снова несколько повысить цены на индийском рынке.

¹⁰ „Со времени окончания мировой войны континентальная железодельная промышленность не показала столь скверной весенней торговли как в этом году“, пишет „Börsen Kurier“ от 19/IV 1930 г.

¹¹ При этом необходимо иметь в виду, что уже в феврале вывозные цены на полуфабрикаты, сталь и листовое железо были повышены на 2—6 пенс. за тонну; вывозная цена на полосовое железо (107/6) теперь выше, чем в конце октября 1929 г., когда она составляла 100 шилл., однако, она значительно ниже, чем в январе 1929 г., когда она равнялась 125 шилл. („Köln. Zeitung“ от 14/II 1930 г.).

¹² „Commercial“ от 19/VI 1930 г.

¹³ В середине июля трения внутри Европейского стального картеля вновь резко увеличились, угрожая самому существованию картеля.

На почве кризиса усилились противоречия также в ряде других международно-монополистических соглашений, а именно в Европейском алюминевом синдикате, Международном азотистом объединении и др.; даже внутри Шведского спичечного треста возникли трения. Однако рост противоречий внутри монополистических объединений ни в коем случае не свидетельствует о том, что мировой экономический кризис вообще задерживает имманентную капитализму тенденцию к монополизации производства. Наоборот современный экономический кризис неизбежно должен привести к дальнейшей концентрации производства и централизации капитала. При этом рост монополий и поглощение мелких предприятий скажутся не только внутри отдельных государств, но и в международном масштабе. Однако мы полагаем, что этот процесс дальнейшей монополизации производства развернется путем усиления роли международных трестов и концернов, путем дальнейшего международного финансового переплетения монополистических предприятий, а не путем дальнейшего развития международного картелирования и синдицирования. Картели, в том числе и международные, все более уступают свое место трестам и концернам.

Наконец отметим еще один момент из сферы углубления противоречий между капитализмом и СССР в результате экономического кризиса. Это нашло свое выражение в бешеной кампании против нашей пятилетки, против нашей внешнеторговой монополии, против „советского демпинга“ (читай: советского экспорта), которая в значительной степени финансируется и руководится международно-монополистическими объединениями. Достаточно назвать фамилии двух интернациональных монополистов: Генри Детердинга—директора „Рояль Шелль“ и Ивара Крюгера—директора Шведско-американского спичечного треста... Интернационально-переплетенный капитал становится все большим инициатором открытой интервенции против СССР. Приводим несколько цитат из чрезвычайно интересного доклада, прочитанного Залмсеном—членом „Форштанда“, крупнейшего немецкого Д-банка—*Deutsche Bank und Discontogesellschaft*“, в начале февраля с. г. на тему о „Тенденциях развития и задачах германских крупных банков“¹⁴.

„Вопрос: цивилизация или большевизм—превращается в проблему мировой исторической важности, которая может быть разрешена только мечом. Наступление большевизма приведет рано или поздно все страны Европы к единому фронту и вынудит их приняться за меч...“ Залмсен, платный агент империалистов, произносит эту явно антисоветскую проповедь не случайно. Не случайно также необходимость интервенции Залмсен доказывает на основе анализа социалистической реконструкции Советского Союза:

„Теперь еще нельзя предусмотреть развитие большевизма на его родине. Оно зависит от влияния, которое окажет коллективизация сельского хозяйства. Так или иначе из угрожающих тенденций большевизма вытекает для всех, стремящихся к упорядоченному, возвышающему человечество, к более высокому культурному уровню мирового хозяйства,—обязанность подготовить путь для осознания взаимных потребностей и предотвращения взаимных опасностей“. Смысл этой речи совершенно очевиден: международно-финансовый капитал

¹⁴ Доклад напечатан в виде издания банка: Dr. G e o r g S a l m s e n, Entwicklungstendenzen und weltwirtschaftliche Aufgaben d. deutschen Grossbanken, S 44.

усиленно подготавливает в качестве одного из средств „борьбы с кризисом“ антисоветскую интервенцию.

Эту же роль выполняет агитация мировых монополистов против внешнеторговой монополии СССР, усилившаяся на почве мирового экономического кризиса.

Анализ последствий мирового экономического кризиса свидетельствует о том, что развитие его неизбежно приведет не только к дальнейшему обострению противоречий между интернационально переплетенным финансовым капиталом и страной строящегося социализма, но и к росту революционного движения, которое сметет международные монополии и мировую буржуазию в целом.

В. ГИЛЕВИЧ

ПРОБЛЕМА РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

1. НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

Теория воспроизводства в распространенном толковании своем охватывает все содержание теоретической экономики. Она обнимает одновременно и воспроизводство материальных условий жизни человеческого общества, и воспроизводство отношений социальной зависимости, т. е. условий существования социальной системы. Она изучает и законы движения, и форму, в которой движение происходит, выдвигая тем самым и вопрос о взаимоотношении формы и содержания.

Однако, если удовлетвориться этим общим определением предмета теории воспроизводства, то или эта теория поглотит и растворит в себе все прочие отделы теоретической экономики, или, напротив, в ряду этих отделов станет излишней теория воспроизводства, так как они поделят между собой ее содержание. Поэтому, несмотря на тесную связь между собой экономических понятий, естественно вытекающую из неразрывной связанности в хозяйственном процессе явлений, характеризующихся этими понятиями,—теория воспроизводства в общей системе теоретической экономики должна найти свою, отведенную ее специальному анализу, область. Такой специальной областью является исследование общих законов движения, совершающегося в рамках данной социальной формы и следовательно поддающихся формулировке тогда, когда сама форма получила достаточное разъяснение. Рассматриваемая как часть той экономической системы, в которой социальное „качество“ экономических явлений подвергнуто достаточному анализу, которая обладает теориями стоимости, прибавочной стоимости, распределения и т. д.,—теория воспроизводства предметом своего специального исследования имеет главным образом не „качественную“, а „количественную“ сторону явлений. Она формулирует закон причинных и количественно определенных связей между элементами совокупного хозяйственного процесса, раскрывает те скрытые зависимости, которые проявляют себя как принудительные законы в капиталистических формах хозяйствования и, несмотря на хаотичность и господство индивидуального произвола в буржуазном обществе, поддерживают порядок и связь всего общественнохозяйственного целого. Неправа поэтому Р. Люксембург, которая в марксовых схемах видит лишь формулировку независимых от социальной формы условий воспроизводства продукта и считает их несовместимыми с условиями реализации стоимости, т. е. с капиталистической формой хозяйства. Марксова теория воспроизводства, как стремились показать и показали критики Р. Люксембург, не до-

пускает такого противопоставления. Но одинаково ошибочно видеть в марксовой теории воспроизводства только „абстрактную теорию реализации“.

Исследование законов воспроизводства общественного продукта в связи с определенным состоянием развития производительных сил образует собой предпосылку исследования законов реализации стоимости. Вернее, это последовательные этапы исследования одного и того же процесса—процесса капиталистического воспроизводства, различные ступени абстракции в этом исследовании, различные степени приближения к конкретной капиталистической действительности. Марксовы предпосылки анализа расширенного воспроизводства, предполагающие неизменную производительность труда, позволяют рассматривать движение продукта и движение стоимости недифференцированно, так как при этих предпосылках оба движения происходят в одном направлении и одинаковым темпом: увеличение количества производимых продуктов пропорционально увеличению их стоимости. Но если ввести в анализ этот момент—рост производительности труда,—движения теряют свою синхронность, их приходится различать друг от друга, и основной задачей анализа становится как раз вопрос об их зависимости и взаимной обусловленности.

Автор считает поэтому возможным в данной статье, ставящей себе целью осветить некоторые, еще не получившие общепризнанного решения, проблемы расширенного воспроизводства, сосредоточить главное внимание на процессе воспроизводства продукта, а не стоимости. Тем самым устраняется, правда, из исследования ряд важнейших для познания капиталистической хозяйственной динамики проблем (например: падение нормы прибыли, механизм, с помощью которого это падение осуществляется, отношение между техническим и органическим составом капитала и т. д.), но все же в этом на высшей ступени абстракции проведенном анализе удастся установить некоторые наиболее общие определения и признаки процесса, без знания которых невозможно решение и первого ряда вопросов. Для познания реально исторического способа производства необходимо максимальное его упрощение, позволяющее понять этот способ как этап в развитии общественного производства, отвечающий определенной ступени развития производительных сил.

Возражения, которые могут быть выдвинуты против этого и которые обыкновенно сводятся к указанию на то, что подобный анализ имеет дело с „материально-техническим процессом производства“, лежащим вообще за пределами теоретической экономики,—возражения эти не представляются автору убедительными. Прежде всего неверно, что, отвлекаясь от стоимостной формы процесса, мы рассматриваем его исключительно как материальный, энергетический процесс. Мы и в этом случае имеем дело с социальным процессом, с производственными отношениями, но с отношениями не социальной зависимости, а с отношениями сотрудничества, пропорционального распределения труда, с так называемыми „техническими“ производственными отношениями, которые непосредственно определяются развитием производительных сил. Во-вторых,—и это самое главное,—абстракция от стоимостной формы не означает введения нового объекта исследования. Объект остается тот же: это—капиталистический процесс воспроизводства, но рассматривается он на более высокой ступени абстракции с целью обнаруживания его простейших элементов. Последние представляют собой не принципы, почерпнутые в чистом мышлении,

а понятия, выведенные из действительности. Маркс называет их „абстрактным, односторонним отношением уже данного конкретного целого“. Поэтому вне предположения этого целого абстрактные определения теряют всякий смысл.

Оставаясь лишь в пределах „абстрактной теории воспроизводства“, больше того, обращая главное внимание на процесс воспроизводства продукта, а не стоимости, мы тем не менее становимся перед вопросом о том, можно ли даже при этом максимальном упрощении реально происходящего процесса отвлекаться от изменений производительности труда? Не приведет ли это, как думает Р. Люксембург, к устранению основных особенностей самого объекта исследования?

Теория воспроизводства, рассматриваемая как общее учение о хозяйственном движении, по самому существу своему „динамична“. Момент „статики“ играет в ней роль только исходного пункта исследования.

Если только такое словоупотребление не ведет к смешению экономических и материально-энергетических процессов, то теория воспроизводства может быть названа теорией хозяйственного равновесия. Хотя она и изучает состояние движения, а не состояние покоя, но и движение, как известно, может быть выражено в терминах теории равновесия. Эта теория имеет перед собой две основные задачи: изучение условий равновесия системы на данном уровне развития производительных сил и изучение условий ее перехода на новый и высший уровень развития. Она изучает следовательно состояние равновесия, нарушения его, связанные с развитием производительных сил, и результирующую эти нарушения тенденцию к восстановлению равновесия на новом уровне. Так называемая „пропорциональность“ общественного производства есть не что иное, как постоянно и реально существующая тенденция к установлению подвижного равновесия между различными отраслями хозяйства в процессе хозяйственного развития.

Таким образом теория воспроизводства имеет своим предметом изучение не только состояния равновесия на данном уровне, но и законов перехода системы к новому уровню. Знание же последних может быть почерпнуто только из анализа зависимости между меняющейся производительностью труда и условиями распределения производительных сил по отдельным звеньям хозяйственной системы. Изучение влияний изменяющейся производительности труда нельзя отодвигать на следующую ступень анализа, на которой мы изучаем процесс *in concreto*, в его товарно-денежной форме, так как совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело с основной движущей силой общественного производства как такового. Введение в анализ, с одной стороны, меняющейся производительности труда, а с другой стороны—колебаний цен, движения кредита и т. д.—имеет столь очевидно различный смысл, что на этом можно не останавливаться подробно.

Между тем в марксистской литературе вопроса мы иногда встречаемся с мотивировкой принципиального отказа от включения изменений производительности труда в абстрактный анализ воспроизводства. Так, например, С. Губерман в своей книге „К теории капиталистического рынка и кризиса“ видит сущность разграничения „абстрактного“ и „конкретного“ в проблеме воспроизводства в том, что аб-

абстрактная теория своей исходной предпосылкой имеет постоянно существующее состояние равновесия и должна поэтому абстрагироваться от всего, что это состояние нарушает, тогда как конкретная теория имеет своим объектом живую капиталистическую действительность, в которой закон равновесия существует лишь как тенденция, проявляющая себя в постоянных отклонениях¹. Тем самым фактически утверждается, что абстрактная и конкретная теории имеют различные познавательные объекты, несопоставимые и несравнимые. Первая отрывается от живой действительности; вторая освобождается от теоретических обобщений абстрактного анализа, и в результате единство теоретического объяснения процесса оказывается нарушенным. На самом деле объект анализа и у абстрактной и у конкретной теории один и тот же—капиталистический процесс воспроизводства, отличительной особенностью которого являются постоянные революции в технике и в производительности труда. В нарушениях равновесия нужно отличать те нарушения, которые являются следствием анархии производства, от тех нарушений, которые сами представляют собой условия перехода к новому уровню равновесия и которые поэтому включены в систему законов не статического, а динамического равновесия хозяйственной системы.

Можно и должно конечно отстаивать правомерность анализа воспроизводства при предпосылке неизменной производительности труда, так как в таком случае мы получаем модель движения, входящего неотъемлемой составной частью, важнейшим компонентом в действительное происходящее более сложное движение. Это и утверждается в той цитате из „Капитала“, на которую опирается С. Губерман и в которой речь идет о том, что „раз показан закон, согласно которому одна часть годового продукта возмещает постоянный, другая—переменный капитал, то в этом законе ничего не изменила бы революция в стоимости постоянного ли, переменного ли капитала“². Общая формулировка зависимости между I и II подразделениями общественного производства не зависит от условий воспроизводства, но количественная определенность этой формулировки всецело определяется этими условиями. Поэтому совершенно неверно было бы утверждение, что введение момента меняющейся производительности труда не вводит никаких новых проблем в теорию воспроизводства по сравнению с теми проблемами, которые были рассмотрены в учении о простом воспроизводстве и равномерно расширенном воспроизводстве при неизменной технике.

Это могло бы быть лишь в том случае, если бы повышение производительности труда могло равномерно и в одинаковых коэффициентах роста распространяться по всем звеньям хозяйственной системы, не меняя отношений между ними, сохраняя прежнюю структуру производства. Но совершенно очевидно, что это предположение полностью противоречит и хозяйственной действительности, и внутренней логике хозяйственного процесса. Неравномерность в изменении отдельных элементов хозяйственной системы, выражающаяся в условиях товарного хозяйства, в изменениях стоимости и цен, есть основной закон хозяйственной динамики. В доказательство того, что расширение размеров общественного производства, совершающееся на основе роста производительности труда, необходимо связано с изменением внутренней

¹ С. Губерман, К теории капиталистического рынка и кризиса, с. 7—10.

² „Капитал“, т. II, с. 368.

структуры этого производства, достаточно привести хотя бы тот факт, что процесс повышения производительности труда есть одновременно процесс постоянного перераспределения труда в пользу отраслей, изготовляющих средства производства.

Нельзя поэтому „нормальным типом“ движения считать равномерное расширение производства на основе неподвижных отношений распределения производительных сил, а те сдвиги, которые в эти отношения вносит меняющаяся производительность труда, рассматривать как возмущающие явления, обусловленные индивидуальными, каждый раз самостоятельно возникающими причинами. Между тем эта фикция играла немалую роль в теориях цикла.

Простое воспроизводство, расширенное воспроизводство при неизменной производительности труда и расширенное воспроизводство при прогрессирующей производительности труда—таковы три последовательных этапа в анализе воспроизводственного процесса, три абстрактных модели, с которыми оперирует теория воспроизводства, и одновременно три ступени абстракции в самой теории. Первые две модели хозяйства являются методологическими фикциями, но построение их представляет собой вполне законный методологический прием, позволяющий путем упрощения движения открыть его важнейшие компоненты, сохраняющие свое значение и в усложненном-действительном движении. Но только для познания последнего они и могут служить и поэтому по отношению к нему являются лишь предварительными этапами анализа. Вводя на одном полюсе момент меняющейся производительности труда, мы на другом полюсе вводим и изменения стоимости, и колебания цен, и все явления конкретной капиталистической динамики. Развитие содержания осуществляется в движении формы, и именно последнее служит непосредственным предметом изучения, но на первых этапах его мы можем отвлечься от конкретной формы процесса с тем, чтобы открыть те законы развития производительных сил, которые по отношению к этой форме играют роль принудительно действующей силы. Мы тогда изучаем условия воспроизводства продукта, а не стоимости. В этом смысле можно провести различие между „абстрактной“ и „конкретной“ теорией воспроизводства. Такое различие можно провести по отношению и к простому, и к равномерно расширенному воспроизводству, но только при прогрессирующей производительности труда, когда движения продукта и стоимости не совпадают, различие это приобретает познавательное значение.

Итак основной задачей марксистской экономики (и только на этом пути она может преодолеть буржуазные теории конъюнктуры) является построение теории капиталистического воспроизводства, совершающегося при постоянном повышении уровня производительности. Одним же из этапов в разрешении этой задачи, этапом, не имеющим самостоятельного значения, является изображение картины этого движения, независимой от его специфической формы и, следовательно, приложимой ко всякому производству, ведущемуся на основе машинной техники. Мы в дальнейшем затрагиваем некоторые вопросы, поставленные марксовыми схемами расширенного воспроизводства главным образом в этой узкой постановке, отвлекаясь в большинстве случаев от важнейшей проблемы отношений между вещественной и стоимостной сторонами процесса. В соответствии с этим под C и V мы понимаем в таких случаях материальные ингредиенты постоянного и переменного капитала, под отношением $c:v$ —технический состав капитала и под m —прибавочный продукт.

2. МАРКОВЫЕ СХЕМЫ РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Наиболее широкой критике марковские схемы расширенного воспроизводства подверглись со стороны Р. Люксембург и ее школы. Она же указывала и на то, что исследование проблемы осталось незавершенным, так как даже весьма абстрактный анализ чистого капитализма требует построения схем с учетом повышения техники, которое выражается в постоянных изменениях органического состава капитала. При учете этих моментов (недостатков марковских схем и необходимости дополнения их введением новой предпосылки) не могут быть сведены, по мнению Р. Люксембург, концы с концами, и проблема накопления в условиях чистого капитализма не поддается решению. Мы отдельно остановимся на предпосылках построения схем с учетом прогрессирующей производительности труда; сейчас же рассмотрим те недостатки, которые, по мнению Р. Люксембург, присущи марковским схемам равномерно расширенного воспроизводства, совершающегося при неизменной производительности труда.

Основной ее упрек сводится к тому, что Маркс закономерность процесса подменяет закономерностью числового примера, превращая „сложную проблему накопления“ в „схематическую прогрессию паразитической простоты“. Достигается это, по ее мнению, тем, что процесс равномерного расширения капитализации и потребления прибавочной стоимости в I подразделении покупается путем приспособления к этому движению отношений во II подразделении, прибавочной стоимостью которого Маркс маневрирует для того, чтобы обеспечить принятые им предпосылки движения в I подразделении. Тогда как в I подразделении ежегодно накапливается $\frac{1}{2}$ прибавочной стоимости и все элементы ежегодно возрастают на 10%, во II подразделении норма накопления иная и остается постоянной от года к году. Приведем эту марковскую схему, которую он называет „исходной“ и которая составлена им из схемы простого воспроизводства путем оставления без изменения I подразделения и изменения во II подразделении органического состава капитала.

Первый год:	I	4 000 c	+ 1 000 v	+ 1 000 m	= 6 000	} 9 000
	II	1 500 c	+ 750 v	+ 750 m	= 3 000	
Второй год:	I	4 400 c	+ 1 100 v	+ 1 100 m	= 6 600	} 9 800
	II	1 600 c	+ 800 v	+ 800 m	= 3 200	
Третий год:	I	4 840 c	+ 1 210 v	+ 1 210 m	= 7 260	} 10 880
	II	1 760 c	+ 880 v	+ 880 m	= 3 520	
Четвертый год:	I	5 324 c	+ 1 331 v	+ 1 331 m	= 7 986	} 11 858
	II	1 936 c	+ 968 v	+ 968 m	= 3 872	
Пятый год:	I	5 856 c	+ 1 464 v	+ 1 464 m	= 8 784	} 13 043 и т. д.
	II	2 129 c	+ 1 065 v	+ 1 065 m	= 4 259 ³⁾	

Рассматривая схемы, мы действительно видим, что в то время как в I подразделении ежегодно накапливается $\frac{1}{2} m$ и общий размер производства, как и все составные элементы продукта, возрастает ежегодно на 10%,—во II подразделении от первого ко второму году накапливается $\frac{1}{5} m$, а в последующие годы $\frac{3}{10} m$, и в связи с этим размер производства во втором году увеличивается на 6,(6)%, в по-

³ У Маркса по арифметической ошибке здесь указано—4 249, и соответственно общая сумма производства показана не 13 043, а 13 033.

следующие же годы—на 10%. Необходимо прежде всего признать, что эта неравномерность движения от года к году, существующая во II подразделении и отражающаяся на движении совокупного общественного продукта, не отвечает существу самого процесса как равномерно развивающегося процесса, совершающегося на основе неизменных отношений между его элементами. Мы однако видим, что эта неравномерность движения существует лишь при переходе от первого ко второму году, в дальнейшем и II подразделение, как и I, возрастает ежегодно на 10%, сохраняя постоянной и норму накопления, хотя и отличную от I ($^{3/10} m$). Возникает вопрос: не является ли разрыв в закономерности движения результатом произвольно выбранных чисел для первого года? В самом деле: иллюстрируемый схемами процесс мы должны предполагать непрерывным и на всем своем протяжении развивающимся в одинаковом темпе. Ежегодно происходит возрастание на 10%, показатели данного года составляют, следовательно, $^{11/10}$ от показателей предшествующего года. Тогда для того, чтобы получить величины первого года, отвечающие условиям процесса, величины второго года должны быть разделены на $^{1/10}$. Получаем для первого года, отбрасывая дроби:

$$\begin{array}{l} \text{I } 4\,000\,c + 1\,000\,v + 1\,000\,m = 6\,000 \\ \text{II } 1\,455\,c + 727\,v + 727\,m = 2\,909 \end{array} \quad \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I } \\ \text{II } \end{array}} \right\} 8\,909$$

Если взять эти величины за величины исходного года, то неравномерность движения исчезает, 10%-ный темп прироста становится постоянным. Вместе с тем исчезает и неравномерность в возрастании переменного капитала и потребляемой части прибавочной стоимости. Первый возрастает от 1 727 в первом году до 2 529 в пятом году или в отношении 100:146,4; вторая возрастает от 1 009 ($500\,m\,I + 509\,m\,II$) в первом году до 1 478 ($732\,m\,I + 746\,m\,II$) в пятом году, или в том же отношении 100:146,4. Между тем на этом якобы вытекающем из марксовых схем „законе“ более быстрого относительного возрастания потребления капиталистов по сравнению с потреблением рабочих, Каутский воздвигает целую теорию кризисов (см. его статью „Финансовый капитал и кризисы“). Он утверждает, что на основании марксовых схем потребление капиталистов должно возрастать относительно и абсолютно быстрее, чем потребление рабочих, и это обстоятельство вступает в противоречие с направлением капиталистического производства, которое по самому существу своему есть производство для массового потребления. В результате „между направлением производства и направлением потребления создается противоречие“, являющееся одним из условий кризиса. Мы видели, что, поскольку дело касается расширенного воспроизводства при неизменной технике, этот „закон“ отнюдь не вытекает из условий процесса; напротив, эти условия требуют равномерного возрастания переменного капитала и потребляемой части прибавочной стоимости.

Однако и после нашего исправления схем остается постоянное неравенство норм накопления в I и II подразделениях (в I ежегодно накапливается $^{1/2} m$., во II— $^{3/10} m$). Именно на это обстоятельство указывает Р. Люксембург, как на отрицательную сторону марксовых схем, противоречащих капиталистической действительности с ее нивелирующими тенденциями. Она полагает, что предпосылкой построения схем, отвечающих действительности, должно быть равенство норм накопления в обоих подразделениях. Это ее утверждение встретило резкие возражения со стороны большинства ее критиков. Так Г. Экштейн указывает, что если бы требование одинаковой нормы

было правильным, то вообще невозможно было бы никакое изменение отношений между различными отраслями производства, никакое взаимное приспособление их друг к другу. В русской новейшей литературе, посвященной проблеме рынка и кризиса, также отстаивается мысль о необязательности совпадения норм накопления в обоих подразделениях и о зависимости накопления во II подразделении от накопления в I. Так А. Герценштейн („Теория капиталистического рынка“), возражая Р. Люксембург и ее современному эпигону Штернбергу, указывает, что нормы накопления являются не заранее данной, а производной, объективно обусловленной величиной и различие их представляет собой не произвольное допущение, а вполне реальную фактическую необходимость. В свою очередь и С. Губерман в своей уже упоминавшейся работе полагает, что определяющая роль I подразделения по отношению к состоянию накопления во II—вполне реальна, так как она отражает зависимость всего общественного целого от состояния развития производительных сил, размеры, характер и степень развития которых представлены именно I подразделением.

Нам кажется, что в этом споре истина присутствует у обеих спорящих сторон, и это является следствием того обстоятельства, что ими неверно определяется самый предмет спора. Нельзя возражать против того, что в развитии производительных сил при изменении и уровня производительности труда происходит изменение отношений между обоими подразделениями и определяющая роль в этом движении принадлежит I подразделению. Но равным образом нельзя отрицать и того, что при данных предпосылках движения, при данном уровне производительности вступают в действие нивелирующие тенденции и капиталисты обоих подразделений должны быть поставлены в равные условия в отношении норм своего потребления и накопления. Маркс не только не отрицает действия этих нивелирующих тенденций, но напротив, исходя из них, строит свою теорию средней прибыли и цен производства. Норма накопления при одинаковой норме прибавочной стоимости будет, очевидно, находиться в прямой зависимости от высоты органического состава капитала, в которой отражаются различия в уровне производительности труда. При одинаковом составе капитала она будет одинакова, при различном составе—выше в том подразделении, где органический состав капитала выше. Это—прямое следствие различия норм прибыли в отраслях различной производительности при реализации их продукции по трудовой стоимости. Но именно в результате этих различий реализация товарного продукта происходит не по стоимости, а по ценам производства, и вместе с этими новыми условиями реализации уничтожаются различия и в нормах накопления: последние вновь становятся одинаковыми. Если предметом анализа сделать не стоимостную форму процесса, а воспроизводство продукта, то для получения тех же результатов приходится предположить, что относительная величина прибавочного продукта находится в соответствии с техническим составом капитала, т. е., давая различные нормы эксплуатации ($m: v$), она дает одно и то же отношение между прибавочным продуктом и всем капиталом [$m:(c + v)$].

Перестроив марксовы схемы на основе цен производства (для простоты мы начинаем со второго года), мы получаем:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I } 4\ 400\ c + 1\ 100\ v + 1\ 323\ p = 6\ 823 \\ \text{II } 1\ 600\ c + 800\ v + 577\ p = 2\ 977 \end{array} \right\} 9\ 800$$

Для расширения производства на 10% в следующем году I подразделение из своей прибыли в 1 323 должно накопить 550 (440 добавочное $c + 110$ добавочное v); II подразделение из 577 накопляет 240 (160 добавочное $c + 80$ добавочное v). Нормы накопления в обоих подразделениях $\frac{550}{1\,323}$ и $\frac{240}{577}$ — одинаковы; они составляют около 41,6%.

При равенстве органических составов в обоих подразделениях цены производства и стоимости продуктов совпадают и следовательно нормы накопления будут одинаковы в обоих подразделениях и при реализации по стоимости. Поэтому, когда Маркс берет свой второй пример $\left[\begin{array}{l} \text{I } 5\,000\,c + 1\,000\,v + 1\,000\,m = 7\,000 \\ \text{II } 1\,430\,c + 285\,v + 285\,m = 2\,000 \end{array} \right] 9\,000$, то, начиная со второго года (в первом году подразделение II накопляет больше половины своей прибавочной стоимости), накопление происходит равным темпом в обоих подразделениях, составляя половину m . Р. Люксембург глубоко заблуждается, утверждая, что это является лишь результатом удачно выбранного числового примера и что методы построения схемы, связанные с произвольным оперированием накоплением во II подразделении, от этого не меняются. На самом деле намеченный результат есть необходимое следствие объективных предпосылок процесса, данных равенством органического состава капитала. Если же при переходе от первого ко второму году происходит некоторое отклонение от закономерности движения (II подразделение накопляет не половину m , а 184 из 285), то объяснение этому нужно искать в той произвольности выбора цифр для первого года, на которой мы имели уже случай останавливаться.

Если марксовы схемы требуют некоторых исправлений, не вносящих принципиальных изменений, но меняющих исходные цифры для всего общественного продукта ($6\,000\,c + 1\,500\,v + 1\,500\,m = 9\,000$), то вовсе не трудно построить простые схемы, исходя из этих цифр и из марксовой предпосылки накопления половины общественной прибавочной стоимости. Для этого нужно опираться на уравнения продукта, согласно которым продукт I подразделения должен равняться всему общественному постоянному капиталу + фонд расширения этого капитала, а продукт II подразделения — общественному переменному капиталу + фонд расширения последнего + потребляемая часть прибавочной стоимости. Исходя из этих уравнений и данных суммарных величин для всего общественного продукта, мы получаем следующие две схемы расширенного воспроизводства, построенные при предпосылках одинакового и различного состава капитала в обоих подразделениях:

Схема первая:

Схема вторая:

$$\begin{array}{ll} \text{I } 4\,400\,c - 1\,100\,v - 1\,100\,m - 6\,600 & \text{I } 4\,500\,c - 1\,000\,v - 1\,100\,p - 6\,600 \\ \text{II } 1\,600\,c - 400\,v - 400\,m - 2\,400 & \text{II } 1\,500\,c - 500\,v - 400\,p - 2\,400 \\ \hline 6\,000\,c - 1\,500\,v - 1\,500\,m - 9\,000 & 6\,000\,c - 1\,500\,v - 1\,500\,m(p) - 9\,000 \end{array}$$

Первая схема рисует движение при равенстве органических составов капитала, вторая — при их различии (в I — 4,5:1, во II — 3:1). В обоих случаях накапливается половина общественной прибавочной стоимости, т. е. 750, расширение производства происходит равномерно при ежегодном возрастании на 10%.

3. ПРЕДПОСЫЛКИ ПОСТРОЕНИЯ СХЕМ С УЧЕТОМ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТАВА КАПИТАЛА

Р. Люксембург делает попытку построения схем с учетом изменений органического состава капитала и приходит к выводу, что с введением этой предпосылки размещение общественного продукта становится невозможным: обнаруживается прогрессивно возрастающий дефицит в I подразделении и соответственно этому прогрессивно возрастающее перепроизводство во II подразделении.

Беря марксову схему („второй пример“:

$$\begin{array}{l} \text{I } 5\,000\,c + 1\,000\,v + 1\,000\,m = 7\,000 \\ \text{II } 1\,430\,c + 285\,v + 285\,m = 2\,000 \end{array}$$

она предполагает, что из года в год относительно бóльшая доля накапливаемой части прибавочной стоимости поступает в постоянный капитал и одновременно, в силу роста производительности труда, повышается норма прибавочной стоимости. В результате прибавочная стоимость возрастает пропорционально увеличению не переменного, а всего капитала и следовательно норма прибыли остается без изменения (в схемах Р. Люксембург она равна 16,6%).

Если допустить, что изменение производительности труда должно вести к понижению нормы прибыли, то необходимо предположить более медленный темп возрастания нормы прибавочной стоимости по сравнению с ростом органического состава капитала. Отношение $m:v$ должно расти, но отношение $m:(c+v)$ — уменьшатся. Однако, если внести эту поправку в схемы Р. Люксембург, то этим не только не поколеблются ее выводы, но, напротив, расхождение между I и II подразделениями усилится. В самом деле, условия размещения продукта между I и II подразделениями основаны на обмене ($v +$ потребляемая часть m) I на c II.

Если меняется органический состав капитала, то левая часть равенства относительно сокращается в обоих своих членах (v падает в силу роста состава капитала, потребляемая часть m — вследствие относительного сокращения m по сравнению с применяемым капиталом), тогда как правая часть равенства — c II относительно возрастает. В результате мы имеем дело с увеличивающимся с каждым годом расхождением.

Только один случай может быть дан, когда повышение органического состава капитала в обоих подразделениях не нарушает равновесия между ними.

Условием этого должно быть такое интенсивное повышение нормы прибавочной стоимости в результате роста производительности труда, что норма прибыли, несмотря на повышение органического состава капитала, возрастает, а накапливаемая доля m сокращается. В равенстве ($v +$ потребляемая часть m) I = c II относительное сокращение и даже стабильность v I должно компенсироваться ростом потребляемой части m I.

Однако этот случай, предполагающий, что все результаты повышенной производительности труда идут на расширение непродуцированного потребления капиталистов, предполагающий сверх того, что, несмотря на повышение состава капитала, норма прибыли повышается, — случай этот противоречит предпосылкам действительного движения. Нельзя впрочем настаивать на его абсолютной невозможности для коротких отрезков времени.

Во всех же остальных случаях: при падении нормы прибыли: (v и потребляемая часть m относительно сокращается), при ее стабильности (v сокращается, темп роста m остается прежним—случай Р. Люксембург) изменение состава капитала невозможно без изменений условий равновесия между I и II подразделениями. Вывод этот непреложен, но из самой непреложности вывода вытекает лишь задача дать анализ того закономерного процесса перераспределения производительных сил между I и II подразделениями, который связан с изменением органического состава капитала. Р. Люксембург даже не ставит этой задачи, она довольствуется простым констатированием несовместимости старых условий процесса с новыми предпосылками равновесия. Констатирование этого момента есть, по существу, утверждение той простой и старой истины, что развитие производительных сил, происходящее на основе прогресса техники, означает относительное увеличение в общественном продукте доли, идущей на производительное потребление, за счет сокращения доли личного потребления. Теория воспроизводства должна вскрыть закономерность этого процесса, уложить, если возможно, эту закономерность в точную математическую формулу, но делать отсюда вывод о невозможности самого процесса воспроизводства—значит становиться на почву тех старых и давно опровергнутых теорий (Сисмонди), которые, исходя из факта более быстрого роста общественного капитала по сравнению с общественным доходом, делали заключение о невозможности развития в капиталистической форме.

Бауэр, возражая Р. Люксембург, пытался доказать, что и при реальных предпосылках процесса воспроизводства, сводящихся к различию состава капитала в обоих подразделениях и к изменению этого состава от года к году, развитие капитализма остается возможным. С этой целью он строит усложненную схему, в которой предполагается: различие органического состава капитала в обоих подразделениях, реализация продукта по стоимости, одинаковая норма накопления и неизменная норма прибавочной стоимости, различный темп расширения постоянного и переменного капитала и наконец передвижка части капитализируемой прибавочной стоимости из II подразделения в I. Образующийся при таких предпосылках дефицит в I подразделении и равный ему излишек во II—Бауэр ликвидирует простым перенесением этого излишка в I подразделение и применением его там в соответствии с новыми условиями равновесия.

Основным недостатком бауэровской схемы нам представляется то обстоятельство, что схема эта полностью игнорирует экономический смысл иллюстрируемого процесса, в результате чего математика вступает в конфликт с экономикой. Анализируя процесс изменения органического состава капитала, Бауэр полностью отвлекается от предпосылки этих изменений—роста производительности. Сказывается это уже в его общей концепции, согласно которой переменный капитал должен возрастать в такой же пропорции, как и население. Не говоря уже о том, что в этом утверждении перевернута зависимость: состояние производства определяется приростом населения тогда как последнее определяется первым; не говоря, далее, о том, что вместо рабочего населения говорится просто о населении,—даже отвлекаясь от всего этого, нельзя признать справедливость тезиса о строгом соответствии прироста занятого рабочего населения с ростом v , определяемым темпом накопления. При изменившейся производительности труда, один и тот же по стоимостным размерам переменный капитал

представляет собой большее количество потребительных стоимостей и следовательно при той же реальной заработной плате может дать занятие бóльшему числу рабочих. Это увеличивающееся количество рабочих произведет соответственно больше единиц стоимости (труд каждого рабочего производит определенную по величине стоимость), но в этой вновь произведенной стоимости доля рабочих будет меньше, доля капиталистов—больше, т. е. норма прибавочной стоимости повысится. Пусть например в первом году 1000 рабочих и производит 1000 v + 1000 m , т. е. норма прибавочной стоимости равна 100%.

Предположим, что во втором году v по стоимости возрастает на 5%, по потребительной же стоимости на 10%. Тогда при той же реальной заработной плате на переменный капитал в 1050 можно нанять 1100 рабочих. Каждый рабочий по прежнему производит 2 единицы стоимости, следовательно всего новой стоимости будет произведено $1100 \times 2 = 2200$; из них на возмещение v идет 1050, остальные же 1150 составляют прибавочную стоимость. Норма последней возрастает с 100% до 109,5%. У Бауэра же норма прибавочной стоимости остается постоянной.

Эти дефекты бауэровских схем опорочивают его построение не потому, что они неустранимы, а потому, что они заслоняют экономический смысл процесса арифметической его схематизацией. Можно однако перестроить схемы, освободив их от этих недостатков и учтя все те моменты, которые являются следствием процесса повышения производительности труда. Но и при этих условиях останется нерешенной основная проблема: каким образом осуществляется процесс перенесения капитала из II подразделения в I, являющийся необходимым условием равновесия при изменившемся составе общественного капитала?

В эту сторону была направлена основная критика бауэровских схем. Указывалось, что простое перенесение нереализуемого излишка II подразделения в I невозможно вследствие вещественной определенности этого излишка, в силу того обстоятельства, что он отложился в определенного вида товарах—в средствах потребления, не могущих служить добавочными средствами производства. Бауэр полагает, что, если общая сумма производства средств производства и предметов потребления отвечает общественной потребности, т. е. условиям будущего воспроизводственного цикла, то тем самым решена и проблема реализации. Но само это соответствие достигается у него тем, что часть потребных средств производства производится во II подразделении, где продукт имеет определенную натуральную форму. Этот момент и выдвигает Штернберг⁴ в доказательство невозможности воспроизводства при прогрессирующей технике. Его критику Бауэра надлежит признать справедливой в том смысле, что важнейшая для анализа процесса проблема перераспределения производительных сил, проблема переноса капитала в бауэровских схемах не поставлена и не разрешена, но, разумеется, ее нельзя признать справедливой в том смысле, что эта проблема вообще не поддается разрешению.

Ясную постановку вопроса мы встречаем у Е. А. Преображенского⁵. „Условием равновесия между I и II подразделениями,—указывает он,—является равенство $v + \frac{m}{x}$ (потребляемая часть прибавоч-

⁴ „Imperialismus“, Brl. 1926.

⁵ Главы из „Новой экономики“, „Вестник Комкадемии“ № 17/18.

ной стоимости) I и с II". Если при росте органического состава капитала первая величина относительно сокращается, а вторая, относительно возрастает, то равновесие может быть обеспечено лишь в том случае, если, несмотря на противоположность относительного движения, абсолютный рост обеих величин будет происходить в одинаковой пропорции. Для этого необходимо, чтобы нарастание капитала в I подразделении происходило более быстрым темпом, чем нарастание капитала во всем общественном производстве и тем более во II подразделении. Производство в I подразделении должно развиваться в более быстром темпе и давать для v и $\frac{m}{x}$ такие показатели абсолютного роста, которые компенсировали бы их относительное падение. Но если даны исходные величины капиталов, то более быстрое разветвление I подразделения возможно лишь на основе перегруппировки, происходящей за счет II. Постоянная перекачка капитала из II в I подразделение является единственно возможным решением задачи, вытекающим из самого ее условия. Необходимо в этом согласиться с Преображенским. Следует однако отметить, что в качестве условия задачи он принимает неизменное „соотношение между размерами накопления и потребления“ капиталистов, т. е. постоянство нормы накопления и неизменность нормы прибавочной стоимости.

Как же осуществляется этот перенос капитала из подразделения в подразделение при условии закреплённости этого капитала в определенной натуральной форме? Автор полагает, что экономика капитализма достаточно эластична для того, чтобы осуществлять такого рода перемещение, конечно не путем превращения одного вещества в другое. Перенесение закреплённого основного капитала на практике встречается с большими трудностями, но изменение отношений между обоими подразделениями может быть достигнуто путем иной перегруппировки рабочей силы, использования резервов основного капитала и образования товарных запасов. Дело упрощается еще тем, что при наличии резервов основного капитала проблема сводится к переброске оборотного капитала, а также тем, что для коротких периодов времени перераспределение производительных сил осуществляется с помощью механизма отклонения цен от стоимостей, от действия которого можно отвлечься в абстрактном анализе.

Таким образом в качестве общей тенденции развития общественного производства при изменении органического состава капитала, в качестве общего закона развития производительных сил осуществляется перенесение части избыточного капитала из II подразделения в I. Эта тенденция проявляется совершенно независимо от того, что кризисы разрешаются чаще всего на основе временного перепроизводства в I подразделении. Такого же решения проблемы придерживается и Герценштейн в упоминавшейся нами работе. Признавая отсутствие решения в бауэровской постановке вопроса, он также полагает, что перенесение капитала осуществляется методами образования товарных запасов, перегруппировки рабочей силы и повышения использования основного капитала.

Мы считали такое решение проблемы неудовлетворительным. Не потому, конечно, что указанные моменты—маневрирование товарными запасами, перегруппировка рабочей силы и различное использование основного капитала—не имеют значения в конкретной динамике капиталистического хозяйства при сглаживании периодически возникающих расхождений между спросом и предложением. Напротив, они

играют роль одного из существенных элементов циклического процесса, но они не могут объяснить общую тенденцию развития, общий закон движения. Если предположить, что только на основе этих методов происходит процесс перераспределения производительных сил, то всему движению будут поставлены близко лежащие пределы: в одном подразделении будут непрерывно усиливаться использование основного капитала и истощаться товарные запасы, в другом же—эти товарные запасы будут непрерывно нагромождаться. В результате мы будем иметь не сглаживание, а постоянное усиление диспропорции между I и II подразделениями. В действительности приспособление с помощью этих приемов размеров и структуры производства к „потребности“ происходит не в одном, а в периодически меняющихся направлениях, и сама смена этих направлений обусловлена тем процессом перераспределения производительных сил, который связан с изменением технической базы производства. Мы имеем здесь дело не с первичными, а с второстепенными формами движения, недостаточными для объяснения его общей тенденции, его закона. В абстрактном анализе проблема перераспределения производительных сил в пользу I подразделения должна быть решена без учета сокращения и расширения товарных запасов. Мы не в праве,—как указывает Маркс,—привлекать этот момент в ходе анализа, поскольку отвлекаемся от него в исходном пункте последнего, т. е. поскольку не принимаем в расчет наличия товарных запасов в момент воспроизводственного процесса, условно принятый нами за начальный.

Итак, мы видим, что существующие попытки анализа процесса расширенного воспроизводства при изменяющемся составе капитала в качестве центральной проблемы исследования выдвинули проблему переноса производительных сил из II подразделения в I. Однако, прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению этой проблемы, мы должны остановиться вкратце на взаимозависимости между воспроизводством продукта и стоимости в условиях действительного движения, т. е. при росте производительности труда. Анализ этой взаимозависимости поможет нам понять, что перенесение стоимости отнюдь не всегда означает действительное перенесение продукта.

4. ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ВОСПРОИЗВОДСТВОМ ПРОДУКТА И СТОИМОСТИ В УСЛОВИЯХ РАСТУЩЕЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Для иллюстрации возможного несовпадения в картине обоих движений, мы возьмем именно тот случай, когда процесс расширенного воспроизводства при прогрессирующей технике может совершаться без изменения отношений между обоими подразделениями, т. е. когда вызванное ростом производительности труда увеличение количества продукта ведет не к усилению темпа накопления, а к непосредственному увеличению личного потребления. Предполагаем, далее, что это увеличение относится исключительно к капиталистическому потреблению, уровень же рабочего потребления, реальная заработная плата, остается неизменным. Неизменным мы предполагаем и качество применяемого труда и следовательно возрастание производительности последнего относим исключительно на счет технических улучшений.

Затем мы предполагаем, что изменение производительности труда носит однократный характер: оно происходит при переходе от первого ко второму году, в дальнейшем же движении закрепляются резуль-

таты достигнутой производительности, т. е. при переходе от второго к третьему году происходят лишь те изменения в распределении продукта и стоимости, которые обусловлены уровнем производительности второго года.

Пусть в первом году количество продукта по стоимости совпадает с его количеством по потребительной стоимости, т. е. одной условной единице первой отвечает одна условная единица второй. Тогда в конце первого года:

$$\begin{array}{r}
 \text{По потребительной стоимости:} \\
 \text{I } 4\,400\,c + 1\,100\,v + 1\,100\,m = 6\,600 \\
 \text{II } 1\,600\,c + 400\,v + 400\,m = 2\,400 \\
 \hline
 6\,000\,c + 1\,500\,v + 1\,500\,m = 9\,000 \\
 \\
 \text{По стоимости:} \\
 \text{I } 4\,400\,c + 1\,100\,v + 1\,100\,m = 6\,600 \\
 \text{II } 1\,600\,c + 400\,v + 400\,m = 2\,400 \\
 \hline
 6\,000\,c + 1\,500\,v + 1\,500\,m = 9\,000
 \end{array}$$

И в том и в другом процессе отношение $m:v = 100\%$, отношение $m:(c+v) = 20\%$.

Предполагаем теперь, что при переходе к следующему году производительность труда возрастает на 10% . Это означает, что то же число рабочих использует на 10% больше элементов постоянного капитала и увеличивает на 10% общее количество вырабатываемого продукта. Элементы постоянного капитала в новом продукте составят— $6\,600$, v —попрежнему будет— $1\,500$, весь продукт— $9\,900$, следовательно, m — $1\,800$. Таким образом из прибавочного продукта прошлого года в размере $1\,500$,— 600 должно быть употреблено на расширение c и 900 поступить в потребительный фонд. Норма накопления будет $\frac{2}{5}m$, или 40% . Итак продукт следующего года по потребительной стоимости будет:

$$\begin{array}{r}
 \text{I } 4\,840\,c + 1\,100\,v + 1\,320\,m = 7\,260 \text{ (Отношение } m:v = 120\%) \\
 \text{II } 1\,760\,c + 400\,v + 480\,m = 2\,640 \text{ (Отношение } m:(c+v) = 22, (2)^{\circ}\%) \\
 \hline
 6\,600\,c + 1\,500\,v + 1\,800\,m = 9\,900
 \end{array}$$

Посмотрим теперь, каково будет распределение продукта по стоимости: $6\,600$ единиц постоянного капитала должны быть приобретены по стоимости прошлого года, т. е. за $6\,600$ единиц стоимости. Каждый рабочий будет попрежнему создавать равную стоимость, хотя и заключающую в себе большую потребительную стоимость. Следовательно $1\,500$ рабочих попрежнему произведут $3\,000$ единиц стоимости ($v+m$) и весь продукт по стоимости будет равен: $6\,600 + 3\,000 = 9\,600$. Таким образом $9\,900$ единиц продукта по потребительной стоимости будет отвечать теперь $9\,600$ единицам стоимости, т. е. одна единица первой будет соответствовать $\frac{32}{33}$ второй. Восстанавливая свой авансированный капитал ($6\,600\,c + 1\,500\,v$) в его вещественных элементах, капиталисты не восстанавливают его по стоимости, так как в единицах последней этот капитал будет составлять теперь только $6\,400\,c + 1\,454,5 = 7\,854,5$ (умножаем на $\frac{32}{33}$). Но капи-

талисты заинтересованы в восстановлении именно стоимости затраченного капитала, и они в состоянии компенсировать эту утрату стоимости из возросшего относительно и абсолютно прибавочного продукта. Последний составляет 1 800 по потребительной стоимости или 1 745,5 по стоимости; 245,5 из последней суммы идет на компенсирование обесценения авансированного капитала ($7\,854,5 + 245,5 = 8\,100$), а 1 500 остается в качестве прибыли. Мы видим следовательно, что простое восстановление капитальной стоимости в условиях прогрессирующей производительности труда создает предпосылки расширенного воспроизводства в следующем году, так как увеличивает материальные ингредиенты капитала. Итак, распределение продукта по стоимости в конце второго года будет:

$$\begin{aligned} \text{I } & 4\,840c + 1\,100v + 1\,100p = 7\,040 \text{ (Отношение } p:v = 100\%) \\ \text{II } & 1\,760c + 400v + 400p = 2\,560 \text{ (Отношение } p:(c+v) = 18,52\%) \\ \hline & 6\,600c + 1\,500v + 1\,500p^6 = 9\,600 \end{aligned}$$

В форме падения нормы прибыли здесь осуществляется фактически усиление эксплуатации и накопление капитала, результаты которого скажутся лишь в следующем, третьем году.

Предполагаем теперь, что в третьем году расширение размеров материального производства происходит на достигнутой технической базе, т. е. без новых изменений в производительности труда и в том же десятипроцентном темпе. Тогда капитал в потребительных стоимостях должен вырасти на 10% и составить вместо $(6\,600c + 1\,500v)$ — $(7\,260c + 1\,650v)$. Из прибавочного продукта в 1 800 накоплению подлежит таким образом — $660c + 150v = 810$. Норма накопления равна 45%. Капитал $7\,260c + 1\,650v$ по потребительной стоимости составит (умножаем на $\frac{32}{33}$) — $7\,040c + 1\,600v$. Таким образом

для расширения размеров материального производства на 10% капитал по стоимости достаточно увеличить на $440c (7\,040c - 6\,600c) + 100v (1\,600v - 1\,500v)$.

Из прибыли в 1 500 накапливается следовательно 540 ($440c + 100v$). Норма накопления равна 36%. На переменный капитал в 1 600 может быть занято теперь вследствие подешевления средств существования 1 650 рабочих. Каждый из них производит две единицы новой стоимости. Вся новая стоимость ($v + m$) будет равна тогда 3 300, следовательно $m = 3\,300 - 1\,600 = 1\,700$. Таким образом в конце третьего года, в течение которого производство велось на достигнутом при переходе от первого года ко второму уровню производительности, распределение продукта по потребительной стоимости и по стоимости будет следующее.

По потребительной стоимости:

$$\begin{aligned} \text{I } & 5\,324c + 1\,210v + 1\,452m = 7\,986 \\ \text{II } & 1\,936c + 440v + 528m = 2\,904 \text{ (} m:v \text{) } m:(c+v) \\ \hline & 7\,260c + 1\,650v + 1\,980m = 1\,890 \text{ (} 120\% \text{) } 22,(2)\% \end{aligned}$$

⁶ Мы говорим здесь о прибыли, а не о прибавочной стоимости, так как часть последней, представляющей собой стоимость прибавочного продукта, идет на компенсирование обесценения капитала.

По стоимости:

$$\begin{aligned}
 I & 5\,162 \frac{2}{3} c + 1\,173 \frac{1}{3} v + 1\,246 \frac{2}{3} m = 7\,582 \frac{2}{3} \\
 II & 1\,877 \frac{1}{3} c + 426 \frac{2}{3} v + 453 \frac{1}{3} m = 2\,757 \frac{1}{3} (m : v) m : (c + v) \\
 \hline
 & 7\,040 c + 1\,600 v + 1\,700 m = 10\,340 \quad 106,25\% \quad 19,68\%.
 \end{aligned}$$

Мы имеем картину равномерно развивающегося процесса материального воспроизводства, формой проявления и условием которого является как раз неравномерность процесса воспроизводства стоимости. Тогда как продукт ежегодно возрастает на 10%, стоимость продукта от первого года ко второму растет на 6,6%, а от второго—к третьему—на 7,7%. Движение нормы эксплуатации в первом процессе и нормы прибыли во втором—не только не совпадают, но обнаруживают прямо противоположные направления движения: при росте первой—вторая падает, при стабильности—растет. Мы могли бы с тем же основанием взять за исходный пункт равномерное воспроизводство стоимости, но тогда ему отвечало бы неравномерное воспроизводство продукта, темп расширения которого при растущей производительности труда должен обгонять темп расширения стоимости. Анализ взаимоотношений между этими двумя движениями не является в настоящее время нашей задачей. Нам важно было лишь отметить, что за определенными изменениями стоимости скрываются изменения материального производства иной интенсивности и иногда иного направления. Поэтому нельзя при решении вопросов расширенного воспроизводства на основе прогрессирующей техники исходить лишь из определенных изменений стоимости, как делало это большинство из писавших на эту тему. Учет этого обстоятельства помогает в частности решить и ту проблему перераспределения производительных сил, которую в качестве центральной проблемы выдвинула дискуссия вокруг вопросов расширенного воспроизводства.

При наших предпосылках процесса эта проблема не вставала, но лишь потому, что сами предпосылки были условны. Но при всей условности взятых предпосылок построенная на них картина движения имеет и общее значение, поскольку в качестве основного условия равновесия расширенного воспроизводства выдвигает не только расширение масштаба, но и повышение уровня личного потребления. Норма накопления у нас падает при повышении производительности труда; более близким к действительности было бы предположение ее возрастания, менее интенсивного, чем рост производительности труда. Но во всяком случае трудно было бы доказать необходимость ее стабильности в этих условиях, а между тем именно это в большинстве случаев признается заранее данной предпосылкой и исходным пунктом анализа всего процесса. Последним обстоятельством, заслуживающим быть отмеченным при рассмотрении нашей схемы, является то, что даже при столь грубом упрощении процесса движение стоимости обнаруживает характернейшие черты циклического процесса: падение нормы прибыли при повышении производительности труда, одновременное создание потенциальных условий расширенного воспроизводства на более высоком техническом уровне, постепенное расширение на основе последнего масштаба производства при одновременном повышении нормы прибыли в период подъема и т. д. Нельзя конечно утверждать, что обнаруженные явления дают объяснение циклу, но они играют в нем свою роль.

5. ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В ПОЛЬЗУ I ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

При решении этой проблемы в абстрактном анализе нужно исходить из раз данной исходной величины общественного капитала и данного распределения последнего между двумя сферами общественного производства. Те ресурсы расширенного воспроизводства, которые с помощью кредита и другими способами могут быть привлечены извне для расширения производства и более быстрого развертывания отдельных отраслей хозяйства, должны быть оставлены в стороне. Это тем более необходимо, что при предположении „чистого“ капиталистического хозяйства такими ресурсами могут быть только „сберегаемые“ части v и предназначенной для потребления доли m . Учет их означает лишь изменение отношений между потребляемой и накапливаемой частями народного дохода, перестановку величин в пределах данной суммы.

Равным образом в абстрактной теории воспроизводства элиминируется огромная роль кредита в деле перераспределения фондов накопления.

Кредит, как и упомянутые выше методы—маневрирование товарными запасами и повышение использования основного капитала—являются важнейшим ферментом конкретной циклической динамики хозяйства, но не являются ее движущей силой. Эти методы дают возможность на данном уровне развития производительных сил более быстрым темпом расширить те отрасли хозяйства, развитие которых является предварительным условием перехода на новый уровень производительности (например производство основного капитала). Они таким образом осуществляют перераспределение производительных сил в ходе цикла, но не в состоянии объяснить того перераспределения, которое наступает при переходе к новому циклу, т. е. при переходе к новому уровню развития производительных сил. В процессе расширенного воспроизводства, совершающегося при прогрессирующей технике, они реализуют формы движения, но не вскрывают тех законов, которыми обусловлено само существование этих форм. Эти законы лежат по линии непосредственной связи между данным уровнем производительности труда и данным распределением производительных сил. Поэтому проблему перераспределения последних мы должны исследовать в начале применительно к самой абстрактной модели хозяйства. На первых ступенях этого исследования мы отвлекаемся даже от денежного накопления, как условия реализации стоимости и сосредоточиваем все внимание на условиях воспроизводства и размещения продукта.

Как мы видели, основная трудность решения проблемы состоит в том, что прогрессивная динамика хозяйства (переход от простого воспроизводства к расширенному, переход в расширенном воспроизводстве к новому уровню производительности, характеризующему более высоким составом капитала) связана с нарушением равновесия между I и II подразделениями и с переходом производительных сил из второго в первое. Препятствием для такого перехода является вещественная определенность продукта II подразделения, существующего в виде определенных потребительных стоимостей, могущих иметь лишь одно функциональное назначение. Из самой формулировки задачи здесь сразу же напрашивается одно решение проблемы, неоднократно указываемое Марксом. Поскольку один и тот же продукт, несмотря на определенность своей вещественной формы, может иметь

различные функциональные значения (сельскохозяйственная продукция может служить например и средствами существования, и средствами производства—сырье, семена и т. д.),—постольку изменение отношений между I и II подразделениями может произойти на почве иного качественного назначения части продукта II подразделения.

Пусть например в схеме простого воспроизводства

$$\begin{array}{r} \text{I } 4\,000\,c + 1\,000\,v + 1\,000\,m = 6\,000 \\ \text{II } 2\,000\,c + 500\,v + 500\,m = 3\,000 \\ \hline 6\,000\,c + 1\,500\,v + 1\,500\,m = 9\,000 \end{array}$$

происходят следующие изменения в функциональных назначениях различных частей общественного продукта: из $1\,000\,m$ I—600 производится в форме средств производства II, а 400 в форме средств производства I; далее из продукта II подразделения в $3\,000—600$, состоящие в свою очередь из $400\,c + 100\,v + 100\,m$, получают назначение служить средствами производства вместо средств существования, идущих на личное потребление. Тогда это должно быть выключено из подразделения и присоединено к I и схема получит следующий вид:

$$\begin{array}{r} \text{I } 4\,400\,c + 1\,100\,v + 1\,100\,m = 6\,600 \\ \text{II } 1\,600\,c + 400\,v + 400\,m = 2\,400 \\ \hline 6\,000\,c + 1\,500\,v + 1\,500\,m = 9\,000 \end{array}$$

Мы получаем таким образом исходную схему расширенного воспроизводства, и дальнейшее движение последнего в рамках этой схемы уже не встречает затруднений. „Расширенное воспроизводство,—говорит Маркс,—рассматриваемое с точки зрения величины стоимости, является сначала только простым воспроизводством. Изменяется не количество, а качественное назначение данных элементов простого воспроизводства, и такое изменение является материальной предпосылкой следующего затем воспроизводства в расширенном масштабе“⁷.

Не может быть сомнения, что указанный Марксом путь перераспределения производительных сил между обоими подразделениями на почве изменения функционального назначения различных частей общественного продукта играет огромную роль и в реальной хозяйственной действительности. На этом пути происходят процессы перехода от натурального хозяйства к товарному, связанные с тем, что все большая доля продуктов добывающей промышленности, в том числе и сельского хозяйства, теряет свой характер предметов непосредственного потребления и становится сырьем или полуфабрикатами для обрабатывающей промышленности, тем самым увеличивая удельный вес I подразделения, которым характеризуется степень развития хозяйственной системы. Однако на этом пути мы еще не постигаем тех изменений во взаимоотношениях обоих подразделений, которые связаны с повышением производительности труда и находят свое выражение в изменении состава общественного капитала.

Для того, чтобы понять сдвиги в распределении производительности сил при изменении производительности труда, необходимо раньше отдать себе отчет в том, как происходит натуральный и ценностный обмен между обоими подразделениями при наличии постоянно суще-

⁷ „Капитал“, т. II, с. 483.

ствующей разницы в уровне производительности каждого из них. Различие в уровнях производительности труда находит свое выражение в различиях органического состава капитала. Поэтому, когда мы имеем такую схему распределения общественного продукта по стоимости:

$$\begin{array}{l} \text{I} \quad 4\,500\,c + 1\,000\,v + 1\,000\,m = 6\,500 \\ \text{II} \quad 1\,500\,c + 500\,v + 500\,m = 2\,500 \\ \hline 6\,000\,c + 1\,500\,v + 1\,500\,m = 9\,000 \end{array}$$

мы должны предположить, что по потребительной стоимости продукт распределяется иначе в соответствии с различием в производительности труда: в I подразделении большее количество потребительных стоимостей будет обладать меньшей стоимостью, во II подразделении меньшее количество потребительных стоимостей — большей стоимостью. Если предположить, что во всем общественном производстве количество продукта по стоимости совпадает с его количеством по потребительной стоимости, то эти 9 000 единиц потребительной стоимости распределятся между обоими подразделениями в соответствии с абсолютной величиной и составом капитала в каждом из них, т. е. в отношении 5,5:2 (в I подразделении состав капитала 4,5:1, во II—1,5:0,5). Продукт I подразделения будет равен 6 600, II—2 400. Так как постоянный капитал должен восстанавливаться в своем вещественном составе, реальную заработную плату мы предполагаем неизменной, то это расхождение между стоимостью и потребительной стоимостью должно выразиться в различной относительной величине прибавочного продукта. Распределение общественного продукта по потребительной стоимости будет:

$$\begin{array}{l} \text{I} \quad 4\,500\,c + 1\,000\,v + 1\,100\,m = 6\,600 \\ \text{II} \quad 1\,500\,c + 500\,v + 400\,m = 2\,400 \\ \hline 6\,000\,c + 1\,500\,v + 1\,500\,m = 9\,000 \end{array}$$

Размещение материального продукта не вызывает затруднений. Производство I равно $c(I+II) = 6\,000 + \text{добавочное } c(I+II) = 600$, всего 6 600. Производство II равно $v(I+II) = 1\,500 + \text{добавочное } v(I+II) = 150 + \frac{1}{2}m = 750$; всего 2 400. Однако условием такого размещения продукта является продажа его не по стоимости, а по ценам производства, которые и приспособляют ценностный обмен к условиям материального производства, к различным уровням производительности труда в I и II подразделениях, в то же время в равной норме прибыли уравнивая и капиталистические условия производства.

Таким образом при реализации по ценам производства происходит перенесение из I во II подразделение 100 единиц стоимости (100 m II). Но это перенесение осуществляется в форме удорожания продукта I и обесценения продукта II, так что никакого фактического переноса не совершается. Перенесение стоимости вовсе не означает перенесения продукта, 100 m II вовсе не поступают в I в своей вещественной форме. Напротив, перенесение стоимости происходит именно для того, чтобы предупредить перенесение продукта в его вещественной форме из I во II, так как при обмене по стоимости и при различии в производительности труда, II подразделение получало бы относительно большее количество средств производства, что обеспечило бы ему возможность расширенного воспроизводства независимо от собственного накопления.

Итак, при различии производительности труда происходит перенесение не вещества, а стоимости; увеличение же количества продукта I подразделения по сравнению со II является результатом не этого перенесения стоимости, а результатом более высокой производительности труда. Здесь мы весьма близки уже к решению проблемы перераспределения производительных сил в пользу I подразделения. Основное затруднение, возникающее при решении этой проблемы и сводящееся к невозможности превращения одного вещества в другое, оказывается несуществующим. Оно и возникло только потому, что исследователи вопроса, имея перед глазами лишь стоимостную форму процесса, совершенно необоснованно приравнивали перенесение стоимости к перенесению вещества и не хотели заметить, что это перенесение стоимости есть не условие, а результат более быстрого развертывания I подразделения на основе более высокой производительности труда в нем.

Когда мы предполагаем постоянными различия в производительности труда обоих подразделений, мы тем самым предполагаем постоянными и условия перенесения стоимости из II подразделения в I. В самом этом перенесении осуществляется нивелировка условий производства, выступающая в качестве необходимой предпосылки равновесия между отраслями различной производительности. Только при реализации своего продукта по ценам производства, превышающим стоимость, I подразделение в состоянии делать относительно большие вложения в постоянный капитал при сохранении одинаковой со II подразделением нормы накопления и равного темпа расширения производства. Таким образом несмотря на неэквивалентность обмена по стоимости, равновесие между обоими подразделениями не только не нарушается, но напротив сама эта неэквивалентность стоимостного обмена становится условием сохранения равновесия.

Так обстоит дело, если различия в производительности труда предполагать хотя и существующими, но неизменными, сохраняющимися на всем протяжении равномерно развивающегося процесса. Но если предположить, что различия эти от года к году меняются, что рост производительности труда происходит не одинаковым темпом в обоих подразделениях, что в свою очередь находит выражение в неодинаковом изменении состава капитала, то условия равновесия между I и II подразделениями будут ежегодно меняться, хотя бы темп расширения всего общественного производства продолжал оставаться равномерным. Тогда ежегодно мы будем иметь процесс нового перераспределения капитала в пользу I подразделения, осуществляемый не в форме перенесения вещества, а в форме обесценения продукта II и соответствующего возрастания в цене продукта I. Эти прибавки и вычеты из цены продукта не только не равнозначны превращению одного вещества в другое, напротив они являются необходимым выражением тех изменений в количестве производимого вещества, которых не несет с собой изменившаяся производительность труда.

Анализ отношений между воспроизводством продукта и воспроизводством стоимости в этих условиях меняющейся производительности труда не является нашей специальной задачей. Мы показали выше, что эти движения отнюдь не совпадают. Однако между ними существует и теснейшая зависимость, как раз и выражающаяся в том, что распределение стоимости подчиняется тому распре-

делению производительных сил, которое обусловлено уровнем производительности труда.

Посмотрим теперь, как осуществляется переход к новым условиям равновесия.

Берем исходные цифры для общественного продукта данного года $6\ 000c + 1\ 500v + 1\ 500m = 9\ 000$. Предполагаем теперь, что состав капитала возрастает: вместо 4:1, он становится 4,5:1. При накоплении $1/2$ общественного $m = 750v$ вся эта сумма в следующем году может быть присоединена к c без увеличения v . Но это требует определенного распределения продукта между I и II подразделениями уже в данном году. Постоянный капитал будущего года будет равен 6 750, чему должно равняться производство I в данном году, и тогда производство II составит 2 250. Таким образом в качестве предпосылки для изменения органического состава всего общественного капитала мы должны предположить, что в силу ранее происшедших изменений производительности труда наступило резкое нарушение отношений между обоими подразделениями уже в данном году. Допустим для простоты, что это изменение касается лишь размеров прибавочного продукта, хотя само собой очевидно, что это предварительное накопление элементов предстоящего изменения структуры общественного производства является весьма сложным процессом, в основном постигаемым лишь при анализе циклического движения. Но для нас важно сейчас определить лишь основную тенденцию развития, и поэтому преемственной связью процесса мы можем временно пренебречь, сосредоточив внимание на его результатах.

Итак, распределение продукта в данном году мы предполагаем следующим:

	Подлежит потреблению	Подлежит накоплению
I $4\ 400c + 1\ 100v + 1\ 250m = 6\ 750$	550 m	700 m
II $1\ 600c + 400v + 250m = 2\ 250$	200 m	50 m
<hr/>	<hr/>	<hr/>
$6\ 000c + 1\ 500v + 1\ 500m = 9\ 000$	750 m	750 m

Тогда в следующем году производство равно:

	Органич. состав
I $5\ 100c + 1\ 100v + 1\ 240m = 7\ 440$	4,64:1
II $1\ 650c + 400v + 410m = 2\ 460$	4,125:1
<hr/>	<hr/>
$6\ 750c + 1\ 500v + 1\ 650m = 9\ 900$	4,5:1

Таким образом для изменения структуры всего общественного производства в направлении, отвечающем более высокой производительности труда, размер производства и состав капитала, отражающий уровень производительности труда, в I подразделении должен возрастать быстрее, чем во всем общественном производстве, и значительно быстрее чем во II подразделении.

Таким образом, если история капиталистического машинного производства обнаруживает более быстрое развертывание производства средств производства за счет относительного сокращения производства предметов потребления, то это в свою очередь требует более быстрого развития в первой области производительности труда. Относительное возрастание I подраз-

деления в совокупной величине общественного производства, если отвлечься от методов непосредственного переноса капитала, может быть результатом только более быстрого темпа роста в нем производительности труда. Это—основная линия развития производительных сил, одновременно и необходимая форма, и необходимый результат этого развития. Перераспределение производительных сил осуществляется не столько путем перераспределения их наличного состава, сколько путем перераспределения темпов роста их отдельных элементов.

Такой вывод неизбежно вытекает из самого общего анализа процесса расширенного воспроизводства при прогрессе техники. Однако он не может считаться общепризнанным. Так, например тот же С. Губерман отстаивает положение, прямо противоположное нашему тезису. Приравнивая производство средств производства к добывающей, а производство предметов потребления к обрабатывающей промышленности, он утверждает, что в первой производительность труда возрастает медленней вследствие наличия естественных препятствий к расширению производства. Не будучи в состоянии подробно остановиться на его точке зрения, мы укажем лишь на очевидную неверность той теории, которая производство элементов постоянного капитала приравняет к добывающей промышленности, а основной закон развития производительных сил—повышение удельного веса I подразделения—объясняет фактически из расхождения цен на сырье и готовые изделия.

Мы не хотим конечно утверждать, что выдвигаемый нами момент—различие темпов роста производительности труда—устраняет все без исключения затруднения в процессе перераспределения производительных сил, происходящем при расширенном воспроизводстве. Напротив, мы думаем, что реальной формой движения является цикл со всеми свойственными ему производственными нарушениями. Мы лишь полагаем, что указание на этот момент разрушает тот вывод о невозможности самого процесса расширенного воспроизводства, который делала из проблемы переноса капитала школа Р. Люксембург и который до сих пор еще не нашел убедительного опровержения.

6. РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНОГО КАПИТАЛА

а) Восстановление *in natura* и износ

Маркс решает проблему восстановления основного капитала применительно к условиям простого воспроизводства. Так, он указывает, что это восстановление не происходит одновременно во всех пунктах общественного производства: тогда как одна часть капиталистов восстанавливает свой капитал *in natura*, другая часть переносит стоимость изношенной части основного капитала на стоимость продукта и накапливает ее в денежной форме. Несмотря на возможные отклонения, спрос и предложение, концентрирующиеся вокруг этой части годового продукта, должны уравниваться, и следовательно равенство между восстановлением *in natura* и износом, между долей, фактически обновляемой, и долей, показывающей лишь потерю в стоимости продолжающего функционировать капитала, принадлежит к основным условиям равновесия воспроизводственного процесса. Подобно этому Маркс разрешает и проблему денежного накопления

и превращения прибавочной стоимости в дополнительный капитал в условиях расширенного воспроизводства. Различные индивидуальные капиталы находятся на различных ступенях превращения прибавочной стоимости. „Одна часть капиталистов постоянно превращает свой потенциальный денежный капитал, возросший до соответствующей величины, в производительный капитал, т. е. на деньги, накопленные путем превращения в золото прибавочной стоимости, покупает средства производства, добавочные элементы постоянного капитала; в то же время другая часть капиталистов еще занята накоплением своего потенциального денежного капитала“.⁸

Надо сказать с самого начала, что это условие равенства между накоплением прибавочной стоимости в денежной форме и ее реализацией в добавочные элементы производства, имеющее большое значение для анализа содержания процесса, в основном одинакового и для простого и для расширенного воспроизводства, в условиях последнего полностью соблюдаться не может и, напротив, превращается в закономерно возникающую формулу неравенства. В самом деле, предположим, что в соответствии с марксовыми предпосылками, все общественное производство распадается на ряд частей, одновременно совершающих расширение своего производства *in patria*, и что ежегодное расширение всего производства составляет 10%. Тогда первая часть, в данном году совершающая расширение производства, используя свое денежное накопление за предшествующие годы, должна обеспечить расширение всего общественного производства на $\frac{1}{10}$. Но в следующем году размер последнего будет уже 1,1 и, следовательно,

расширение должно составить $\frac{1,1}{10}$. Та часть, которая в этом году совершает свое расширение, если норма накопления во всех частях одинакова, должна быть больше предшествующей на $\frac{1}{10}$. Итак, для обеспечения ежегодного расширения всего производства на 10%, части должны быть неравными и относиться друг к другу, как 1:1, 1:1, 21:1, 331.

Если предположить, что все общественное производство состоит из четырех таких частей, то размер последнего выразится величиной 4,641 (1 + 1, 1 + 1, 21 + 1, 331), а ежегодное расширение производства будет равно $\frac{4,641}{10}$ т. е. 0,4641. Эту величину мы считаем равной

$\frac{1}{2}$ общественного *m*. Но так как та часть, которая в данном году совершает расширение производства, приравнена нами к единице и, следовательно, меньше $\frac{1}{4}$ целого, то для того, чтобы ее накопление за четыре года составило $\frac{1}{2}$ общественного *m*, она сама вынуждена накапливать ежегодно больше $\frac{1}{2}$ своего *m*. Ее накопление определяется из пропорции $X : 0,5 m = 4,641 : 4$. Откуда $X = 0,5801 m$.

⁸ „Капитал“, т. II, с. 468.

Каждая последующая часть в год своего расширения производства окажется в положении первой части и, следовательно, расхождение между накоплением прибавочной стоимости и расширением производства *in natura* относится ко всем частям, т. е. ко всему обществу производству. Итак, даже при предположении равномерно расширенного воспроизводства мы встречаемся с закономерным нарушением равновесия между расширением производства *in natura* и аккумуляцией прибавочной стоимости. В нашем примере первое равно 0,5 т, а второе 0,5801 т, т. е. ежегодное денежное накопление должно быть больше ежегодного производительного накопления. Разница покрывается за счет расширенного воспроизводства денежного материала: превышающая натуральное накопление часть аккумулируемой прибавочной стоимости реализуется в обмене с золотопромышленностью. Последняя должна возрастать пропорционально расширению всего общественного производства, и Маркс неоднократно указывал, что, если бы не было кредита, это обстоятельство могло бы стать большим препятствием к развитию производительных сил в капиталистическом хозяйстве.

Проблема денежного накопления не является нашей темой. Мы затронули ее здесь лишь потому, что иллюстрируемые ею затруднения, впервые возникающие при анализе расширенного воспроизводства, полностью относятся и к проблеме расширенного воспроизводства основного капитала. Последнюю также нельзя решать по аналогии с простым воспроизводством. В теории, как впрочем и в конкретной действительности, процесс восстановления основного капитала в условиях расширяющегося производства нельзя отличать от самого процесса расширения последнего. Восстановление происходит одновременно с расширением и следовательно само несет характер расширенного воспроизводства. Но в таком случае и здесь не может быть равенства части основного капитала, восстанавливаемой *in natura*, и части передающей свою стоимость стоимости продукта. Предположим, что весь общественный основной капитал равен 6 000 и что восстанавливается он равными долями в четыре года. Каждый год следовательно восстанавливается 1 500, и через четыре года затраченный капитал восстанавливается полностью. Но во втором году при предположении ежегодного возрастания производства, а вместе с ним и основного капитала, на 10%, износ будет равен уже 1 650, т. е. превышать восстановление на 150. В следующем году разница будет еще больше.

Предполагать, что и здесь разница покрывается накоплением в денежной форме, нельзя, так как речь идет о таком материальном компоненте процесса, без воспроизводства которого невозможен сам процесс. Остается следовательно только одно предположение и предположение это полностью отвечает капиталистической действительности: ежегодно должно производиться основного капитала больше чем изнашивается, так чтобы производство данного года покрывало уже увеличивающийся износ будущего года. Это и имеет место в силу самой логики процесса расширенного воспроизводства. Но мало этого. Производство основного капитала в данном году при предположении расширенного воспроизводства должно быть больше, чем износ будущего года. Если предполагать технические условия неизменными, то расширение производства на 10% требует и соответствующего расширения действующего основного капитала, т. е. последний должен увеличиться с 6 000 до 6 600. Лишние 600 единиц основного капитала должны быть произведены

уже в данном году для того, чтобы в следующем году расширение производства оказалось возможным. Итак, производство основного капитала должно составлять не 1 500 и не 1 650 (износ будущего года), а 2 100. При росте всего общественного производства на 10%, ежегодное производство основного капитала должно превышать ежегодный износ на 40%.

Отсюда следует, что при переходе от простого к расширенному воспроизводству, а равно при всяком усилении темпа последнего в условиях неизменной техники, производство основного капитала должно возрастать в значительно более интенсивном темпе, чем все общественное производство в целом. В этом одна из основных причин перераспределения производительных сил в пользу I подразделения. Повышение производительности применяемого капитала вносит коррективы в эту тенденцию, но самого существования последней отменить не может. Однако эта неравномерность темпов расширения обнаруживается лишь при нарушениях данных условий процесса в переломных пунктах кривой хозяйственной динамики. Раз осуществившись, эта неравномерность становится в дальнейшем предпосылкой уже равномерного движения, если только породившие ее условия не изменились. В самом деле, если однажды уже произошло расширение производства основного капитала на 40% в качестве предпосылки для расширения всего производства на 10%, то в дальнейшем при неизменности всех условий ежегодно не будет повторяться это различие темпов, производство основного капитала будет ежегодно возрастать на 10%. Причина этого лежит в том, что вновь произведенные дополнительные элементы основного капитала обладают длительным существованием, и следовательно лишь в определенной части своей подлежат ежегодному восстановлению. По нашим предложениям основной капитал второго года равен 6 600, а производство основного капитала в первом году 2 100. В третьем году капитал при новом расширении производства на 10% должен быть равен 7 260 ($6\,600 + 660$). Для того, чтобы обеспечить такие размеры основного капитала при переходе к третьему году, производство этого капитала во втором году должно: во-первых, покрывать износ равный $6\,600 : 4 = 1\,650$, и во-вторых, создать дополнительные элементы основного капитала в размере 660. Производство основного капитала во втором году будет составлять следовательно 2 310, т. е. должно быть увеличено на 10% по сравнению с прошлым годом ($2\,100 + 210 = 2\,310$). Несмотря на то, что при переходе к третьему году размер действующего основного капитала должен быть увеличен на 660, дополнительно произведено во втором году должно быть лишь 210 единиц. Итак, при сохранении раз принятых условий движения, производство основного капитала ежегодно возрастает на 10% в соответствии с возрастанием всего общественного продукта, но по отношению к ежегодному износу, оно в каждом году будет составлять 140%.

Соотношение в движении этих величин будет следующим:

Годы	Весь общественный продукт	Действующ. основ. капитал	Ежегодный износ основного капитала	Ежегодное пр-ство основн. капитала
1	9 000	6 000	1 500	2 100
2	9 900	6 600	1 650	2 310
3	10 890	7 260	1 815	2 541
4	11 979	7 986	1 996,5	2 795,1

Таким образом условием равномерно расширенного воспроизводства является постоянное превышение новых капитальных вложений над амортизирующейся частью стоимости действующего основного капитала. Спектатор⁹ первую величину называет N , вторую плюс денежное накопление прибавочной стоимости— A . Он полагает, что соотношение между этими величинами определяет механизм спроса и предложения и дает три возможных состояния рынка ($N < A$, $N = A$ и $N > A$), отвечающих трем фазам цикла. Объективную закономерность этих отношений количественной зависимости между N и A Спектатор даже не пытается установить. Он не видит, что условием расширенного воспроизводства является лишь третий случай— $N > A$ и что, следовательно, нарушение этого отношения может возникнуть лишь как результат циклических нарушений воспроизводственного процесса, но не как их предпосылка. Различные случаи зависимости между N и A выступают у него как произвольные допущения и в то же время им отводится роль определяющей причины. В результате мы имеем теорию цикла, построенную на „законе спроса и предложения“ в его обычной трактовке, т. е. одну из тех теорий, которые, по выражению Маркса, „простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла“ принимают за „их причины“.

После сделанных общих замечаний иллюстрируем теперь схемой процесс равномерно расширенного воспроизводства продукта, при учете расширенного воспроизводства основного капитала.

б) Схема расширенного воспроизводства основного капитала

Предполагаем, что общий размер производства в первом году у нас равен 9 000 и что достигается этот размер производства при применении основного капитала в 6 000 единиц полностью, восстанавливаемого *in patria* в четыре года. Тогда состав продукта у нас будет таков: 6 000 *c* (из них 1 500 *c* основного и 4 500 *c* оборотного) + 1 500 *v* + 1 500 *m*. Устанавливаем теперь условия, необходимые для расширения всего производства на 10%. Оборотный капитал должен возрасти на 10%, т. е. на 450, и размер его производства должен составить 4 500 + 450 = 4 950. Размер всего действующего основного капитала также должен возрасти на 10%, т. е. на 600, и сверх того из годового производства должен быть покрыт износ в размере 1 500. Следовательно общая сумма производства основного капитала составит 2 100. Производство элементов переменного капитала при 10%-ном возрастании должно составить — 1 500 + 150 = 1 650. Все дополнительные элементы расширенного воспроизводства могут быть взяты лишь из общественной прибавочной стоимости, составляющей 1 500. Из этой суммы должны быть таким образом вычтены 450 *c* оборотного + 600 *c* основного + 150 *v*. Для потребления капиталистов остается следовательно всего 300 (1 500 — 450 — 600 — 150 = 300). Выражая все это в долях *m*, получаем: на расширение оборотного капитала затрачивается $\frac{3}{10} m \left(\frac{450}{1500} \right)$, на расширение основного капитала $\frac{2}{5} m \left(\frac{600}{1500} \right)$, на расширение переменного капитала— $\frac{1}{10} m \left(\frac{150}{1500} \right)$ и в качестве фонда потребле-

⁹ „Мировое хозяйство до и после войны“, т. III, ч. 1.

ния капиталистов всего $\frac{1}{5}m \left(\frac{300}{1500} \right)$. Размер производства оборотного капитала будет составлять $\frac{3}{4}$ общественного с $+\frac{3}{10}$ общественного m ; производство основного капитала — $\frac{1}{4}c + \frac{2}{5}m$ и производство переменного капитала — $v + \frac{1}{10}m$. Общий размер производства I подразделения (производство основного и оборотного капитала вместе) будет равен $4950 + 2100 = 7050$; размер производства II подразделения (производство переменного капитала и потребляемой части прибавочной стоимости) будет равен $1650 + 300 = 1950$. Строим теперь схему, вынося производство основного капитала в виде подразделения I (Ia):

$$\begin{array}{r}
 Ia \quad 1400c + 350v + 350m = 2100 \\
 Ib \quad 3300c + 825v + 825m = 4950 \\
 II \quad 1300c + 325v + 325m = 1950 \\
 \hline
 6000c + 1500v + 1500m = 9000
 \end{array}$$

При наших предпосылках норма накопления очень высока — $\frac{4}{5}$ общественного m , тогда как норма потребления очень низка, составляя всего $\frac{1}{5}m$. Это не должно смущать, так как, во-первых, мы отвлекаемся от роста производительности основного капитала, предполагая, что он должен возрастать в строгом соответствии с ростом всего продукта, во-вторых, допускаем слишком высокие для современного капитализма темпы ежегодного прироста и, в-третьих, наконец оставляем в стороне все источники внепромышленного накопления.

Посмотрим теперь, как совершается обмен между различными подразделениями:

I б на восстановление и расширение своего основного капитала употребляет $\frac{1}{4}$ своего c и $\frac{2}{5}m$, т. е. $825 + 330 = 1155$. В обмен за это I а отдает $\frac{3}{4}$ своего c и $\frac{3}{10}$ своего m , т. е. $1050 + 105 = 1155$, получая таким образом необходимое ему c оборотное. II нуждается в основном капитале в размере $\frac{1}{4}$ своего c и $\frac{2}{5}$ своего m , т. е. в размере $325 + 130 = 455$. I а дает ему в обмен свое v + добавочное v + потребительный фонд капиталистов в размере $\frac{1}{5}m$. Всего следовательно: $350 + 35 + 70 = 455$. II в результате этого обмена получает необходимые ему элементы основного капитала; I а — необходимые ему средства существования. Необходимый для I а основной капитал в размере $\frac{1}{4}$ его c и $\frac{2}{5}$ его m ($350 + 140 = 490$) он удерживает из своего продукта. Итак: I а передало в I б — 1155, во II — 455 и оставило у себя 490; всего — 2100. Его продукт размещен полностью. Теперь остается обмен между I б и II. I б оставляет у себя из своего продукта необходимый ему обо-

ротный капитал в размере $\frac{3}{4}$ своего c и $\frac{3}{10} m$. Это составит: $2475 + 247,5 = 2722,5$. В обмен со II поступает $v +$ добавочн. v I $b +$ потребительный фонд $\left(\frac{1}{5} m\right)$, т. е. $825 + 82,5 + 165 = 1072,5$. II обменивает на это $\frac{3}{4}$ своего $c + \frac{3}{10} m = (975 + 97,5 = 1072,5)$, получая таким образом необходимое ему c оборотное. Итак: I b оставляет у себя — 2722,5 передает в I a — 1155 и во II — 1072,5, всего — 4950; II оставляет у себя 422,5 передает I a — 455 и I b — 1072,5, всего — 1950. Весь общественный продукт размещен полностью.

Данная нами схема предполагает равномерное расширение всего производства, постепенное, а не периодическое восстановление и расширение основного капитала и наконец неизменную технику, при которой всякое увеличение продукта требует соответствующего увеличения действующего основного капитала. Само собой разумеется, что указанные предпосылки не являются предпосылками действительного движения. Если на основе этих условных допущений пришлось составить условную схему процесса, то лишь для того, чтобы завершить анализ равномерно расширенного воспроизводства, совершающегося на основе неизменной техники. Анализ этот, дающий представление о составных элементах процесса, но не о его конкретной форме, требовал включения в него и момент расширенного воспроизводства основного капитала, совершающегося не периодически, а постепенно.

Любопытно сопоставить полученные нами исходные схемы:

Простое воспроизводство:

$$\begin{array}{l|l} \text{I } 4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000 \\ \text{II } 2000 c + 500 v + 500 m = 3000 \\ \hline 6000 c + 1500 v + 1500 m = 9000 \end{array} \left| \begin{array}{l} \text{В общей сумме производства про-} \\ \text{изводство I составляет } 66,6(6)\% \\ \text{II — } 33,3(3)\% \end{array} \right.$$

Расширенное воспроизводство без учета воспроизводства основного капитала:

$$\begin{array}{l|l} \text{I } 4400 c + 1100 v + 1100 m = 6600 \\ \text{II } 1600 c + 400 v + 400 m = 2400 \\ \hline 6000 c + 1500 v + 1500 m = 9000 \end{array} \left| \begin{array}{l} \text{I — } 73,3(3)\%; \text{ II — } 26,6(6)\% \end{array} \right.$$

Расширенное воспроизводство с учетом воспроизводства основного капитала:

$$\begin{array}{l|l} \text{I } 4700 c + 1175 v + 1175 m = 7050 \\ \text{II } 1300 c + 325 v + 325 m = 1950 \\ \hline 6000 c + 1500 v + 1500 m = 9000 \end{array} \left| \begin{array}{l} \text{I — } 78,3(3)\%; \text{ II — } 21,6(6)\% \end{array} \right.$$

Сопоставление этих схем совершенно ясно обнаруживает тенденцию динамики, сводящуюся к более быстрому возрастанию I подразделения и к повышению удельного веса последнего в совокупном производстве при переходе от менее к более прогрессивному типу хозяйственного процесса. Не прав однако С. Губерман, когда он утверждает, что это расхождение в темпах роста естественно вытекает

из условий воспроизводства основного капитала и дано, как постоянно сопутствующее расширенному воспроизводству явление, как условия образования „нормального рынка“. Как мы показали выше, при раз данных и неизменных условиях процесса производство основного капитала может расширяться в одинаковом темпе со всем остальным производством, превосходя из года в год на определенную величину ежегодный износ этого капитала. Расхождение в темпах является не постоянным спутником процесса расширенного воспроизводства, а отмечает собой поворотные пункты в этом процессе, те пункты, где меняются сами условия последнего. Прогрессивное относительное сокращение производства предметов потребления нельзя понять из одних условий воспроизводства основного капитала, не привлекая к анализу рост производительности труда и связанное с ним изменение состава капитала. Вернее, и сама проблема основного капитала без привлечения этих моментов остается нерешенной.

Мы следовательно разрешили лишь небольшую часть задачи, указав на отвечающие условиям расширенного воспроизводства отношения между износом основного капитала и его восстановлением *in natura*. Отношения эти оказались отличными от отношений простого воспроизводства. Следующими моментами в анализе расширенного воспроизводства вообще и расширенного воспроизводства основного капитала в частности должны быть: во-первых, учет изменений техники при новых вложениях основного капитала и, во-вторых, учет периодического характера этих вложений. Первый момент на стороне материального воспроизводства вызывает изменение темпов, неравномерность движения, нарушение отношений между обоими подразделениями и т. д.; в области же явлений стоимости—нарушение условий реализации, расхождение заготовительной и восстановительной стоимости товаров, моральное обесценение действующего основного капитала и т. д. Второй момент—периодичность в расширении основного капитала—отчасти вытекает из первого момента, т. е. из изменения технических условий при новых вложениях капитала, отчасти из условий производства самого основного капитала, в силу которых в едином процессе воспроизводства многолетний оборот основного капитала переплетается с ежегодными циклами воспроизводства остальной части общественного продукта. В действительности мы имеем дело с усложненной формой движения: основной капитал не только периодически расширяется через определенные промежутки времени, но и частично возмещается и возобновляется в течение своего кругооборота. Тем самым в известных пределах образуется устойчивый спрос на средства производства, наличие которого не уничтожает однако периодичности процесса.

Рассмотрение процесса воспроизводства при этих предпосылках выдвигает такое количество новых проблем, что ему целесообразно посвятить особый очерк. Тема последнего непосредственно приблизит нас к выяснению циклической закономерности воспроизводственного процесса, к анализу движущих сил и механизма цикла.

Б. Н.

ТРИ КНИГИ ПО АКТУАЛЬНЕЙШИМ ПРОБЛЕМАМ НАШЕЙ ЭКОНОМИКИ

1) **Промышленность.** Сборник статей под редакцией А. П. Розенгольца, по материалам ЦКК НК РКИ СССР.

2) **Социалистическая рационализация в борьбе с потерями.** По материалам РКИ составил В. Ледер.

3) **Борьба с потерями в народном хозяйстве.** Сборник статей под редакцией А. Кана. Издание Всесоюзного штаба по борьбе с потерями.

Вышедшие почти одновременно (к XVI партсъезду) названные выше три книги представляют несомненно значительное, новое явление среди экономической литературы последнего времени.

Сборник «Промышленность» и—в значительной части своей—книга «Социалистическая рационализация в борьбе с потерями» представляют собою ряд статей и материалов, дающих фактически сводку конкретных данных о работе ЦКК—РКИ в области рационализации нашей промышленности, проведенной за период между XV и XVI партсъездами. Первая книга охватывает преимущественно основные отрасли тяжелой индустрии, в том числе черную металлургию (отдельно освещена проблема Уральской металлургии), железнорудную промышленность, шахтное строительство в каменноугольной промышленности, нефтяную, коксобензольную, торфяную, проблемы машиностроения (паровозо- и вагоностроение, дизелестроение), проблему стройматериалов и кроме того хлопчатобумажную промышленность. Вторая книга дает ряд аналогичных данных, относящихся к проблеме машиностроения (станкостроение, текстильное машиностроение, морское торговое судостроение, арматурное производство) и, кроме того, освещает проблемы лесного хозяйства и лесной промышленности.

Перечисленные материалы характеризуют ту область работы ЦКК—РКИ, которая получила свою оценку на XVI партсъезде, особо отметившем большую работу ЦКК—РКИ по максимальному использованию «преимуществ плановой системы и инициативы миллионов трудящихся в хозяйственном строительстве страны», и «внутренних резервов в народном хозяйстве». Большинство этих материалов нашло отражение в решениях директивных и правительственных органов и легло в основу пересмотра пятилетнего плана по ряду хозяйственных участков.

Значительная часть книги «Социалистическая рационализация» и целиком сборник «Борьба с потерями в народном хозяйстве» посвящены проблемам и результатам работы по рационализации и борьбы с потерями и уделяют особое внимание методологии и организационным формам этой работы. В частности последняя книга дает ряд очерков опыта проведения кампании борьбы с потерями на отдельных предприятиях («Электростанция»,

1-й Хлопчатобумажный трест, «Электросила» и др.) и статей, посвященных проблеме потерь в различных отраслях народного хозяйства (транспорт, сельское хозяйство, топливное хозяйство, энергохозяйство, строительство, пищевая промышленность и т. д.).

Общее для трех приведенных книг, объединяющая их идея—борьба за использование преимуществ социалистического хозяйства и против реакционных тенденций, препятствующих их развитию (А. П. Розенгольц,—Сборник «Промышленность»), выяснение того «насколько правильно хозяйственные органы используют преимущества нашего планового хозяйства» (М. М. Каганович, «Социалистическая рационализация»), изучение тех потерь, которые выявляются нами «в свете особенностей техники советской хозяйственной системы» (Г. М. Кржижановский, «Борьба с потерями в народном хозяйстве»).

Эти идеи объединяют все эти работы, несмотря на различие методов, положенных в основу обследований РКИ и работ штаба борьбы с потерями. Первые освещают отдельные проблемы промышленности и народного хозяйства с точки зрения общего направления их развития и полного использования имеющихся в них наличных резервов (иногда под углом зрения узкой области капитального строительства),—в то время, как вторые сосредоточивают внимание на выявлении потерь в существующем производственном аппарате.

Другое общее, что объединяет три рецензируемых сборника—это преобладание в них богатейшего конкретного материала (обследования ЦКК—НКРКИ СССР, описания отдельных опытов и достижений в борьбе с потерями и т. д.).

Изучение этих материалов, их внимательный анализ—долг не только каждого практического работника народного хозяйства, плановика, рационализатора, но и каждого экономиста, работающего над проблемами развития народного хозяйства Союза. В особенности хозяйственные и плановые органы найдут там ряд указаний, имеющих исключительно важное значение для перспективного планирования и разрешения задачи лучшего использования наличных производственных ресурсов. Найдут много ценного в нем однако и работники занятые теоретическими проблемами советского хозяйства.

Вопросы т. н. «конкретной экономики» являются у нас уделом почти исключительно профессионалов-экономистов, работников плановых органов, хозобъединений и т. п., призванных заниматься ими «по долгу службы». Материалы этого рода (исключая разве конъюнктуру, которой более везет) не всегда находят место в экономической печати и украшают почти исключительно официальные отчеты, обоснования, проектировки и т. д. В лучшем случае они иногда находят скромное место в узко-специальных техно-экономических органах.

Теоретические проблемы в приложении к экономике Союза в настоящее время, когда на практике осуществляется программа индустриализации нашей страны, когда вопрос о преимуществах планового социалистического хозяйства стал в форме актуальной задачи мобилизации внутренних ресурсов, борьбы против расточительства в разных его формах,—не может базироваться исключительно на общетеоретических рассуждениях и статистических выкладках (обычно устаревших и отстающих от темпа нашего роста). Задачей является кропотливое изучение конкретных фактов нашей работы на отдельных участках хозяйственного фронта. Но «к сожалению, красные профессора не уделяли и не уделяют должного внимания этим вопросам». В этой области должен быть создан крутой перелом. Это характеризует именно тот «разрыв между нашими практическими

успехами и развитием теоретической мысли», который был отмечен т. Сталиным в его речи на конференции аграрников-марксистов 27/XII 1929 г.

Анализ материалов сборников позволяет поставить и осветить ряд актуальнейших экономических проблем и этим должны заняться безотлагательно экономисты, работающие над теоретическими проблемами советского хозяйства.

В этой статье мы считаем нужным затронуть лишь отдельные проблемы, которые считаем наиболее актуальными.

Важнейшей текущей проблемой, над которой должна усиленно работать экономическая мысль в связи с огромной исторической задачей индустриализации нашей страны и построения социализма, должна быть проблема выявления скрытых резервов планового хозяйства. Социализм несет освобождение скованных капитализмом производительных сил и создает предпосылки к неслыханному их развитию. Это основное положение марксизма уже нашло свое подтверждение в практике хозяйственного строительства нашего Союза за последние годы. Невиданные еще в истории развития самых передовых промышленных стран темпы развития народного хозяйства стали фактом, который не оспаривают даже наши злейшие враги.

Однако, мы еще как следует не вскрыли причин этих наших успехов, не осознали тех конкретных преимуществ, которые имеет наше хозяйство перед хозяйством капиталистическим.

Огромная работа ЦКК—РКИ (частично освещенная на XVI партсъезде в докладе т. Орджоникидзе) дает значительный материал для подхода к этой проблеме. Материалы сборников выявляют возможности огромного увеличения заданий пятилетки, установленные в результате обследований РКИ, хотя выводы этих обследований являются только результатом первого подхода к настоящему изучению резервов нашего хозяйства.

Чтобы представить себе размер этих выявленных резервов, достаточно указать на изменение заданий на конец пятилетки только по некоторым отраслям промышленности, сделанные в результате обследований:

По Югостали задание по старым заводам повышается с 5 200 тыс. тонн до 6—6,5 млн. тонн; по всей черной металлургии—задание повышено с 10 млн. тонн до 17 млн. тонн.

Добыча нефти поднимается с 26 млн. тонн до 40 млн. тонн.

Добыча угля из действующих шахт поднимается с 40 млн. тонн до 55 млн. тонн.

Нагрузка Ленинградских верфей поднимается с 266 тыс. тонн судокорпусов до 424 тыс. тонн, Южных верфей—с 260 тыс. тонн до 544,5 тыс. тонн.

По станокостроению только по трем основным заводам программа увеличивается с 22,5 млн. р. до 47 млн. руб.

В арматурном производстве задание поднимается с 24 млн. до 60 млн. руб.

Общая мощность шести паровозных заводов определяется ВСНХ в 700—1000 единиц; в результате обследования только по 5 остающимся заводам она устанавливается в 1400—1500 единиц.

В обследованных предприятиях лесного хозяйства и лесопромышленности выход деловой древесины поднимается

с 105,8 тыс. кубометров до 180 тыс., пиломатериалов—с 36 тыс. кубометров до 52,7 тыс. и т. д.

Во всех этих случаях дело идет не о теоретических выкладках, не о «поражающих воображение» цифрах потерь, а о реально достижимых заданиях, иногда (поскольку это результат первого подхода к задаче рационализации в столь обширном объеме) даже преуменьшенных.

Действительность уже подтверждает реальность этих заданий, установленных в результате обследований.

При этом необходимо учесть, что эти результаты достигнуты при несравненно меньших затратах по сравнению с теми, которые намечались при первоначальных наметках пятилетки.

Достаточно указать на вагоностроение, которое к концу 1-й пятилетки должно было вывести свой выпуск при вложениях почти 150 млн. руб. до 48 тыс. двухосных единиц, в то время как эти же заводы на 1930/1931 г. приняли программу в 64 тыс. двухосных единиц, притом почти без всяких затрат.

Каковы источники добавочных ресурсов, выявленных обследованиями и позволяющих достигать столь быстрых темпов роста нашего хозяйства?

В какой мере они являются результатом преодоления нашей отсталости от передовой капиталистической техники и использования особенностей социалистической организации нашего хозяйства?

Для ответа на эти вопросы изучение материалов сборников дает несомненно много.

Анализ этих материалов позволяет установить, что мы еще пока в ничтожной степени использовали преимущества плановой системы, но что уже первые шаги в этой области приносят огромный эффект.

Эти преимущества находят свое выражение в возможности более полного, по сравнению с капиталистическим предприятием, использования наличного оборудования, представляющей нашему хозяйству. Эта возможность обусловлена хотя бы уничтожением неравномерности работы предприятий, неизбежным для капитализма с его колеблющейся конъюнктурой. Повышение коэффициента сменности, введение непрерывной производственной недели, уменьшение и уничтожение влияния сезонных колебаний создают несвойственное для капиталистического предприятия непрерывность производства, дающее добавочные ресурсы нашему хозяйству. Социалистическое соревнование и ударничество создают особые условия трудового энтузиазма, открывающего недоступный для капитализма источник трудового подъема и роста производительности.

Наконец, к преимуществам советской хозяйственной системы относится возможность по иному ставить проблему рационализации, которая в наших условиях не стесняется рамками частной собственности и выступает в совершенно иной форме социалистической рационализации.

В свете этих общих положений на первый план выдвигается ряд проблем, могущих быть объединенными общим термином «мобилизация внутренних ресурсов хозяйства».

К числу их относится:

1) Достижение полной непрерывности производственного процесса и использования оборудования. Мы еще только приступаем к разрешению этой проблемы. Напр. в шахтном:

строительстве непрерывка дала лишь прирост производства в 9%, вместо возможных 17—20%.

Еще не очень давно в такой дефицитной области, какой является кирпичное производство, из 650 печей круглый год работало только 27, остальные работали только 6,5 месяцев.

В машиностроении, являющемся одним из наиболее узких мест пятилетки, мы до последнего времени еще имеем коэффициент сменности 1,25 вместо возможных 2,5 и т. д.

2) Достижение полной загрузки производственного аппарата. Сюда относится помимо общерационализаторских задач, уменьшающих простой, улучшающих использование оборудования, рабсилы и т. п., такая первоочередная задача, как полное использование площадей цехов. В ряде случаев мы имеем совершенно нерациональную загрузку площадей складами, конторами и т. п. (напр., в станкостроении полезная загрузка площадей цехов от 10,5 до 36%). Эта мера, последовательно проводимая, дает огромный эффект, особенно в части сокращения необходимости нового строительства. В ряду этих задач встает исключительно важная

3) проблема ликвидации «узких мест» в производстве, позволяющая найти совершенно исключительные возможности расширения производства на существующих заводах. Эта задача должна стать перед каждым хозяйственником и плановиком, как в отношении выявления максимальных возможностей отдельного цеха завода, так и целой отрасли промышленности. Ряд примеров из области машиностроения (в особенности много их выявлено в связи с работой правительственной комиссии по импорту) показывает, что нередко добавление ничтожного оборудования, являющегося «узким местом» данного цеха позволяет добиться удвоения выпуска (дизельный цех Коломенского завода и др.). Ликвидация такого «узкого места», как чугунное и стальное литье, позволило бы немедленно добиться еще большего увеличения заданий машиностроения, почти удваивающего в 1930/1931 г. свой выпуск по сравнению с 1929/1930 г.

Важность этой задачи признана ЦК ВКП(б), отметившем ее (в постановлении по Гомзе), как первоочередную.

4) Сюда наконец относится проблема специализации и достижения массового и крупносерийного производства. Здесь речь идет о решительном выкорчевывании всевозможных пережитков кустарщины и организационной распыленности в производстве, унаследованных от анархической организации капиталистического производственного аппарата, которое должно дать невиданный эффект в смысле лучшего использования основного капитала.

Эти общие на первый взгляд задачи рационализации являются узловыми в той работе, которую вся страна ведет сейчас в борьбе за ускорение темпов строительства. Наряду с повседневной работой по улучшению работы производственного аппарата эти основные этапы рационализации должны быть пройдены в самые короткие сроки.

Конкретная разработка этих проблем и их приложения к каждому участку хозяйства должна составить содержание огромного числа исследований и экономических разработок.

Вопросы борьбы с потерями и наилучшего использования наличных производственных ресурсов имеют самое непосредственное отношение к задаче планирования, в первую очередь планирования капита-

ловложений в наше хозяйство. Рецензируемые материалы глубоко освещают эту проблему и ставят ряд проблем, имеющих чрезвычайно важное значение для определения путей нашего развития.

Основные из них:

- а) максимальное использование существующего основного капитала как основного резерва нашего хозяйственного развития;
- б) принцип оптимального отбора предприятий для реконструкции и
- в) концентрация вложений.

Недооценка потенциальных возможностей существующего основного капитала является прямой причиной создания раздутых планов строительства, непосильных для народного хозяйства и вытекающих отсюда искусственно сдерживаемых темпов его развития. Опыт планирования нашего хозяйства на ряде его участков дает этому чрезвычайно яркие примеры:

а) В черной металлургии «официальная пятилетка не учла решающей роли мероприятий по рационализации действующего оборудования и по полному его использованию». Рост коэффициента использования доменных печей намечался на конец пятилетия лишь в 1—2%. Мало того, пятилетка предусматривала снос ряда действующих агрегатов, могущих еще работать.

б) В машиностроении разрабатывавшиеся планы реконструкции основных заводов (Гомзы, Юмт, Ленмаштрест и др.) полностью игнорировали задачу использования существующего основного капитала заводов. Старые цехи, дающие теперь значительную продукцию, в ряде случаев намечались к сносу или к использованию в качестве подсобных (ремонтных и т. п.), а взамен их намечалось возведение новых цехов. Старый Луганский паровозный завод намечался к использованию в качестве школы фабзавуча, а на его место должен был строиться новый завод стоимостью в 50 млн. руб. на выпуск 350 паровозов; между тем теперь установлено, что такой выпуск может дать старый завод.

Эти факты (и ряд других, имеющих в материалах) послужили основанием для специальных решений ЦК ВКП(б), отметившего по докладом «О работе Югостали» и «О работе Гомзы» обязанность каждого хозяйственника в первую очередь обеспечить полное использование имеющегося основного капитала. Осуждая ориентировку ряда хозяйственников исключительно на новые вложения, ЦК отмечает, что «подобная установка не оправдывается также ссылками на необходимость перестройки всего производства на основах новейшей техники, так как эта перестройка предполагает прежде всего, наряду со строительством новых заводов, также и наиболее полное, наиболее эффективное использование существующего капитала. В этом основном капитале скрыты еще значительные резервы, позволяющие значительно развивать выпуск продукции в течение ближайших лет».

Правильное направление капиталовложений намечает еще концентрацию вложений на минимальном количестве отобранных объектов реконструкции или нового строительства.

Проблема оптимального отбора предприятий, намечаемых к реконструкции, является исключительно злободневной. Достаточно учесть многочисленные ошибки, допущенные в этой области, обусловившие низкую эффективность капиталовложений. Поэтому реконструкция таких заводов, как завод имени Сталина Югостали, «Кр. пролетарий» в Москве и многие др., чрезвычайно ярко иллюстрирует это положение. Проблема сводится к такому отбору реконструируемых предприятий, ко-

торый позволил бы добиться большего эффекта капиталовложений и обеспечил развитие их в технически передовые предприятия.

Практика планирования однако не всегда считалась с этим принципом. Огромные потери, вытекающие из замедленного темпа строительства, имеют прямым последствием чрезмерно широкий фронт начинаемых строительных и невозможность в связи с этим закончить какую-либо часть их в возможно короткие сроки.

Яркий пример этому—дизелестроение, где начатая одновременно на 4 заводах генеральная реконструкция затянулась на 5—8 лет.

Таким же путем строились и программы ряда других отраслей промышленности.

Анализ причин подобных установок указывает, что обычно они являются следствием того, что планы капитальных работ собираются фактически центральными организациями (трест, главк, ВСНХ) «в результате собирания претензий мест» и когда решающим является часто степень активности того или иного «места». Составленные на такой базе планы не учитывают ни сравнительной выгоды затрат на реконструкцию того или иного завода, ни обеспечивают никакого отбора оптимальных и первоочередных для реконструкции заводов. Эта характеристика целиком относится к разрабатывавшимся планам реконструкции заводов таких отраслей, как черная металлургия, машиностроение и т. д.

Мы не останавливаемся на ряде других основных линий в планировании, как вопрос о географическом размещении промышленности, о необходимости реконструкции предприятий «на ходу» (без их приостановки) и др.

Характерной особенностью ошибок в планировании является то, что они ярко отражают проникновение в нашу работу антисоциалистических тенденций, враждебных плановой системе нашего хозяйства. Тот факт, что в ряде случаев носителями этих тенденций являются не вредители, а местные партийные и хозяйственные органы, добивающиеся некоей уравнительности в распределении капиталовложений, не меняет существа дела. ЦК ВКП(б) со всей решительностью осудил эти тенденции местничества и рвачества. Точно так же ЦК со всей решительностью осудил в докладе по ЮРТ'у «практикуемое некоторыми хозяйственниками преуменьшение производственных возможностей предприятий в целях страховки от невыполнения производственных планов».

Вопросы технической реконструкции промышленности и народного хозяйства до сих пор остаются областью, изучение которой находится в зачаточном состоянии. Об этом свидетельствует хотя бы то, что соответствующие разделы в наших планах или отсутствуют, или излагаются чрезвычайно общо и неполно. Подобное положение, являющееся следствием слабости и консервативности научно-технической мысли на многих участках нашего хозяйства, грозит нам чрезвычайными затруднениями. Вопросы темпов нашего дальнейшего роста и приближения к уровню производительности передовых капиталистических стран в настоящее время целиком упираются в проблему правильного направления развития отдельных отраслей нашего хозяйства в смысле их реконструкции на основе новейших технических достижений.

Рецензируемые сборники дают значительный материал к постановке этих проблем в основных отраслях промышленности. Дальнейшее развитие

этих проблем и их техно-экономическое обоснование должно стать боевой задачей техников и экономистов—работников всех отраслей хозяйства. Здесь нам хочется привлечь внимание к различным типам этой реконструкции, формы коей выявляются при изучении рецензируемых работ.

В связи с проблемой технической реконструкции приходится иметь дело с тремя основными задачами, характеризующими различные типы технической реконструкции:

первая задача—интенсификация производства;

вторая задача—организация новых производств и

третья задача—установление типа новых строящихся предприятий.

Первый тип реконструкции целиком совпадает с отмеченной выше проблемой полного использования имеющегося в нашем распоряжении производственного аппарата и осуществляется путем большего технического вооружения рабочего. Сюда относятся в широком смысле этого слова проблемы механизации производства, обогащения сырья, улучшения транспортировки сырья и полуфабрикатов и т. п. К этому типу реконструкции относятся:

в угольной и рудной промышленности—переход к полной механизации добычи, откатки и погрузки;

в черной металлургии—дробление и сортировка руд по размерам, аггломерация руд, мойка и сортировка угля, дробление известняка и т. п. мероприятия, обеспечивающие рационализацию подготовки шихты (проведение только этих мер по старым заводам обеспечит прирост продукции, равный выпуску нового крупнейшего завода);

в машиностроении—улучшение приспособлений, широкое введение автогенной и электрической сварки, т. н. «пневматики», внутриводского транспорта и т. д.

Второй тип реконструкции охватывает постановку производств, впервые организуемых в нашей стране (или развитие коих в прошлом было недостаточным) и являющихся основными элементами в нашей политике по индустриализации страны. Сюда относятся:

а) Развитие коксового производства и связанной с ним коксобензольной промышленности, находившихся ранее на положении подсобного и второстепенного хозяйства, как одной из важнейших отраслей промышленности СССР, на базе уловления побочных продуктов и их переработки. (Достаточно указать, что это дает более 20 различных видов химических и др. продуктов, необходимых для отраслей промышленности химической, текстильной, военной и сельского хозяйства).

б) Развитие ряда совершенно новых производств на базе торфа: изготовление брикетов, кокса, ряда химпродуктов, изоляционных плит, подстилки, гигиенического торфа, спирта, активированного угля и т. д.

в) Постановка ряда совершенно новых видов машиностроения, ранее не существовавших в СССР—проблема, вытекающая как из принятых темпов строительства на важнейших хозяйственных участках, так и из международной обстановки (задача максимального освобождения страны от импорта—в его наиболее ответственной части—машинооборудования).

Третий тип реконструкции—строительство новых предприятий на основе новейших достижений техники—целиком базируется на принципах, положенных в основу первых двух

типов реконструкции. Особо тут подлежит лишь разрешению вопрос об оптимальных размерах предприятий. Здесь размах социалистического строительства таков, что уже первые крупные строительства по размерам своим или приближаются к крупнейшим и лучшим образцам капиталистических предприятий данного типа или оставляют их далеко позади:

металлургические заводы гиганты с выпуском в 1—2 млн. тонн чугуна и выше;

коксовые установки до полумиллиона тонн кокса и выше;

шахты на выпуск 600 000 тонн и даже 2—8 млн. тонн железной руды и т. д.

Непосредственно к проблемам технической реконструкции промышленности примыкает проблема изменения организационных форм нашего хозяйства, являющаяся чрезвычайно важным фактором в деле определения темпов развития хозяйства на отдельных его участках и разрешения важнейших задач мобилизации ресурсов и технической реконструкции. Взятая в целом эта проблема означает изменение старых хозяйственных форм и приспособление их к новым задачам и уничтожение пережитков капиталистической анархической организации хозяйства. В этом отношении решение ЦК ВКП(б) «О реорганизации управления промышленностью» сыграло огромную роль в деле приспособления организационных форм промышленности к задаче индустриализации страны.

Изучение эволюции организационных форм в нашем хозяйстве в сравнении с формами организации капиталистического хозяйства несомненно должно явиться темой специальных исследований.

Достаточно взять только некоторые из огромного числа приводимых в материалах примеров, чтобы понять важность этой проблемы:

Железородная промышленность (кроме Криворожья) до последнего времени была распылена между большими и малыми металлургическими трестами и даже отдельными заводами, где она существовала на положении второстепенного производства, которым никто не интересовался. В настоящее время железородная промышленность выделена в самостоятельное объединение.

В торфяной промышленности торфоразработки находились в ведении предприятий-потребителей на том же положении, что и железные рудники в металлургии; нередко были факты, когда на одном и том же массиве работали различные хозяева, которые хищнически использовали массивы (спуск воды на соседние участки и т. п.). Все это создавало тормоз в развитии торфопромышленности. Объединение 85% торфодобычи в Союзторфе и создание специального треста «Торфопродукт» обеспечили должный темп развитию этой значительной отрасли промышленности.

В исключительной форме эти явления характерны для машиностроения. Здесь 11 вагоностроительных заводов были подчинены 6 трестам и 3 главкам, 19 заводов текстильного машиностроения—8 объединениям, арматурное производство—12 трестам и т. д.; такие важнейшие виды машиностроения, как станкостроение, изготовление металлургического, химического, нефтяного и др. видов оборудования—были распылены по многим заводам и трестам без объединяющих их центров и т. д. Это приводило к таким фактам, когда, при остром дефиците во всех видах оборудования, в текстильном машиностроении мы имели в 1929/1930 г. затоваривание продукции на сумму в 20 млн. р.; когда между заводами.

имела место конкуренция, напоминающая капиталистическую (дизелестроение, паровозо вагоностроение); когда огромная часть т. н. ведомственного машиностроения фактически никем не планировалась.

Подобная распыленность производства и отмеченные выше антисоциалистические тенденции, имеющие место в планировании, создавали тот фон «на котором нетрудно было вычертить свои узоры любой вредительской организации».

Процесс реорганизации управления в промышленности и народном хозяйстве только начался, он еще далеко не закончен и встречает немалые препятствия. Внимание экономистов к этой проблеме поэтому более чем необходимо.

Рецензируемые сборники впервые ставят с большой широтой проблему сравнительных техно-экономических показателей работы наших и лучших зарубежных предприятий. Не приходится говорить о важности данной проблемы, означающей для нас установление коэффициента нашей отсталости по сравнению с хозяйством передовых капиталистических стран и дающей возможность определить пути осуществления задачи «догнать и перегнать передовые капиталистические страны».

Мы считаем нелишним дать здесь сводку ряда таких показателей, чтобы подчеркнуть актуальность этой проблемы:

В доменных печах коэффициент полезного использования их полезного объема колеблется в Германии и САСШ от 0,9 до 1,1, а у нас в 1928/1929 г. составил 1,69, а в I полугодие 1929/1930 г.—1,58, т. е. мы здесь работаем в полтора раза хуже заграницы.

В мартеновских печах среднесуточный выпуск стали на 1 кв. м. пода печи равен в САСШ 4,5 т, в Германии 5,5—6,5 т, а у нас (в 1929/1930 г.) по Югостали—3,67 и Уралмету 2,46 тонн.

В железорудной промышленности средняя производительность одного рабочего: на американских рудниках—5—6 тонн, в Криво-рожье—1,84 тонны.

Проходка шахт (с креплением их) в Донбассе составляет в месяц у немецкой фирмы Тиссен 23 метра, у нас 5—11 метров.

По нефтяной промышленности скорость вращательного бурения на американских промыслах равна 400—500 метрам на станко-месяц, причем полезное время составляет 50%; у нас скорость бурения в 1928/1929 г. составила по Азнефти 91,4 метра (полезное время 27%) и по Грознефти—118,4 метра (полезное время 40%).

В паровозостроении весь производительный цикл изготовления одного паровоза составляет: на заграничных заводах 2 месяца, а сборка 10—15 дней, на наших заводах соответственно — 6—7 месяцев и—1,5—2 месяца.

В дизелестроении съем с 1 кв. м площади механических и сборочных цехов составляет за границей 8 л. с. (в 1 смену—8 часов 45 мин.) против 2—3 л. с. на наших заводах.

В станкостроении выпуск продукции на одного участника составляет: в США около 9 000 руб., у нас—2 920 р., т. е. наш выпуск в 3 раза слишком меньше; производственный цикл у нас примерно в 2,5 раза больше чем за границей.

В судостроении средняя продолжительность постройки судов составляет: лесовозы на германских верфях—10—12 месяцев, на наших Север-

ных и Южных верфях—30—44 мес.; рефрижераторные суда—соответственно 12 и 40, нефтевоз типа «Эмбанефть»—соответственно 16 и 46, лесовоз типа «Фрунзе»—соответственно 10 и 44. Выпуск продукции на одного рабочего по цехам ниже германского в 2,5 раз.

Ставя эту проблему, мы должны отметить всю условность термина «лучшие техно-экономические показатели передовых капиталистических предприятий», так как эти показатели вследствие характерной для капитализма неравномерности нагрузки производственного аппарата и отсутствия непрерывности производственного процесса далеко не являются лучшими из возможных на данном уровне техники.

Поэтому необходимо рассматривать эти показатели лишь как первое приближение, чтобы от них перейти к более высоким показателям, характерным для социалистического производства. Отсюда вытекает важность проблемы изучения техно-экономических показателей работы наших предприятий, в какой области также до сих пор проделано еще ничтожно мало.

Между тем мы на анализе этих показателей можем и должны выявить лучше работающие единицы, чтобы установить причины более высокой их производительности.

Материалы сборников дают этому ряд ярких примеров.

Давая в среднем на проходке угольных шахт 5—11 метров в месяц, отдельные проходки показывают результаты, не уступающие фирме «Тиссен». В Криворожье, при средней проходке стволов в 15—18 м, мы имеем факты проходки 50 м (возможная проходка до 100 м).

Мы имеем выход стали на 1 кв. м пода по Южным заводам в среднем 3,4 т, а на заводе им. Рыкова—4,9 т, на заводе им. Ленина—4,4 т.

Сравнение работы различных литейных дает колебание выпуска от 1 до 10 тонн на 1 кв. м площади.

На Днепрострое при средней производительности экскаваторов в 85,2 м³, на некоторых участках она доходила до 124 м³; то же по перфораторному бурению—7,78 и 14 погонных м шнура в смену, по глубокому бурению—1,57 и 2,81 пог. м в смену.

Важность задачи разработки системы техно-экономических показателей особенно видна из многочисленных ошибок, допущенных в проектировании нового строительства.

В дизелестроении новые цеха и заводы проектировались на выпуск 3,5—3,8 л. с. с 1 кв. м сборочных и механических площадей, что не менее чем в 4 раза уступает показателям работы лучших западноевропейских заводов.

В нефтяной промышленности скорость бурения на конец пятилетия намечалась лишь в 150—270 м на станко-месяц, что в 2—3 раза уступает заграничным показателям.

В Криворожье и на Урале в большинстве проектов производительность забойщиков для новых (механизированных по последнему слову техники) шахт запроектована в 8,5—10,5 т в то время как на американских рудниках, аналогичного характера с Криворожскими, она достигает 20—23 тонн.

Только систематическое изучение техно-экономических показателей позволит предупредить огромные потери, вытекающие из нашей научно-технической отсталости и консерватизма части технических кадров. Эта область, находящаяся на грани техники и экономики, должна поэтому привлечь к себе самое серьезное внимание как техников так и экономистов.

* * *

Наличие в нашем хозяйстве столь огромных неиспользуемых резервов дает меру имеющимся в этом хозяйстве потерям, ибо каждая такая неиспользованная возможность означает фактическую растрату наличных производственных ресурсов. Приводимые в сборнике «Борьба с потерями» очерки потерь на различных участках хозяйства имеют ту же природу, что и выявленные выше потери в промышленности.

Однако методика выявления потерь, примененная Штабом борьбы с потерями при Госплане (на данной, по крайней мере, ее стадии) существенно отличается от методов установления наличных резервов, примененных в работах РКИ. Метод определения потерь, как «разности между уровнем наших знаний относительно самых эффективных методов хозяйствования и тем, как процессы производства (и распределения) протекают в действительности» (И. А. Кан, Расточительственная война), сам по себе правильный, в его практическом применении требует однако учета всех условий и причин потерь, установления конкретных участков и мер по их устранению. Иначе цифры выявленных потерь остаются проблематичными. Такой именно характер носит большинство подсчетов потерь по отдельным участкам народного хозяйства. Одной из причин этого является «торопливость» в опубликовании таких данных, стремление «воздействовать на воображение» и часто «отсутствие точных методов подсчета потерь», которые отмечаются в самом сборнике.

Огромные, выявленные потери (определяемые для сельского хозяйства по данным на 1927 г. почти в 2 миллиарда в год, для мясного дела—почти столько же, потери при топливо-использовании в 30—35% сжигаемого топлива и т. д. и т. п.) дают только материал для установления дальнейших путей борьбы за их устранение. Поэтому публикуемые материалы следует рассматривать как первый подход к задаче борьбы с потерями путем привлечения внимания общественности к этой кампании. Дальнейшая задача заключается в уточнении основных источников потерь и разработке практических методов их устранения.

Публикуемые в сборнике материалы дают вместе с тем по отдельным участкам потерь и ряд ценных штрихов и показателей, свидетельствующих о более углубленной методике (напр. потери в обработке волокнистого, растительного сырья, в промышленном исследовании электроэнергии и др.).

Сборники «Борьба с потерями» и «Социалистическая рационализация», в части, дающей обзор состояния рационализаторского движения и борьбы с потерями, иллюстрируют исключительную слабость движения. «Рационализаторские органы,—как совершенно справедливо замечает Паскуцкий Н. А.—не выдержали экзамена». Это объясняется исключительно замкнутостью движения за рационализацию, не использующей активности широких рабочих масс. Иной характер носит борьба с потерями, вся установка коей рассчитана на мобилизацию широких слоев рабочих и технического персонала. В этом отношении борьба с потерями представляет несомненно более высокую форму рационализации, именно популярную форму, позволяющую привлечь к делу рационализации широчайшие слои трудящихся. В особенности приходится отметить организующее влияние процесса выявления и изучения потерь этого первого необходимого шага всякой рационализации.

Вместе с тем приходится отметить, что мы еще проделываем лишь первые шаги в борьбе с потерями, отдельные опыты на небольшом числе

предприятий—застрельщиков этой борьбы. Недостаточность движения видна особенно из сравнения его с размерами движения за границей (особенно США), очерки которого даны в сборнике.

Сборник материалов о борьбе с потерями поэтому в значительной мере заполнен статьями, дающими «общие установки» и методологию этой работы. За этим первым сборником должны последовать другие, начиненные еще большим конкретным материалом.

В определении содержания борьбы с потерями и установлении организационных форм ее, даваемых сборником госплановского Штаба борьбы с потерями, приходится отметить некоторые неправильности. Неправильной является на наш взгляд установка (в ст. М. П. Рудакова) на создание постоянных штабов по руководству борьбой с потерями.

Закрепление штабной формы, совершенно необходимой и полезной, при проведении кратковременных ударных кампаний, означает не что иное, как подмену органов рационализации, производственно-экономических органов профсоюзов и технического руководства. Здесь проскальзывает игнорирование рационализаторских органов, не справившихся со своей работой. Однако первые опыты проведения борьбы с потерями на предприятии, описанные в сборнике, доказывают целесообразность концентрации этой работы именно вокруг рационализаторских органов.

Другой неправильностью мы считаем выдвижение в качестве главной формы борьбы с потерями комплексно-отраслевого метода «от сырья до готового изделия» (А. В з о р о в. «Опыт заводов»). Преимущественным следует считать метод выявления потерь путем сравнительного изучения однотипных производственных единиц по одинаковым участкам потерь, единственно могущий дать сравнимые показатели, выявить лучшие образцы работы и установить причины потерь. Здесь уместно вспомнить то исключительное значение, которое придавал Ленин таким сравнимым показателям (см. статью «О социалистическом соревновании»). Ряд статей сборника недооценивает возможности использования техники обследований источников потерь, разработанной буржуазными рационализаторами Гувером и др. (Это особенно относится к статье Б. Б а б и н, «Корень»). Между тем при отсталости нашей техники обследования мы могли бы значительно использовать высокую, достигнутую уже за границей, технику обследования.

Необходимо целиком приветствовать попытку Госплана дать уже в К. Ц. 1930/1931 г. раздел показателей борьбы с потерями на основных хозяйственных участках. В этой работе необходимо однако предупредить чрезмерное количество этих показателей и сосредоточить внимание на выявлении поддающихся учету узловых участков потерь. Необходимо обеспечить действенные формы борьбы за уничтожение выявленных потерь; за пропагандой борьбы с потерями должны следовать жесткие меры воздействия для предупреждения дальнейшего расточительства. В этом также состоит одно из отличий нашей борьбы с потерями с той «борьбой», которую ведут Гувер, Чэз и им подобные.

Соединение массовой мобилизации пролетарских масс, научно-исследовательской мысли и воздействия государственного аппарата—вот те формы, которые обеспечат невиданный еще в мире успех в борьбе с потерями.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ¹

ВВОДНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ Т. М. КРИВИЦКОГО

Сегодня мы ставим первый доклад вновь образовавшейся программно-методической секции Института экономики Коммунистической академии. Эта секция ставит перед собой очень важную задачу: она рассчитывает объединить вокруг себя всех педагогов-марксистов, работающих в области экономики. Вопрос преподавания является чрезвычайно важным, особенно в настоящее время, когда так остро стоит проблема кадров. Сегодняшний доклад—это только начало работ нашей секции. Вне сомнения, секция сумеет провести хорошо и плодотворно работу лишь в том случае, если ей помогут работники, которые ведут непосредственно педагогическую работу в различных вузах и институтах, если ей удастся объединить гораздо большее количество преподавателей-экономистов, чем явилось сегодня на собрание.

ДОКЛАД Т. Д. РОЗЕНБЕРГА

В своем докладе я намерен остановиться главным образом на основных недочетах в преподавании политической экономики. В основном таковыми можно считать следующие: 1) отрыв логического от исторического, 2) недостаточное внимание к современности, 3) преобладание догматики над критикой, 4) отрыв преподавания от научно-исследовательской работы и 5) недостаточное внимание к чисто методическим проблемам в области преподавания политической экономики.

Я хотел бы прежде всего процитировать одно место из Энгельса. Энгельс в рецензии на „К критике политической экономики“ писал следующее: „В сущности оно (т. е. логическое исследование—Д. Р.) мало отличается от исторического, только являясь лишенной исторической формы и нарушающих случайностей. Чем начинается история, тем же должен начаться и ход мыслей, и дальнейший его ход будет являться ни чем иным, как зеркальным отражением, только исправленным по закону, который подсказывает сам действительный ход исторического развития, т. к. каждую минуту можно обращать внимание на степень его полной зрелости и его классичности“.

Мы имеем тут классическое изложение того, как следует понимать связь между логическим и историческим. Вполне понятно, что о такой связи между логическим и историческим можно говорить только при условии, если то и другое понимается диалектически. Ведь каждое явление мы должны изучать в его возникновении, развитии и исчезновении и в историческом разрезе. История с точки зрения диалектики тоже не есть простое описание событий в их последовательном развитии, а ею тоже устанавливается внутренняя связь. Но само собой разумеется, что теоретическое рассмотрение все же не есть история. Поэтому Энгельс и подчеркивает, что требуется освобождение от исторической формы и нарушающих случайностей. Я попытаюсь иллюстрировать на некоторых примерах в какой мере мы, как преподаватели, следуем заветам Энгельса.

¹ Сокращенная стенограмма доклада читанного 15 июня 1930 г. в программно-методической секции Института экономики Коммакадемии и прений по докладу.

Возьмем стоимость. Всем известно, что очень много внимания уделяется категории абстрактного труда, категории общественно-необходимого труда и целому ряду других вопросов. Это очень хорошо. Но мы вместе с тем слишком мало внимания обычно уделяем формам стоимости. Переход от простой формы стоимости к развернутой, всеобщей, денежной или совсем не трактуется в историческом разрезе, или трактуется очень бегло, так, что никакой увязки логического с историческим не получается. А между тем, именно при трактовке проблемы форм стоимости, могло бы быть показано, что логическое есть отражение исторического. В частности здесь было бы чрезвычайно целесообразно использовать какой-нибудь конкретный исторический материал, напр., известные главы из книги Ленина „Развитие капитализма в России“, где рисуется переход от натурального хозяйства к товарному.

Еще пример: проблема цены производства. Здесь также господствует до последнего времени трактовка Рубина, что стоимость и цена производства—это только различные ступени абстрактного анализа.

Но еще более разительным примером, по-моему, является трактовка прибавочной стоимости. Во всех программах политэкономии (совпартшкол, в программе комвуза и пр.) вы увидите, что трактуется вместе и прибавочная стоимость, как таковая, и абсолютная прибавочная стоимость, и относительная прибавочная стоимость. Все это дается в одном задании и прорабатывается в течение всего двух докладов. Объясняется это тем, что поскольку все историческое у нас выпадает, то на долю логического остается очень мало; все сводится к выяснению того, что прибавочная стоимость это—присвоенные прибавочного труда. Некоторые товарищи хотя еще к этой теме присоединить и тему—заработная плата, потому что у них получается излишек времени: нкуда деть две декады на изложение общих положений о прибавочной стоимости.

Вспомним, однако, как подошел к этому вопросу Маркс. Мы имеем в „Капитале“ целых 4 отдела, посвященных проблеме прибавочной стоимости. Маркс придавал огромное значение историческим моментам. Он прежде всего рассматривает прибавочную стоимость в наиболее абстрактном виде и затем увязывает прибавочную стоимость с проблемой рабочего дня, не стесняясь делать большие экскурсы в область истории борьбы за рабочий день, в область истории борьбы за нормирование рабочего дня; историю этой борьбы он доводит, примерно, до 60-х годов, т. е. до того периода, когда писался „Капитал“. Относительная прибавочная стоимость опять-таки увязана с основными этапами развития производительных сил при капиталистическом способе производства, начиная с простейших форм, хотя главное свое внимание Маркс конечно сосредоточивает в машинном производстве. Следовательно, у Маркса таким образом с проблемой абсолютной прибавочной стоимости увязывается проблема рабочего дня, а с проблемой относительной прибавочной стоимости увязываются проблемы развития производительности труда при капиталистическом способе производства, прослеживаются основные ступени этого развития и главным образом прослеживаются движущие силы развития производительных сил в капиталистическом обществе. В нашем же преподавании все это пропадает, и проблема прибавочной стоимости принимает исключительно логический характер.

Этих примеров достаточно для иллюстрации того, что мы грешим в нашем изложении, грешим против методологии.

Попробуем к этому вопросу подойти теперь с чисто методической точки зрения. Отрыв логического от исторического делает преподавание политической экономии чрезвычайно отвлеченным рассудочным; теряется всякая связь с многообразной конкретной действительностью. Приведенные выше из „Капитала“ примеры увязки логического с историческим являются в то же время классическими образцами живой, конкретной в методическом смысле трактовки сугубо теоретических проблем. Анализ этих образцов выявляет: 1) что такой трактовкой теоретических проблем наглядно показывается их практическое значение, их жизненный смысл, 2) что изучаемые проблемы этим самым начинают задевать не только ум, но и сердце, воодушевляя и вызывая революционную страсть; 3) что, наконец, углубляется и расширяется понимание проблем в целом. Увязка например у Маркса абсолютной прибавочной стоимости с борьбой за

рабочий день сразу придает проблеме новый смысл и новое значение, раскрывая всю ее социально-политическую глубину.

Многие уверены, что наши программы и курсы по политической экономии построены по „Капиталу“; это—одна видимость. „Капитал“ действительно воспроизводит капиталистический способ производства в его возникновении и развитии. А мы в наших курсах лишь абстрактно рассуждаем о капитализме, но его не воспроизводим.

Теперь я хотел бы остановиться на другом вопросе,—на недостаточном внимании к современным проблемам. Всем известно, что империализму уделяется мало внимания. Многие предлагают уделить империализму треть или половину времени, которое отводится политической экономии.

По моему мнению, дело совершенно не в том, чтобы механически увеличить время. Дело в том, что преподавание должно вестись таким образом, что когда проходит основная теоретическая часть политической экономии, или анализ так называемого классического капитализма, уже должно чувствоваться, что мы живем в другую эпоху,—эпоху империализма. На деле же выходит так, что мы живем как будто еще во времена Маркса, в период доимпериалистический, и лишь в конце курса сообщается о последней фазе капитализма. Я постараюсь показать на целом ряде примеров всю неправильность такого положения.

Возьмем напр. проблему относительной прибавочной стоимости. Маркс довел анализ развития производительных сил до своего времени, до машинного производства. Спрашивается, почему нельзя нам теперь идти дальше, почему нельзя анализ продолжить? Почему нельзя напр. взять современную капиталистическую рационализацию и трактовать ее с точки зрения относительной прибавочной стоимости?

Тут мы имели бы действительную увязку логического с историческим и полную увязку с современностью. И это нас обязывало бы к тому, чтобы¹ следить за тем, что делается в капиталистическом окружении, чтобы начать детально изучать капиталистическую рационализацию и ввести в курс ее и слушателей.

Возьмем еще проблему заработной платы; мы останавливаемся на двух формах: повременной и поштучной, и даем самые краткие сведения еще о других формах. Я думаю, что необходимо центр тяжести перенести на исследование, скажем, такой системы заработной платы, как премирование, играющую теперь решающую роль. Ведь разные системы заработной платы являются организующим фактором, являются составной частью и рационализаторской деятельности; основным моментам организации труда конечно мы должны в первую очередь давать принципиальное освещение заработной платы, как иррациональной формы стоимости рабочей силы, но этим никоим образом нельзя ограничиваться.

Возьмем далее централизацию и централизацию. Тут я только хотел обратить ваше внимание на один очень важный момент. Ведь, строго говоря, Маркс не имел права говорить о централизации в I томе „Капитала“, он мог говорить здесь только о концентрации.

В связи с анализом централизации есть одно любопытное примечание у Маркса, которое я хотел бы процитировать. Маркс говорит: „В каждой данной отрасли предприятия централизация достигла бы своего крайнего предела, если бы все вложенные в нее капиталы слились в один единственный капитал. В каждом данном обществе этот предел был бы достигнут лишь в тот момент, когда весь общественный капитал оказался бы соединенным в руках одного единственного капиталиста, или одного единственного общества капиталистов“. Мы уже знаем, что в дальнейшем процесс централизации действительно принял формы акционерных обществ, трестов, синдикатов и т. д.; однако, почему мы не можем продолжать марксов анализ тенденций так, как их „продолжает“ жизнь? Правда, это нас как-то сразу переносит в другую фазу, в фазу монополистического капитализма. Но пока не занимаясь специальным изучением этой фазы, мы сейчас же можем показать, как это предвидение Маркса превратилось в действительный факт. Мы еще трестов и синдикатов не изучаем, но мы, „немного забегая вперед“,

показываем, как централизация и концентрация, присущие уже классическому капитализму, в дальнейшем своем развитии, превращая последний в монополистический капитализм, уже принимают иные формы, которые впоследствии будут детально изучаться, но которые сейчас рассматриваются с целью наиболее полного выявления основных тенденций капитализма.

Тут сразу возникает вопрос: а как же тогда быть с советской экономикой, включать ли в преподавание политической экономии и проблемы советской экономики? Наша экономика—принципиально иная система. Тенденции капитализма—ни классического, ни монополистического—в ней не продолжают и, тем более, не развиваются. Следовательно, при изучении тенденций капитализма наша экономика не может быть вовлечена в анализ. Она может быть привлечена разве только для того, чтобы показать, что категории капитализма к СССР неприменимы. Но прибегнуть к некоторым параллелям и сопоставлениям капиталистической системы с нашей, полагаю, вполне возможно. Известно, что Маркс, для более яркого выражения особенностей товарного хозяйства, для сравнения часто брал коммунистическое общество. В целях иллюстрации он прибегает и к феодальному обществу.

Теперь я хотел бы перейти к другому вопросу, а именно к вопросу о преобладании догматики над критикой.

Конечно, всем нам известно, что марксистская политическая экономия является критической, насквозь критической, полемической, воинствующей. Ленин часто подчеркивал, что всякое положение Маркса по существу всегда является полемическим, направленным своим острием против определенной буржуазной теории. Известно, что Маркс дал название своему труду кроме „Капитал“ еще „Критика политической экономии“. Но мы своим преподаванием умудрились эту воинствующую полемическую политическую экономию превратить именно в догматику. Дело в том, что мы почти совершенно не привлекаем современных буржуазных теорий в области политической экономии. Нельзя сказать, чтобы мы не занимались полемикой, но мы полемизируем с классиками, отмечаем их недочеты, продолжаем воинственно драться с Сэем, Бастиа, когда переходим к характеристике вульгарной политической экономии. А современной буржуазной политической экономией мы совершенно не интересуемся. Между тем, я считаю, что поскольку мы воюем с теми, кто по существу стал достоянием истории, постольку сама критика становится чистой догматикой. Между тем, мы должны строить свое преподавание политической экономии именно как критическое, и притом направленное против современной буржуазной политической экономии.

Возьмем напр. современные теории прибыли или теории заработной платы. Конечно те теории, которые критиковал Маркс, уже стали по существу достоянием истории для самой буржуазной политической экономии. Они не пользуются и там никаким успехом. Но есть современные новейшие теории, которые мы опять-таки не критикуем.

Нельзя также забывать о том, что мы сейчас должны вести борьбу в политической экономии с нашим главным врагом—социал-демократией. На эту задачу совершенно не обращено внимания. Та политическая борьба, которая ведется нашей партией и Коминтерном, должна быть дополнена борьбой в теоретической экономии. Между тем, по существу, мы продолжаем считать, что Каутский остался в области теории таким же авторитетом, каким он был раньше и только кое-где отмечаются его ошибки. Гильфердинг остался таким же авторитетом. И получается как будто бы у нас с ним и есть одна теория, но расходимся мы лишь в политике, и это конечно в корне неверно. Раз у нас такое резкое расхождение политического порядка, то само собой разумеется, что должны быть кардинальные расхождения (и они есть, это не только предположение) и теоретически.

Вот пример. Еще в 1926 г. вышла на русском языке книга Реннера: „Теория капиталистического хозяйства“. Эта книга в свою очередь является довольно талантливым комментарием II тома „Капитала“. Как же мы реагировали на эту книгу? Можно по пальцам сосчитать небольшие рецензентские заметки на эту книгу. А между тем, именно

в этой книге Реннер, как один из теоретических лидеров II Интернационала, по существу кладет совершенно новые основы типичной социал-демократической политической экономии. Он совершенно отрывает обращение от производства, он переносит анализ из производства в обращение. И всю борьбу против нас (а его книга направлена в первую очередь против нас) он строит на анализе обращения, он показывает, что социалистическая революция может овладеть (это его основная идея) производством, но не сможет овладеть обращением. Если с этой точки зрения подойти к книге Гильфердинга „Финансовый капитал“, то мы увидим, что начало отрыва обращения от производства, по существу, заложено в книге Гильфердинга. Все это прошло мимо нас.

Как бы действительно ожила у нас политическая экономия, если бы она была так построена: с одной стороны, борьба против современных теорий чисто буржуазных экономистов, с другой—против считающей себя еще марксистской теории социал-демократии. Мы конечно не должны оставить изучение „Капитала“,—само собой разумеется, что это у нас первейший источник,—но мы должны серьезно критически изучать современную политическую экономию и по-настоящему с ней бороться.

Теперь, товарищи, я хочу коснуться вопроса о наших кафедрах. Товарищи, которые знакомы с работой наших кафедр скажут,—наши кафедры не являются коллективами, руководящими преподаванием политической экономии. Они везде и всюду имеются только на бумаге. Возьмите даже лучший случай—случай, когда кафедры просматривают задания. Спрашивается, разве это действительно серьезная работа? Ведь на самом деле наши задания по существу шаблонизированы. Иногда мы заслушиваем отчеты, т. е. по существу превращаемся в чисто административный орган.

Такое положение объясняется очень просто. В самом деле, если политическая экономия превращена в систему сложившихся логических понятий, если преподаватель заранее знает, что он в будущем году будет преподавать точно также, как преподавал в прошлом году или в позапрошлом, то почвы для настоящей работы на кафедрах не имеется.

Необходимо придать нашему курсу не только логический, но и действительно исторический, т. е. диалектический характер. Это потребовало бы от нас и увязки с современностью, потребовало бы борьбы с современной буржуазной политической экономией и социал-демократией.

Наконец, интересен еще один важный момент. Любопытно, что у нас по существу нет даже методических проблем. Ведь нельзя же считать просмотр заданий—серьезной методической проблемой по той простой причине, как я уже сказал, что задания уже шаблонизировались. Все перечисленные мною недочеты в преподавании политической экономии могут быть устранены: 1) при правильном понимании методологии нашей дисциплины, 2) при умелом методическом осуществлении вытекающих отсюда задач. Методология требует увязки логического с историческим; дело методики практически осуществить этот методологический принцип. Методология провозглашает единство теории и практики, а это опять-таки возлагает определенную задачу на методику.

Но есть и ряд других задач, обусловленных уже преподаванием как педагогическим процессом. Существует такое убеждение: раз я уже сам как-то усвоил политическую экономию, почему не могу я ей и учить? И получается прежде всего то, что в большинстве случаев преподаватель не умеет даже говорить языком понятным, доступным аудитории.

Мы перешли к так называемому лабораторному методу,—я говорю так называемому, потому, что настоящего лабораторного метода еще нет. И это безусловно большое достижение. Но тут мы впали в другую крайность: мы совершенно изгнали лекцию из нашего обихода.

Лекция может быть пересказом того, что имеется в книге. Ясно, что к такой лекции приходится прибегать только в крайних случаях—скажем, когда нельзя прорабатывать тему, когда нет времени,—тогда лекция используется как неизбежное зло. Но если бы мы работали над новым материалом, если бы мы были в курсе современ-

ных проблем, то наши лекции носили бы совершенно иной характер; они действительно двигали бы мысль курсантов, слушателей, студентов. Мы же этого не делаем.

Так напр., если прочесть лекцию по заработной плате, изложив последнее слово буржуазной политической экономии, поведя серьезную полемику, разоблачив социал-демократию, то лектор выступает как пропагандист, как борец. Тогда возникают и проблемы методического порядка: как строить такую лекцию, тогда находится работа и для кафедры. Лекция должна читаться от имени всей кафедры, все должны быть в курсе этой лекции.

Несмотря на все указанные недочеты у нас есть и достижения. Уже тот факт, что студенты так серьезно работают над марксистской политической экономией, что марксистская политическая экономия все больше и больше распространяется, что растет с каждым годом число лиц, знающих Маркса, читающих „Капитал“,—это конечно громадное достижение. Нет сомнения, что отдельными лицами ведется также и исследовательская работа и т. д. Но я считаю, что мы должны, прежде всего, заострить наше внимание на недочетах, а недочеты, как вы видите, огромные.

Наша ближайшая задача заключается в том, чтобы организованную, правда пока на бумаге, программно-методическую секцию при Институте экономики Комакадемии превратить в центр педагогов экономистов-марксистов.

Мы должны наладить работу на местах, т. е. превратить наши кафедры в настоящие низовые коллективы, которые вели бы серьезную работу. Я представляю себе дело так: каждая кафедра берет на себя выполнение определенной задачи в течение учебного года.

Перед нами между прочим стоит следующая громадная задача—подготовка пособий. „Капитал“ конечно останется основным источником, но те новые задачи, которые я выдвигаю, не могут быть выполнены при помощи работы только над „Капиталом“ и не могут быть выполнены при помощи тех пособий, которые у нас существуют, потому что они строились применительно к нашей старой программе, к старому методу преподавания. Перед нами будет стоять сразу сложнейшая задача. Может быть мы не можем сразу поставить себе задачу изготовления соответствующего учебника, но придется подумать серьезно о рабочей книге. Нам нужно иметь рабочую книгу, где были бы даны отрывки из современной буржуазной политической экономии. Надо подумать, как знакомить наших слушателей и самих себя с заграничными экономическими журналами, и как нам можно использовать современные статистические материалы, всевозможные статистические сборники. Мы можем между собой распределить эту работу. Каждая кафедра берет на себя определенное задание, которое распределяется между преподавателями. В таком случае кафедра будет работать и несомненно сможет превратиться в коллектив, руководящий преподаванием политической экономии.

ПРЕНИЯ

Выступление т. Ф и л ь ш т и н с к о г о.—Мы преподаем политическую экономию и другие экономические дисциплины на протяжении вот уже 11—12 лет. За это время накопился громадный опыт. Десятки и сотни тысяч учащихся и в стенах учебных заведений и по сети заочного обучения изучают очень усердно политическую экономию. Между тем этот большой опыт не обобщен и не учтен как следует. Несколько лет тому назад мы экономисты-преподаватели устраивали совещания, даже устроили Всесоюзное совещание преподавателей экономистов совпартшкол и комвузов. Разрабатывались методы преподавания, был выработан некоторый стандарт программ. С тех пор прошло немалое количество лет, а мы все еще пребываем на старых позициях. Никакой творческой работы мы не проводили.

Основной недостаток, который был отмечен докладчиком, заключается в том, что мы плохо увязываем абстрактное с конкретным. Совершенно прав был докладчик, говоря, что требование увязки абстрактного с конкретным не есть только требование методики, а по сути дела методологическое требование, и что здесь никакого конфликта между методологией и методикой не может и не должно быть.

Я напомню вам, товарищи, одну интересную мысль Маркса в его письме к Энгельсу, датированном 10 октября 1868 г.:

„Случайно я нашел у одного мелкого букиниста книгу „Отчет и справка об ирландском арендном праве 1867 г.“. Это было настоящей находкой. В то время как господа экономисты считают спор о том, является ли земельная рента платой за естественные различия почвы или она является просто процентом на вложенный в землю капитал, чисто догматическим спором, здесь мы видим практическую борьбу не на живот, а на смерть между фермерами и земледельцем—насколько рента должна включить в себя кроме платы за различные качества земли также и проценты на капитал, вложенный в землю не земледельцем, а арендатором. Политическую экономию можно превратить в положительную науку только таким путем, что на место враждующих теорий станут враждующие факты и действительные противоречия, образующие скрытую основу первых“. Это замечательное письмо подчеркивает, что теорема не считается доказанной, если теоретические положения не подтверждены целым рядом фактов.

Я еще приведу слова, сказанные М. Н. Покровским на одном из совещаний комвузов, что „по способу лабораторного плана можно преподавать и хиромантию“. Таким образом, вы видите, что здесь дело не столько во внешнем оформлении, не столько в самой технике преподавания сколько в самом содержании нашего учебного материала.

Я уже говорил о том, что вопрос об увязке абстрактного с конкретным тесно связан с вопросом об увязке с современностью. Но есть современность двоякого рода: современность капиталистическая и современность наша советская. В связи с этим встает вопрос о том, какое место должен занимать советский материал.

По этому вопросу в течение ряда лет были попытки строить программы таким образом, что каждая проблема политической экономии сопровождалась соответственным экскурсом в советскую экономию; но был и другой вариант: программа строилась таким образом, что вопросы советской экономики не проходились с самого начала, а только с определенного пункта, а именно после проработки материала из I тома „Капитала“, после прохождения прибавочной стоимости и всеобщего закона капиталистического накопления. При этом мы исходили из того, что поскольку принципиальная характеристика капиталистического общества дана, можно начать ознакомление с советской экономикой и, следовательно, с новой системой производственных отношений. В этом месте и начали вводить в программу темы по советской экономике. Были, наконец, попытки относить советскую экономику к концу прохождения курса политэкономии. Я считаю, что советская экономика требует специального изучения и что политическая экономия в узком смысле изучает только систему капитализма. Докладчик правильно выдвинул такое положение, что при изучении политической экономии мы должны касаться и вопросов советской экономики и привлечение советского материала в виде аналогии, в виде сопоставления, иллюстраций, крайне важно и необходимо. Нужно, понятно, продумать, как это сделать и какой материал привлекать.

Маркс для того, чтобы лучше показать, как при капитализме распадается рабочий день на необходимое время и прибавочное время, привлекает феодальное общество и показывает, как там делится рабочий день на необходимое и прибавочное время. Спрашивается, почему бы и нам здесь не сказать, что поскольку произведенная рабочими на фабриках продукция распадается у нас в СССР на индивидуальный трудовой пай, на часть, которая социализируется для покрытия общественных потребностей и, наконец, на часть продукции, идущей в фонд накопления, постольку здесь все рабочее время становится необходимым.

Или скажем, когда изучается глава о кооперации из „Капитала“, в которой говорится о преимуществах кооперативного труда почему не упомянуть здесь о том, что простое сложение орудий производства в колхозе дает свой эффект, что кооперативный колхозный труд гораздо производительнее труда единоличника.

Можно формулировать мою мысль таким образом: политическая экономия изучает систему капитализма, но одновременно также ориентирует нас, или помогает нам ориентироваться в явлениях советской экономики.

В настоящее время весь вопрос упирается в вопрос составления программ. Разумеется, нужны и соответствующие учебники, которые реализовали бы новые программные принципы и нужны такие преподаватели, которые учитывали бы ту или иную аудиторию и к ней приспособили бы свое преподавание. Вопрос об интересной подаче материала, об изложении заслуживает большого внимания. В письме к Кугельману от 23 октября 1862 года Маркс пишет следующее: „Научные попытки революционизирования науки никогда не могут быть действительно популярны, но раз научная основа заложена, популяризацию сделать уже легко. Если наступит более бурный период, то можно будет найти иные краски и чернила, чтобы дать изложение таких тем“.

Нам, в период бурного строительства, нужно найти соответствующие „краски и чернила“, чтобы излагать материал как следует, а средством для этого будут хорошо составленные программы и учебные пособия и наглядные пособия.

Выступлении т. Печачка.—Я хотел бы остановиться на вопросе нашего теперешнего кризиса преподавания. Имеются специфические условия, обостряющие этот вопрос, напр.: социалистическое строительство, громадное ускорение темпов и тот новый поворот, который мы сейчас имеем. Теперешний комвузовский учебный план обладает двумя характерными чертами; в нем прохождение политической экономии сокращено по новому учебному плану до одного года и значительно увеличены вопросы конкретной экономики.

Докладчик прав, говоря о необходимости усиления в преподавании момента диалектики. Между тем с вопросами методологии у нас не совсем благополучно.

Следующий момент, который в нашем преподавании играет сейчас чрезвычайно большую роль—это усиление педагогическо-исследовательских моментов. Ведь в конечном итоге мы хотим в наших комвузах и вузах готовить борцов, а не начетчиков. Методика должна быть подчинена методологии. Это по-моему основной принцип. Но в вопросе, как этот принцип провести в жизнь, не чувствуется большой ясности. Тов. Фильштинским, например, примат был отдан методике. Но помимо этой опасности, которая несомненно имеется в деле преподавания политической экономии, еще большей опасностью является механическая связь, которую мы устанавливаем с современностью. В самом деле, некоторые товарищи мыслят себе так диалектику развития категорий: раз Маркс говорит, что мы изучаем происхождение, развитие и упадок капиталистического хозяйства, то, следовательно, мы при изучении любой категории можем сразу же изучать ее происхождение, развитие и упадок. Это приводит к совершенно неправильному пониманию развития диалектики понятий, которое мы имеем в „Капитале“ Маркса. Кроме того, т. Фильштинский не совсем ясно объясняет переход от абстрактного к конкретному. Получилось очень странное противопоставление: конкретное сводилось к единичному, то, что мы имеем в философии. А между тем, тот подход к конкретному, который мы имеем в „Капитале“ Маркса—это есть переход от одной категории к другой категории. Переход от ценности к цене есть переход от абстрактного к конкретному. Самая большая опасность заключается в том, что мы отступаем от принципов методологии, если будем изучать одну категорию в ее развитии и упадке. Тогда мы отрываем категории от всей суммы тех производственных отношений, в которых она живет и движется. На самом деле стоимость движется в иных условиях и предполагает иные производственные отношения, а цена производства предполагает иные производственные отношения. Точно также монополярная цена предполагает иной, более сложный тип производственных отношений и связанных с ними противоречий. Поэтому нельзя говорить о монополярной цене, когда мы говорим о ценах производства. Мне кажется, такое забегание вперед было бы неправильно, и хотя т. Розенберг приводил нам примеры, что у Маркса это имеет место, но, товарищи, мы все знаем, что Маркс только упоминает об этих фактах и очень часто оговаривается, что не здесь еще этот вопрос мы можем разбирать; в данном случае едва ли можно ссылаться на Маркса. Вот почему тут нужна осторожность, а то мы попадем опять в ту же самую историю, которую имели в программе Мотылева. Можем ли мы совсем не касаться современности,—напр. при изучении вопросов заработной платы ограничиваться материалами 60—70-х годов? Это было бы

недиалектно, потому что мы знаем, что диалектика не есть голое отрицание. Когда мы имеем переход одной категории в другую, который отражает, конечно, настоящей переход к жизни, то мы знаем, что в правилах диалектики мы не имеем такого голого отрицания, а имеем также развитие, в котором удерживается положительное. Это значит, что если мы имеем цены производства, то стоимость не отменяется. Если имеем закон заработной платы, который мы изучаем в условиях классического капитализма, то основная тенденция этого закона не отменяется в условиях империализма, в условиях монополистического капитализма. Поэтому мы имеем возможность иногда с некоторыми оговорками по целому ряду вопросов приводить иллюстрации, показывать основные тенденции на материале, который доходит до вопросов современности.

Свою мысль я формулирую следующим образом: современность должна изучаться в границах, не нарушающих методологии нашей политической экономии. Это конечно слишком абстрактно, но я считаю, что это все вопросы практики, и практика должна показать, какие вопросы, в каких размерах, какой материал мы должны проработать и что мы можем дать; поэтому построение самой программы будет играть большую роль. Но этого мало. И в программе мы не сможем отметить все, что нам нужно. Я считаю, что перед нами есть еще задача—задача подготовки соответствующего учебного материала.

Заканчивая, я хочу несколько слов сказать о рабочей книге. Такая книга необходима. Учебник порой бывает вреден потому, что дает разжеванный материал, точные формулировки, которые следует только заучить. Это усыпляет мозг студента.

Мне кажется, что правильно ставить на каждой стадии преподавания перед учащимися препятствия, которые должны быть в конечном итоге преодолены. Мне кажется, что правильное построение учебы, правильное построение учебников именно должно в основном исходить из этого принципа. И вот здесь приходится констатировать, что в большинстве случаев имеющиеся у нас учебники в этом отношении являются прямо-таки вредными, потому что они никаких препятствий не ставят. В результате прохождения курса у учащегося создается впечатление, что все премудрости политической экономии им преодолены. В этом смысле по-моему преподавание по самому „Капиталу“ представляет большой плюс, ибо в „Капитале“ подобного рода препятствия ставятся на каждом шагу, их постоянно приходится преодолевать, и человек, преодолевая их, действительно чему-то научается. Но в течение одного года „Капитал“ пройти нельзя. Кроме того, поскольку стоит задача увеличения современного материала, постольку перед нами встает вопрос о построении рабочей книги. Но мы не должны построить рабочую книгу типа хрестоматии, в которой будет дан кусочек из одного места, кусочек из другого, и все они между собой будут механически соединены. Конечно нам нужно построить рабочую книгу совершенно по-иному типу. Мы должны привлечь самый разнообразный материал не только цифровой, но и материал современных оппортунистических течений. Нам нужно поставить перед собой задачу подготовки студента к самостоятельной работе. Мы должны дать учащемуся материал, соответствующие главы из „Капитала“, теоретический багаж, определенные воззрения. Он должен в нем разобраться и на основании того материала, который проработал в „Капитале“, дать критику этого положения.

Принцип построения книги должен сводиться к тому, чтобы книга максимально возбуждала самостоятельность мысли студента, самостоятельность мысли читателя, сделала из него зрелого, самостоятельно мыслящего человека.

Выступление т. Черменского.—В вузовской практике мне приходилось сталкиваться с таким явлением, что преподаватели политической экономии слишком много занимались вопросами методики. Для нас же чрезвычайно важно, чтобы студенты знали экономическое содержание того или иного понятия, соответствующего тому или иному материальному процессу, который подлежит статистическому учету.

Конкретные дисциплины сейчас бешеным темпом развиваются, вернее преподавание их развертывается, и у нас есть опасность, что все будет идти без руля и без ветрил. Дело в том, что если в области теоретической экономии преподавателей с враждеб-

ными марксизму взглядами у нас в советское время сравнительно немного, то с преподаванием практических дисциплин дело обстоит совершенно наоборот. Здесь мы должны определенно сказать, что наши конкретные экономические дисциплины (особенно экономика отдельной отрасли) находятся зачастую в руках инженеров не-марксистов. Нам марксистам приходится вести идеологическую борьбу с ними, а студенты к этому теоретически недостаточно подготовлены. Поэтому я прихожу к выводу, что в данный момент, когда нам предстоит огромная идеологическая борьба за применение марксистской методологии в конкретных дисциплинах, здесь придется принять участие и преподавателям политической экономии. Ведь нельзя понимать установку партии на широкое развертывание конкретных дисциплин, как установку в то же время хотя бы несколько снижающую теоретический уровень преподавания экономических дисциплин.

Ясно, что тот теоретический уровень, который еще не находится на достаточной высоте, но который уже завоеван вузами, должен быть сохранен во что бы то ни стало. Это важно для тех практиков, которые хотят связать практику с марксизмом. И мне думается, что преподавателям теоретической экономии нужно взять в этом отношении твердую линию на то, чтобы теоретический уровень не снимать и ни в коем случае не понижать методологической разработки до уровня разработки методических проблем, т. е. ни в коем случае не выпячивать формы методологии за счет ее содержания.

Выступление т. Б. Казанского.—Я хочу остановиться лишь на одном вопросе, стоящем в непосредственной связи с темой доклада т. Розенберга—на вопросе о последовательности прохождения различных дисциплин в системе нашего преподавания (место политической экономии).

Совершенно очевидно, что политическую экономию мы изучаем для того, чтобы познать тенденции капитализма и одновременно для того, чтобы овладеть мощным оружием диалектического метода; а все это нам необходимо для успешности борьбы с капитализмом и успешности строительства социализма.

Совершенно очевидно также, что методология политической экономии есть частный случай общей методологии общественных наук—исторического материализма, хотя методология политической экономии имеет и свои специфические особенности. Видимо вследствие очевидности для нас этих положений т. Розенберг и не подчеркнул особо задачи овладения методологией. Как же лучше познать капитализм, как же лучше овладеть оружием марксистской диалектики в применении к общественным наукам? На такие вопросы должен был ответить т. Розенберг.

Прежде всего нужно дифференцировать разрешение этого вопроса в зависимости от конкретной обстановки; может быть некоторое недоразумение в прениях получилось потому, что одни выступают с опытом одного типа учебных заведений, другие—с опытом другого типа учебных заведений. В технических вузах нужно ставить преподавание одним способом, в экономических вузах по-другому, в комвузах еще по-иному. В технических вузах зачастую получается напр. такая картина: большинство нашего студенчества—это рабфаковцы, и когда они приходят в вуз, то начинают проходить на I-ом же курсе политическую экономию; при меньшем количестве часов в учебном плане они начинают скатываться по линии наименьшего сопротивления к чтению Лapidуса, а не „Капитала“. Никакого обогащения студентов после первого прохождения предмета на рабфаке нет, поэтому получается, что идет г л о б е п о в т о р е н и е, следовательно, здесь нужно ставить вопрос о предварительном обогащении, для дальнейшего более глубокого прохождения курса.

Для научного познания законов развития, движения и гибели капитализма нужно обладать научным методом; вряд ли кто из нас будет утверждать, что „наука сама себе диалектика“, что для изучения науки ненужна специальная теория диалектики. Совершенно очевидно, с другой стороны, что самый научный метод мы „добываем“ на путях познания действительности. Иначе говоря, необходима некоторая предварительная осведомленность для того, чтобы затем перейти к формулировке основных историко-материалистических положений, я бы сказал методологических положений, и лишь овладев этими общими представлениями, мы можем дальше специально углубленно заниматься

политической экономией, изучением законов развития, законов движения и гибели капитализма. (Я говорю вслуду о политической экономии в „узком смысле слова“).

В „Предисловии“ Маркс говорил, что общий результат, к которому он пришел, служит ему руководящей нитью в дальнейших исследованиях. Этой руководящей нити мы не даем студенту, когда все общеметодологические вопросы относим в конец курса политической экономии. Я думаю, что такое положение неправильно и его нужно пересмотреть. Конкретно я думаю, что ознакомление с основными элементами исторического материализма нужно поставить перед изучением (вторичным) политической экономии в вузе. Если говорить о технических вузах, то здесь к сожалению мы пока еще не можем сделать этого в полной мере, надо поставить изучение марксистской истории общественной техники, как то решило в свое время ЦК, и эту дисциплину поставить на 1-м курсе до политической экономии. Тут возникает специальный круг проблем, которым уже занялась подсекция техники, и который нужно обсудить специально. В экономических же вузах надо курс исторического материализма пройти до курса политической экономии.

Остановлюсь еще раз на том, что у нас сейчас получается. У студента нет общего представления о принципе материалистического понимания истории. Когда он в процессе занятий наталкивается на тот или другой общий вопрос (напр. соотношение производства и потребления), то начинает биться на нем и на частных случаях начинает „открывать общий закон“; это студенту очень трудно, ибо он не имеет представления об основных положениях исторического материализма. Тем более затрудняется или делается менее глубокой критика буржуазных теорий. Фактически получается тогда такая картина: преподаватель выступает в качестве „мудреца“, объясняет „что к чему, и почему и как“. У т. Розенберга в его „программе“ политической экономии и в 1-м и во 2-м изданиях есть такое указание: „суждения о методологии политической экономии в начале курса носят—и неизбежно должны носить—чрезмерно абстрактный характер; выдвигаемых положений нет возможности не только аргументировать фактами, но даже иллюстрировать ими... Только применяя на деле в процессе работы методы ее (политической экономии) не трудно выяснить особенность и сущность его, а это достигается лишь тогда, когда вопрос о предмете и методе ставится именно к концу курса“. Итак, товарищи, только применяя на деле метод можно, по т. Розенбергу, выработать понимание его сущности. Но мне кажется, что правильно применять на деле метод, не зная его сущности, нельзя. Это будет „абстрактное применение“. Само собой разумеется, что специальные вопросы методологии политической экономии, специфические особенности марксова метода изучения общеконкретных явлений в применении именно к сектору проблем политической экономии—эти специальные вопросы можно и должно ставить в конце курса.

Я думаю, что прямым подтверждением моей мысли является указание Маркса о том, что полученный им результат служил руководящей нитью для его дальнейших занятий, и эту руководящую нить мы должны сразу дать студенту. Общее ознакомление с материалом, факты, их связь—студент имеет достаточно из предварительной подготовки на рабфаке.

И наконец я хочу указать еще на одно место в „Введении к критике“, где Маркс писал: „Расположение предмета очевидно должно быть таково: сначала (нужно развить) общие абстрактные положения, которые именно поэтому более или менее относятся ко всем общим формам... Во-вторых, категории, которые образуют внутреннюю организацию буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность, их отношения друг к другу“ и т. д.

Я думаю, что Маркс здесь говорил „сначала“ о положениях исторического материализма и дальше, „во-вторых“, о том круге проблем, которые охватываются политической экономией. Таким образом, та схема последовательности, которую я выдвигаю, вполне соответствует прямым указаниям Маркса.

Я хочу еще раз подчеркнуть свой вывод. Я считаю, что для более успешного изучения политической экономии, особенно в отношении овладения методологией, не-

правильно рекомендовать, чтобы студент пользовался целый год оружием марксовского метода („применял на деле“, как говорит т. Розенберг), а в конце года начал бы соображать, что это за оружие такое, как же этим оружием правильно пользоваться; было бы странно, если бы мы дали напр. стрелку указания: ты сначала стреляй, а потом мы тебе расскажем как надо стрелять; в вузе мы должны вначале поставить ознакомление с предметами исторического материализма, хотя бы не в очень детальной разработке. В таком случае мы могли бы курс политической экономии проработать гораздо более глубоко и более научно и тем самым мы смогли бы действительно вооружить наших студентов наиболее совершенным методом, марксистско-ленинским методом диалектического материализма.

В ы с т у п л е н и е т. С. Г у р в и ч а.—Если взять доклад т. Розенберга в общей его постановке, то мне кажется, что в нем совершенно правильно отмечены те недостатки, которые имеют место в нашей программе. Но когда мы переходим от этого доклада к живой действительности, тут имеется целый ряд очень резких разногласий. Дело в том, что наша действительность чрезвычайно разнообразна. У нас накопился ряд программ по политической экономии. Тем не менее у нас нет увязки между программой вуза и рабфака, между программой вуза и средним учебным заведением. И в результате получается такая картина, что в вузе приходится производить двойную работу: сначала надо вытравить из головы учащегося то, что было им усвоено по учебнику Михалевского и учебнику Лapidуса, где политическая экономия представлена в виде описательной науки, а после этого уже дать определенный подход, совершенно новое толкование. Отсюда здесь получилась другая крайность, выдвигаемая т. Казанским, а именно, что нужно дать за основу чуть ли не весь курс исторического материализма, для того, чтобы потом можно было перейти от рабфака ко вторичному прохождению политической экономии. Эта крайность—есть реагирование на ненормальность другой крайностью и только.

Тов. Розенбергу кажется, что если сейчас прибавить к кафедрам те или иные новые элементы, то кафедры оживут. Я в этом крайне сомневаюсь. Тут вопрос не в прибавлении элементов, не в нанизывании их один на другой, а дело в увязке, в методике. Проблема ставится не в разрезе „что“, а в разрезе „как“. Но тут надо немножко расшифровать что такое методика.

Одни из выступавших здесь товарищей чуть ли не противопоставили методику методологии, а другие говорили, что методологии у нас недостаточно. Это объясняется тем, что товарищи недостаточно продумали проблему методики. Методика это есть творческое оформление методологии и только. Но эту проблему творческого оформления не нужно понимать так, будто из того, что я сказал, следует, что методология не имеет своей формы. То, что мы называем методикой при переходе от самой научной теории к ее популяризации, это есть оформление, этим должна заниматься методика. Итак, взяв в основу методологию Маркса, оформляя ее, делая ее популярной, мы таким образом получим методику. Этой работой кафедры не занимались.

Наши учебники, устанавливая тот или иной методологический принцип, механически декларируют методологию. Курс начинается с декларации. В начале курса приводятся данные, которые ничего общего не имеют с дальнейшим. Начинают с обыденных наших выражений. Мы знаем, что всякий раз начинают со знаменитых слов Маркса из „Предисловия к критике“ о соотношении производительных сил и производственных отношений. Возьмите учебник Михалевского, он так и начинает его с производительных сил и производственных отношений. А попробуйте дальше во всем его курсе найти оправдание для того, что было поставлено вначале. Вы этого не найдете. То же самое у Лapidуса. То же самое мы находим и в других учебниках. По такой методике выходит, что производительные силы и производственные отношения обостряются в эпоху империализма, а до империализма нет развития, никаких изменений в отношении производительных сил и производственных отношений.

Такого рода подход, когда мы имеем декларацию, но не имеем претворения в жизнь, к сожалению вызывает целый ряд недоразумений по линии построения методи-

ческого курса. Я беру например программу т. Розенберга, которая, я считаю, также только декларирует вначале роль абстракции. В комментариях к I тому „Капитала“ т. Розенберг видимо почувствовал некоторые методические недостатки в программе и хотел их исправить комментариями. Там этот материал, эта методологическая проблема дана ясно и четко. Я думаю, что нужно все же дать вначале основы, по которым можно было бы проходить „Капитал“, а затем в каждом томе „Капитала“ показать, что он именно на этих основах базируется, и, наконец, дать завершение в конце, на основе прохождения всего курса.

Теперь перед нами проблема: законно ли ставить методическую проблему сейчас. Я считаю, что не только законно, но и сверхзаконно. Вы видите из выступления целого ряда товарищей, какая неясность царит в области методики. Проблема популяризации, или, как я называю, проблема „муки творчества“ не раз стояла перед Марксом. Возьмите например известное письмо Энгельса к Марксу, где он говорит, что довольно тебе так трудиться и добросовестно обрабатывать каждое твое положение—и без того поймут, а если не все поймут, то это неважно. Маркс возражает, указывает, что это неправильно, что нужно добросовестно разработать форму изложения.

Это весьма серьезная проблема; поэтому я думаю, что вопрос о методике, в такой форме, как я ставлю его, приобретает сейчас особенно острый характер, вплоть до того, чтобы привлечь эмоциональный момент в качестве методического.

Характерно, что в комментариях к „Капиталу“ т. Розенберг вначале указывает, что Маркс применяет хорошие приемы воздействия юмора, иронии, образов, вышучивания; к сожалению, когда разбирает следующую проблему, т. Розенберг считает нужным говорить о чем угодно, но только не об этих приемах художественного эмоционального воздействия, которые Маркс применяет. Но если бы т. Розенберг этот момент присоединил, то это значительно пришло бы на помощь учащимся и очень намного облегчило бы их работу.

Каким образом можно выравнить программу вузов и средних учебных заведений и рабфаков, техникумов и т. д.? Для этого необходимо взять шефство вузов над рабфаками. Политическая экономия—это единственный предмет, который преподается и на рабфаке и в вузе. Выравнив курс мы отчасти разгрузили бы его от нагрузки теоретическими проблемами и, наоборот, внесли бы конкретный материал, на который потом можно было бы в вузе ссылаться. И тогда было бы не то положение, что теперь, когда учащийся приходит в вуз и начинает читать опять Лапидуса и у него остывает всякий интерес, потому что это ему неинтересно.

Как привлечь к этой работе кафедры? Каждой кафедре необходимо дать какое-нибудь задание. Она должна на себя взять методологическую и методическую проработку того или иного задания. Получив такое задание или заявив сама, что она берет какое-нибудь задание, кафедра приводит в действие всех своих товарищей. Я считаю, что достаточно проработать одну какую-нибудь проблему методологическую или методическую, чтобы понять смысл всех других проблем и получить, по крайней мере, четкую установку. Такого рода работа оживила бы кафедры, зародила бы среди них желание работать в этом направлении, а потом мы ставили бы здесь доклады кафедр, а не отдельных докладчиков.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. Д. РОЗЕНБЕРГА

Я должен указать на один действительно большой пробел в моем докладе. Я все время исходил из практики преподавания в комвузах, и отчасти экономических вузах. Я не исходил из практики преподавания политической экономии в технических вузах. Поэтому от моего доклада получилось такое впечатление, будто я считаю, что мы сильно насыщены теорией, что нам только нехватает одного—увязки с конкретностью, с современностью и т. д.

Я предполагал говорить о тех недочетах, которые имеются у нас там, где преподавание политической экономии поставлено наилучшим образом. Для нас не является

секретом то, что помимо тех недочетов, о которых я говорил в своем докладе, имеются еще и другие. Мы все знаем, что у нас имеется много халтурщиков, что местами политическую экономию просто-напросто превратили чуть ли не в закон божий и пр. Но я не считал вовсе нужным на заседании, подобном нашему, доказывать, что политическая экономия не может быть превращена в закон божий, что это—нехорошо, что нельзя политическую экономию превратить в совокупность формул, которые зазубриваются и т. д. Перед нами стоит задача поднятия престижа политической экономии в технических вузах, потому что там кое-где политическая экономия еще считается—излишней дисциплиной.

Теперь я постараюсь доказать, что я не являюсь сторонником снижения теоретического уровня. Мой основной тезис гласит: „Увязка абстрактного с конкретным в конечном счете сводится к увязке логического с историческим“, а это диктуется самой методологией, на методику возложено лишь практическое осуществление этого требования.

Некоторые товарищи (напр. т. Печак) повидимому считают неправильным то, что я говорил о концентрации и централизации. Почему же мы не можем указать и на те формы централизации, которые имеют место в настоящее время? Нужно быть последовательным до конца. Если при анализе прибавочной стоимости нельзя еще говорить о таких явлениях, которые не имели места в то время, когда писался „Капитал“, то я спрашиваю: почему же вы допускаете возможность рассмотрения таких форм заработной платы, какие имеются только теперь? Ведь каждый великолепно знает о существовании объединения предпринимателей, объединения рабочих; существует государственное вмешательство. Имеет ли это значение для заработной платы или не имеет? А это какое явление? — Явление современное. Следовательно, если вы хотите быть последовательным до конца, тогда скажите так, что нельзя забегать вперед и рассматривать формы заработной платы, которые получили распространение в настоящее время и безусловно тесно связаны с существованием синдикатов, крупных профессиональных объединений и вообще со всем строем современного капитализма.

Тов. Печак выставил интересное положение. Правда, говорит он, у Маркса есть забегание вперед, но Маркс, во-первых, делает это осторожно, а во-вторых, Маркс подчеркивает то, что он забегает вперед. Почему же т. Печак считает, что мы не будем осторожны, почему он думает, что мы никаких оговорок не сделаем?

Теперь о методике и методологии. Тов. Гурвич правильно подошел к этому вопросу. Товарищи часто смотрят на методику свысока, существует мнение, особенно среди экономистов-теоретиков, что о методике даже говорить не следует. Такое отношение к методике является недопустимым. Иногда даже говорят о противоречии между методикой и методологией. Я считаю, что именно методика и ставит в первую очередь своей задачей осуществление требований методологии. Это конечно не идентичные понятия. Средства и цель не идентичны. Методика это то орудие, тот инструмент, при помощи которого мы достигаем определенной цели, диктуемой методологией. Это первая задача.

Но вместе с тем не нужно упускать из виду и другую сторону. Часто появляются специалисты-методисты „мастера на все руки“; не зная толком ни одной дисциплины, они берутся учить, как преподавать любую дисциплину. Это есть тоже результат пренебрежения к методике: квалифицированные работники ее игнорируют, а неквалифицированные превращают ее в ремесло, в искусство составления всякого рода рецептов.

Перехожу к выступлению т. Казанского, который, правда, сказал, что затронутый им вопрос находится только в связи с моим докладом. Вопрос, выдвинутый т. Казанским, сводится к тому, нужно ли нам давать методологию в начале курса политической экономии или в конце.

Я бы лично, сказал, что прежде всего это зависит от самой аудитории, с которой мы имеем дело. Если вы имеете дело с такой аудиторией, которая уже более или менее подготовлена, которая уже имеет представление о курсе в целом и приступает

теперь к более углубленной работе, то пожалуй я мог бы согласиться с т. Казанским, что методология может предшествовать курсу, но фактически такой аудитории мы еще не имеем. Если речь идет о том, что в начале курса уже нужно дать представление о производительных силах и производственных отношениях, то мы обычно это даем. Если же речь идет о том, чтобы дать всю методологию политической экономии вначале курса, то это неверно потому, что, во-первых, нужно учитывать уровень теперешней нашей аудитории, во-вторых, методологию политической экономии нужно преподавать не в абстрактной форме, а она должна все время сопутствовать прохождению нашего курса. Когда например вы начинаете курс политической экономии с товара и объясните это тем, что товар есть форма экономической клеточки буржуазного общества и обращаете тут же внимание на противоречие, которое заключено в товаре, а затем показываете, что внутреннее противоречие переходит во внешнее и этим самым раскрываете, что товар расщепляется на товар и на деньги,—то я утверждаю что вы занимаетесь и методологией. Если вы конечно потом переходите от стоимости к прибавочной стоимости и этот переход объясняете, а не просто перескакиваете, я считаю, что вы также занимаетесь методологией.

Что же при этом получается? По окончании курса остается только обобщать. Метод разворачивается одновременно с системой.

Я отвечу одному товарищу о соотношении между политической экономией и конкретными экономическими дисциплинами. Товарищ действительно поднял очень интересный вопрос о том, что когда приходится подходить к работе над конкретными экономическими дисциплинами, то оказывается, что товарищи не подготовлены по теоретической экономике, и поэтому он просит, чтобы мы не снижали теоретического уровня. Я не сомневаюсь в правильности того, о чем говорил товарищ и указываю, что я не думаю снижать теоретический уровень преподавания политической экономии. Увязка абстрактного с конкретным повышает теоретическое развитие.

Прения по моему докладу, к сожалению, полностью не развернулись, и я думаю, что нам, очевидно, в печати придется продолжить эту работу. Я думаю также, что мы должны будем оформить наше существование, организовать общество педагогов-экономистов при Комакадемии, которое сможет выполнить ряд задач, стоящих перед нами в этой области.

ПОПРАВКА

В статье М. Рыльского „Об одной опасной теории“ („Проблемы экономики“ № 4-5) фраза, начиная словом „надо“ (с. 61, 5-я строка) снизу и кончая словом „экспроприации“ (с. 62, 2-я строка сверху) является сноской к слову „элементов“ (с. 61, строка 5-я снизу) и ошибочно попала в текст.

ИЗВЕЩЕНИЕ

С августа 1930 г. журнал „Проблемы экономики“ сливается с журналом „Социалистическое хозяйство“ под названием „Проблемы Экономики“ — орган Института экономики Коммунистической академии.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

1) теоретическая разработка проблем социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (проблема генплана, географическое размещение промышленности, тенденции технического развития, вопросы рационализации, вопросы труда на новом этапе и др.);

2) теоретическое освещение проблем современной фазы империализма и проблемы взаимоотношений СССР с капиталистическими странами;

3) теоретическое разоблачение уклонов от ленинизма и генеральной линии партии;

4) борьба против буржуазной идеологии в области экономики в СССР и капиталистических странах;

5) творческая разработка наименее разработанных сторон марксовской политической экономии;

6) практическая помощь преподавателям вузов и комвузов путем освещения проблем методологии и методики преподавания экономических дисциплин.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1) Передовая, 2) Статьи, 3) Трибуна, 4) Критика и библиография, 5) Научная жизнь.

Журнал отражает на своих страницах исследовательскую работу во всех областях экономики, ведущуюся Институтом экономики Коммунистической академии и всеми соответствующими научно-исследовательскими учреждениями и кафедрами в Москве и провинции.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО.

Подписчики журнала „Социалистическое хозяйство“ начнут получать журнал „Проблемы Экономики“ начиная с № 8—9.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Без приложений на 1 год—12 руб.; на $\frac{1}{2}$ года—6 р. 50 к.

С приложениями на 1 год—24 руб.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Издательство Коммунистической академии, Москва, ГСП, 10,
Волхонка, 14, тел. № 2-38-97, 3-37-40.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	СТР.
В. Милютин. Итоги XVI Партсъезда	3
И. Бялый. Эволюция проблемы „кто кого“?	13
Б. Вейц. Основные вопросы энергетического перевооружения СССР	26
И. Гохман. Основные методы развития металлургической промышленности (в порядке обсуждения)	47
З. Зангвиль. Кредитная система в реконструктивный период	64
В. Докунин. Железнодорожный транспорт в САСШ (к проблеме размещения промышленности и транспорта в САСШ)	75
М. Герцбах. Мировой экономический кризис и международные монополии	93
В. Гилевич. Проблема расширенного воспроизводства (в порядке обсуждения)	104*
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Б. Н. Три книги по актуальнейшим проблемам нашей экономики	134
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Актуальные вопросы преподавания политической экономии	147
Доклад Д. Розенберга и прения	147
●	
ОТ РЕДАКЦИИ Извещение	162

Р Е Д А К Ц И О Н Н А Я К О Л Л Е Г И Я

- С. Бессонов, Б. Борилин, Р. Вайсберг, А. Кон, А. Крицман, А. Леонтьев,
- Л. Мартенс, А. Мендельсон, В. Милютин, Н. Резенталь, С. Ромин.

ПОДПИСЧИКАМ
ЖУРНАЛА "СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО" на 1930 г.

Уважаемые товарищи

С августа 1930 г. журнал "Социалистическое Хозяйство", ввиду общности задач и программы, слился с ежемесячным журналом "Проблемы Экономики", органом Института Экономики Ком. Академии.

Задачи журнала - "Проблемы Экономики".

1. Теоретическая разработка проблем социалистической реконструкции народного хозяйства СССР /проблема генплана, географическое размещение промышленности, тенденции технического развития, вопросы рационализации, вопросы труда на новом этапе и др./.

2. Теоретическое освещение проблем современной фазы империализма и проблемы взаимоотношений СССР с капиталистическими странами.

3. Теоретическое разоблачение уклонов от ленинизма и генеральной линии партии.

4. Борьба против буржуазной идеологии в области экономики в СССР и капиталистических стран.

5. Творческая разработка наименее разработанных сторон марксовской политической экономии.

6. Практическая помощь преподавателям вузов и комвузов путем освещения проблем методологии и методики преподавания экономических дисциплин.

Отделы журнала "Проблемы Экономики".

1. Передовая. 2. Статьи. 3. Трибуна. 4. Критика и библиография. 5. Научная жизнь.

Журнал отражает на своих страницах исследовательскую работу во всех областях экономики, ведущуюся Институтом Экономики Ком. Академии и всеми соответствующими научно-исследовательскими учреждениями и кадрами в Москве и провинции.

Условия подписки: на год - 12р., на 5 мес. - 6р.50к.

Так как книга III за июль 30 г. "Социалистическое Хозяйство" уже разослана подписчикам, то "Проблемы Экономики" будут им высылаться с № 7 за июль 30 г. и до конца года.

просьба своевременно возобновить подписку на журнал "Проблемы Экономики" на 1931 год.-